

Antonij V. Florovskij

Češskaja biblija
v istorii rusškoj kul'tury
i pis'mennosti

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH

SPECIMINA PHILOLOGIAE SLAVICAE

Herausgegeben von
Olexa Horbatsch, Gerd Freidhof und Peter Kosta

Band 77

A. V. Florovskij

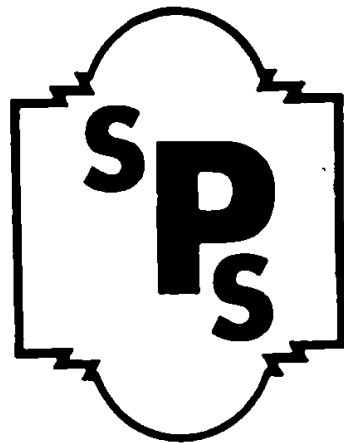
ČEŠSKAJA BIBLIJA
V ISTORII RUSSKOJ KUL'TURY
I PIS'MENNOSTI

Praha 1946

VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN

1988

Z 74.772 - 77

Bayerische
Staatsbibliothek
München

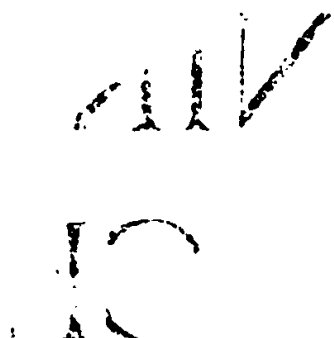
Verlag Otto Sagner, München 1988.
Abt. Fa. Kubon und Sagner, München.
Druck: Firma Mauersberger, Marburg.

ISBN 3-87690-402-1

014 14 9184

F. Skaryna
1490 - 1990

Nachdruck mit freundlicher
Genehmigung von Dilia, Prag.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Предисловие	153—154
Гл. I. Вопрос об обстоятельствах возникновения Библии на Руси на живом народном языке. — играл ли в этом явлении роль чешский пример?	154—163
II. Известность чешской Библии в восточно-славянской среде	163—166
III. Чешская Библия, как одно из пособий Скорины при издании им в Праге «русской» Библии	166—186
IV. Фр. Скорина в Праге в 1517—1519 гг.	186—198
V. Вопрос о гуситских влияниях в деятельности Скорины	198—208
VI. Вторичное пребывание Фр. Скорины в Чехии	208—218
VII. Влияние изданий Скорины в XVI—XVII вв.	219—225
VIII. Чешские библейские тексты, как пособие при обработке русских библейских чтений XV—XVII вв.	226—242
а. Пересопницкое Евангелие 1556—1561 гг.	227—230
в. Послание ап. Павла к Лаодикийцам в галицко-русской рукописи XVI. в.	230—232
с. «Песнь песней» в украинском переводе XV. века	232—242
IX. Чешская Библия, как пособие при издании Острожской и Елисаветинской Библии.	242—247
Résumé (по чешски)	247—249
Литература. — Сокращения	249—257
Дополнения	257—258

SBORNÍK FILOLOGICKÝ

VYDÁVA

III. TŘÍDA ČESKÉ AKADEMIE VĚD A UMĚNÍ

SVAZEK XII.

V PRAZE

NÁKLADEM ČESKÉ AKADEMIE VĚD A UMĚNÍ

1940—1946

Antonij V. Florovskij - 9783954795772
Downloaded from PubFactory at 01/10/2019 04:03:44AM
via free access

А. В. Флоровский

ЧЕШСКАЯ БИБЛИЯ В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ.

(Фр. Скорина и продолжатели его дела).

„... Čechové užitek veliký zákona božieho znajíce : aby to dobré : netoliko v českém národě : ale všude jinde mohlo se rozšiřovati : vzali jsú na se tuto práci . . .“

Предисловие в Библии 1506 г.

Библия. Книга книг, в развитии культуры и письменности каждого христианского народа играла и играет весьма крупную и временами определяющую роль. В истории духовного и литературного развития славянских народов такую роль долгое время играла Библия на старославянском языке, ставшем потом языком церковно-славянским по преимуществу. Такая славянская Библия была, однако, прочным и постоянным неотъемлемым достоянием только православных славян. Славяне западной, римской религиозной и церковной ориентации, в частности и чехи, рано утратили связь с этой старославянской библейской традицией и вошли в колею латинского церковно-культурного влияния и латинской богослужебной и литературной практики. Этот этап культурной жизни чешского народа был, однако, лишь переходным и сменился новым периодом развития собственно-славянского творчества, периодом проникновения живой славянской языковой и духовной стихии в область литературы, общественной и религиозной жизни. Одним из важных и показательных проявлений этого нового периода в жизни Чехии была Библия на живом народном чешском языке. Среди славян западной, католической ориентации чехи были первыми, кто начал эту национализацию Священного Писания в языковом отношении. Дело чехов не осталось достоянием только чешской среды. Его значение было много шире. Чешская Библия переступила очень рано пределы собственно-чешской земли

и оказала свое влияние и далеко вне ее. Поляки оказались в деле национализации Библии, в деле обработки Библии на польском языке учениками и продолжателями чехов. Но чешский пример нашел пути влияния и вне западно-славянских областей. Чешская Библия оказала свое влияние и среди восточных славян, среди русских, как одно из важных и нужных пособий при редактировании библейских текстов для потребностей русских, православных читателей. Вот этот интересный эпизод в истории влияния чешской Библии среди русских и будет предметом последующего изложения. Мы увидим, как чешские библейские тексты сыграли известную роль при обновлении старославянской языковой традиции русской Библии и как именно к чешской Библии обращались русские редакторы и издатели, как к надежному и важному руководству при выправке текста и языка. Как читатель ниже увидит, мы не склонны считать влияние чешской Библии в русской среде единственно решающим в вопросе о возникновении Библии на живом языке той или иной области Руси. Однако, уже исключительное в истории восточно-славянской культуры явление Фр. Скорины и его «Русской Библии», изданной в Праге, заставляет с особым вниманием отнестись к теме, намеченной нами для настоящего очерка, и подсказывает необходимость установить формы и обстоятельства влияния чешской Библии в развитии русской культуры и письменности.

1. ВОПРОС ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ БИБЛИИ НА РУСИ НА ЖИВОМ НАРОДНОМ ЯЗЫКЕ, — ИГРАЛ ЛИ В ЭТОМ ЯВЛЕНИИ РОЛЬ ЧЕШСКИЙ ПРИМЕР?

С конца XV века в книжной восточно-славянской среде, а особенно в польско-литовской ее части, обнаружилось важное в культурно-историческом отношении течение, выражавшееся в выполнении переводов книг Священного Писания, доньше обращавшегося здесь в церковно-славянском тексте, на живой народной язык. Живым свидетельством о жизненности и интенсивности этого течения являются немалочисленные письменные памятники, содержащие западно-русские или украинские тексты различных частей библейского текста — как из Ветхого, так и из Нового Заветов¹⁾. Некоторые из этих памятников были выполнены, как показывает специальный анализ их языка и текста, при помощи чешских литературных пособий. В связи с этим фактом, а равно в связи и с тем обстоятельством, что — среди славян — ранее всего именно на чешской почве явственно определилось такое движение в сторону проникновения народной живой речи в тексты Священного Писания, — мы должны несколько отдать себе отчет об обстоятельствах, могущих объяснить возникновение русских текстов библейских книг, и в особен-

¹⁾ Перечень см. напр. у Яворского, Библейскія сказанія, 6—9.

ности о том, не играло ли в развитии этого явления на восточно-славянской почве какую-либо роль и чешское влияние.

Когда и при каких обстоятельствах могли возникнуть на Руси первые отступления от господства церковно-славянской языковой традиции в сторону обмирщения языка Священного Писания? Ответ на этот вопрос связан, конечно, уже с теми условиями, при которых происходило распространение и сохранение рукописных текстов библейских книг. Эти отступления могли происходить и происходили издавна в порядке естественного и частью ненарочитого приближения языка переписываемых книг Священного Писания к живой речи переписчиков, в порядке некоторого освежения языка без нарушения его господствующей церковно-славянской стихии. Однако, таким путем могли проникнуть в книги Библии лишь отдельные слова, выражения, отчасти те или иные формы, но не сколько-нибудь значительное видоизменение самого их текста. Между тем к концу XV столетия мы имеем уже дело с отдельными фактами полного отступления от церковно-славянской языковой традиции. Такое явление может быть объяснено появлением и выростанием некоего нового воззрения на Священное Писание, воззрения, исходившего из стремления приблизить библейские книги к широкому русскому читателю, чисто церковную Библию, освященную церковным ее употреблением при богослужении, если не заменить, то поставить рядом с Библией обыденной, домашней, общедоступной, народной, вывести Священное Писание из ограниченного круга церковных потребностей духовной среды и сделать ее достоянием и тех общественных групп, которые или невооружены полнотой знания церковной языковой традиции или же освожились от нее во имя новой более мирской умственной культуры²⁾.

Процесс такого обмирщения Библии в православной восточно-славянской среде имел аналогию весьма показательную и выразительные прецеденты в славянских странах католических. И на первом месте должна быть в этом случае названа Чехия. Уже к концу XIV столетия в чешском переводе имелись все части Библии, правда, еще не сведенные в один кодекс. Такой свод был сделан уже в самом начале XV века, к концу его относится первое полное печатное издание чешской Библии, выпущенное в 1488 году, — Новый Завет отдельно издан еще в 1475 г.³⁾ Польша несколько отстала от Чехии. Первый известный нам польский перевод всей Библии в целом относится к середине XV века, это известная Библия королевы Софии (Гольшанской), жены Ягайлы, сохранившаяся (в главной части) в Шарошпатаке в Венгрии⁴⁾. Более ран-

²⁾ Ср. *Седельников, А. Д.*, — Послание от друга к другу и западно-русская книжность XV века, ИАН. СССР., ОГН., 1930, 4, 234 и сл.

³⁾ *Jakubec, Děj. lit. č.* I, 217, 404 и сл.; *Bartoš, Počátky bible*, 169—177; *Vraštil, ČslB.*, III, 334 и след.; *Tobolka, Slovník*, 65, 42; *Knihopis*, I, 32 (№ 25), 23 (№ 2); *Vašica, J.*, *Staročeský překlad bible, Bible a čes. národ* 122—138.

⁴⁾ Издана *A. Maleckim* в 1871 г., а в 1930 г. в факсимиле — *Bernacki, L.*, *Biblia Szaroszpatacka*, Lwów, 1930.

ними (м. б. уже в XIII в.) являются только переводы Псалтыри, древнейший ее список — Флорианская Псалтырь — написан в Кладско для королевы Ядвиги в самом конце XIV в.⁵⁾ В печати польская Библия появилась впервые только в середине XVI века. Но что важно отметить относительно ранних польских переводов книг Священного Писания, это их зависимость от чешских библейских текстов. И Флорианская и Пулавская (XV в.) Псалтыри и Библия королевы Софии осуществлены были при помощи чешских переводов, восходят к ним⁶⁾. Это обстоятельство имеет весьма существенное значение, ибо оно указывает на явное влияние чешского примера перевода книг библейских на народный язык в польской среде⁷⁾. Гуситскому влиянию, как известно, приписывается и появление в XV в. первых переводов Св. Писания на румынский язык⁸⁾.

Перевод Священного писания на живой народный — или приближающийся к нему — язык есть явление, выходящее из рамок общей практики и установлений Римской Церкви. Это есть часто проявление нового духа, духа свободы и независимости от традиционных форм, освященных авторитетом церковной власти. Во всяком случае каждое религиозное движение на Западе, отделявшее себя от официальной церковной доктрины, — и в средние века и в начале нового времени — идею чтения Священного Писания на народном языке ставило во главу угла своего учения и своей тактики. В этом смысле эта идея в своем полном выражении есть идея «еретическая», «сектантская», не «церковная», — чем более росло и ширилось ощущение неправоты официальной римско-католической церковности, тем шире и глубже вrostала эта идея в общее сознание, идея реформы церкви крепко сочеталась с этой идеей народной Библии. Поскольку в чешском гуситстве эта идея «реформации» была уже на лицо, постольку и гуситская приверженность к народной чешской Библии была одним из проявлений этого потрясения связывающего авторитета Рима в чешском народном сознании. Во всяком случае Римская

⁵⁾ Ср. Bernacki, L., *Geneza i historia Psalterza Florjanskiego*, Rocznik zakładu narodowego imienia Ossolińskich, I—II, 1927—1928. Lwów, 1928, 1—20, особ. 20, тут и снимки. См справки о переводах Свящ. Писания в Польше — Brückner, *Średniowieczna proza*, 5, 69—70, 83—84.

⁶⁾ См. о сем Nehring, *Iter Florianense*, 50—66; Małeckі, *Wiadomość*, XXVII и сл.; Loś, *Początki*, 144 и сл., 151, 166 и след.; Janów, *Czeska Biblija*, 250—256. Первая печатная польская Библия (Шарфенберга) 1561 г. — тоже редактирована на основании чешской Библии — Małeckі, *Wiadomość*, XXX и сл.; *Карский*, Псалтырь, 85; ср. Polivka, *Sbornik filologický*, VI, 1917, 1—39 и LF., XLIV, 1917, 133—145; *Первольфъ*, Славяне, III, 1, 216 и след.

⁷⁾ Ср. Szykowski, *Styky česko-polské*, 174; суммарная сводка данных см. у Hanus'a, *Stosunki*, особ. 27 и сл., 50, и сл.; ср. B. Havránek, *Waren die Handschriften der poln. Königin Iadwiga polnisch oder tschechisch?* Slavische Rundschau, X, 1938, N 6 = *Arbeiten F. Spina zur Gedächtniss*, 88—95.

⁸⁾ Ср. С. К. Чебань, Досифей, митр. Сочавский, Киевъ, 1915, 10—12; Jorga, N., *Istoria literaturii românești*, I², București, 1925, 100—111; *Macurek Co daly*, 89.

Церковь воспринимала в свое время народную по языку Библию как нарушение полной верности ее авторитету⁹⁾).

Так было в странах и у народов, где господствовала церковь католическая, в частности так было и у славян-католиков. Среди восточных славян, славян православных, русских, в идее дело обстояло несколько иначе, поскольку языком Церкви, языком Священного Писания был тут язык не чужой, живший не только в литературе, а свой славянский, т. е. более или менее близкий к живой русской речи, более или менее близкий к старо-русскому литературному языку, — и это порою, заметим, польские протестанты считали уже значительным преимуществом русских перед поляками¹⁰⁾. Реакция против церковно-славянского языка в сторону языка народного здесь не являлась сколько-нибудь резким и решительным отпадом от церковно-культурной стихии, которая сама по себе в начальную пору своего созидания, — в эпоху деятельности свв. братьев Кирилла и Мефодия в Моравии была победой именно народного языкового начала над нивелирующим началом латинским. В виду этого приближение языка книг Свящ. Писания к живой речи у православных славян могло происходить более спокойно и естественно, без взрыва или разрыва церковно-славянской традиции. Правда, чем яснее и отчетливее обозначалось со временем расхождение этой традиции с живой речью той или иной области, тем более открывалось возможностей и поводов ощущать церковно-славянскую словесную оболочку библейских чтений, как некоторое отживающее, окостеневшее и малодоступное для преодоления средостенное между простым, рядовым слушателем или читателем и собственно Библией, Священным Писанием в его содержании и изложении. В пределах расселения восточных славян это явление едва-ли не наиболее остро должно было проявиться в тех областях, где к старому основному русскому словесному началу в письменной и бытовой практике стали присоединяться элементы иной языковой природы или стихии. Язык старо-русской письменности вырос и созрел на корнях церковно-славянского литературного языка; однако — отдельные части русского расселения одновременно подвергались более или менее интенсивному воздействию иных языковых стихий. И в частности (а это для нас особенно важно и интересно) западно-русский и южно-русский (украинский) языки приняли на себя весьма заметную печать речи польской, сложившейся и получившей доступ к письменности и литературе при условии

⁹⁾ Ср. *Огієнко*, Укр. мова, 17—18, 29; ср. *ČSB.*, II, 209 и сл.

¹⁰⁾ Ср., например, заявление склонного к протестантизму Мартина Бельского в «Хронике Света»: „rusacy, naszymi braćmi, greccy literami, a my łacynskimi piszą, przeto nad nas wiele mają, iż przyrodzonym językiem piszą i czytają, a my cudzoziemskim łacynskim, to jest włoskim, który nie może iść każdemu u nas w posłuch, tak w kościołach, prawdech, jako i indziej“; цит. по Ign. Chrzanowski, *Marcin Bielski, wyd. 2, Lwów-Warszawa, 1926, 9*.

почти полной независимости от церковно-славянской стихии¹¹⁾. Это польское влияние в Западной и Южной Руси, столь явственное при чтении письменных памятников этих областей старой поры, могло углубить и ранее, конечно, имевшееся отчуждение живой народной речи от языка церковных книг, языка церковно-славянского.

Существует немало ясных указаний на то, что в южной и западной Руси в XVI веке живо ощущалось отдаление живой речи от языка традиционных текстов Священного Писания, что этот последний язык становился для многих чуждым и утрачивал свою былую доступность и понятность¹²⁾. Но одновременно с этим имеется немало выразительных фактов, говорящих о наличности и известной традиционной верности ряда лиц (Иван Вишенский, кн. А. Курбский!) церковно-славянскому языку в церковных книгах и богослужебной практике¹³⁾. Эта верность была, конечно, явлением вполне естественным и законным еще и потому, что православная вера и органически с нею связанное в сознании многих церковное книжное писание были национальным достоянием русских, достоянием тем более дорогим и ценным, что на русскую среду в Польше и Литве шло издавна, в XVI в. особенно, сильное давление католичества, что русским надлежало занимать оборонительные позиции для защиты своей народности и народной культуры. Угроза окатоличения и соблазн Унии, как равно позднее и опасности протестантского влияния были в глазах верных блюстителей русского начала весьма сильным побудительным средством для единения вокруг веры и церкви, как органических элементов русского национального и культурного бытия. Так намечались два противоположных процесса, две противоположные психологии: консервативная, озабоченная блюдением церковно-славянской традиции ради сохранения верных православной церкви русских в единстве в години грозящих испытаний, — и психология более свободная от традиций, психология отхода от них ради большей доступности Св. Писания современному читателю; правда, и эта вторая линия могла быть

¹¹⁾ Ср. *Трубецкой, Н. С.*, кн., К проблеме русского самопознания. Собрание статей. Евразийское книгоиздательство, 1927. 66, 71—72, 73 и сл.; ср. *Огієнко*, Укр. мова, 461 и след.; *Weingart*, *Politické složky*, 180—187, особ. 183.

¹²⁾ См. сводки данных об этом: *Martel*, *La langue*, 68 и сл., 77 и сл., 98 и сл., 209; *Архангельскій*, *Очерки*, 8 и сл., 97—98 прим., 149; *Первоульць*, *Славяне*, II, 594 и сл.; *Евсьевъ*, *Очерки*, декабрь, 1347 и сл.; *Карскій*, *Псалтыри*, 4—7; *он-же*, *Белорусы*, III, 2, 6—9; *Грушевскій*, *ИУЛ.*, V, 97—100; *Огієнко*, *Укр. мова*, 44—45, 89—91, 93—97, 101—109; *Janów*, *Źródła*, 471—473.

¹³⁾ Ср. *Архангельскій*, *Очерки*, 9; *Первоульць*, *Славяне*, III, 600—601; *Владиміровъ*, *Скорина*, 29—33; *Грушевскій*, *ИУ-Р.*, VI, 470—473; *он-же*, *ИУЛ.*, V, 306, 416; *Огієнко*, *Укр. мова*, 57—58, 97—101; *Грушевскій*, *А. С.*, *Изъ полемической литературы конца XVI в. послѣ введенія Уніи*, § II, *ИОРЯС.*, XXI 2, 1917, 299—304; ср. *Житецкій*, *Старинныя воззрѣнія русскнхъ людей на русскій языкъ*, *КСт.*, т. IV, 1882, XI, 282 и след.; *он-же*, *Очеркъ*, 39; *он-же*, *Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго*, *КСт.*, XXI 9, 1890, VI, 519 и сл.; *Франко*, *Вишенскій*, 38, 496-7.

полезною для сплочения русской среды в пору национально-вероисповедных затруднений¹⁴⁾).

Напоминая об всех этих обстоятельствах, мы хотим отчетливо подчеркнуть, что появление Св. Писания на живом народном языке в зап. и южн. пределах вост.-слав. расселения происходило в обстановке и на почве, дававших немало естественных оснований для такого факта. И историческая обстановка развития языка письменности, и психологические условия культурного развития были таковы, что передача текстов Св. Писания на народной живой или литературной речи могла иметь место и встретить сочувственное к себе отношение в русской народной и культурной среде. Формулируя это положение¹⁵⁾, мы не имеем при этом в виду, однако, только этим общим условиям и обстоятельствам приписывать целиком столь важные и в историко-литературном и в историко-культурном вообще отношении факты, как переводы книг Священного Писания на живой язык. Эти факты были плодом взаимодействия целого ряда различных факторов и условий, — к тем внутренним, о которых шла речь выше, прибавлялись и иные, как-бы внешние, — о них нам предстоит сейчас говорить.

Интересующее нас явление передачи текста книг Священного Писания на живом народном языке в Западной и Южной Руси датируется концом XV века, — именно в это время написаны те западно-русские тексты «Псалтыри» Федора Жидовина и Пятикнижия Моисеева, которые являются наиболее ранними памятниками такого рода; рядом с ними нужно поставить несколько более поздний по происхождению западно-русский сборник ветхозаветных книг Виленской Публичной Библиотеки (№ 262/10)¹⁶⁾. Все эти три рукописи содержат переводы книг Свящ. Писания с еврейского языка, с еврейского подлинника. Это обстоятельство придает им особое значение, оно приводит нас, может быть, к тому интересному и значительному явлению в духовной жизни восточных славян, каким было — неясное еще во многом, в частности в своих связях с еврейством — движение, ересь жидовствующих. Перед нами, можно думать, памятники литературной деятельности адептов этого движения или во всяком случае тех кругов, которые были в сфере тех же, как и эти «жидовствующие», культурных влияний и течений. Движение «жидовствующих» было тесно связано с усилением интереса

¹⁴⁾ Ср. *Огієнко*, Укр. мова, 70—71.

¹⁵⁾ Ср. замечания о семъ у *Яворскаго*, Библейскія сказанія, 1—2; Ср. *Огієнко* Укр. мова, 72—85; ср. суждения *Кочубинскаго*, Замѣтки; *Martel*, La langue, 101 и сл.

¹⁶⁾ См. указания *Владимирова*, Скорина, 239—241; *Соболевскій*, Переводная литература, 399—400; *Яворскій*, Библейскія сказанія, 6; *Грушевскій*, ИУЛ., V, 77 и сл., 113—117; *Огієнко*, Укр. мова, 52; *Карскій*, Бѣлорусы, III 2, 11, 18—21; ср. *Перетцъ*, Новые труды, 23 и сл.; *он-же*, Къ вопросу, 268—269; *Возняк*, ИУЛ., II, 2; *Oljančyn*, Aus d. Kulturleben, 1936, 187—8; *Орлова*, А., Древняя русская литература, XI—XVI вв., М.-Л., 1937. 286 и сл. — *Перетцъ*, В. Н., К вопросу о еврейско-русском литературном общении. *Slavia V.*, (1926—7), 267—276.

к пересмотру наличного состава библейских книг в русском книжном обороте и к обновлению текста полной Библии. Не исключено, что эта ориентация «еретиков» могла послужить и одним из импульсов для большого и полностью осуществленного в 1499 г. плана новгородского архиепископа Геннадия дать новый полный церковно-славянский свод библейских книг¹⁷⁾.

Ряд других, правда, более поздних опытов перевода книг Священного Писания в южной и западной Руси восходит к другому источнику, к другому примеру и руководству, в их основании лежат польские библейские тексты, большею частью при этом «еретические» — антитринитарские или социнианские; а рядом с польскими пособиями играют заметную роль на Руси и пособия чешские. Эти указания относительно чешских и польских переводов, как пособий при опытах передачи книг библейских на народном языке восточных славян, открывают нам западный источник этого дела. Совершенно законно и необходимо, таким образом, говорить о наличии и определенных западных веяний в среде тех обстоятельств, которые объясняют уклон западно-русских и южно-русских книжников и просвещенных людей в сторону использования местной народной речи в деле распространения знакомства со Священным Писанием. Для XVI столетия таким западно-европейским источником влияния могло быть движение Реформации, для XV столетия и начала XVI века напрашивается связывать русскую практику переводов и с движением гуситским.

Что касается стголссков реформационного движения, то их легко, конечно, объяснить при принятии во внимание того широкого и мощного влияния, какое имели Реформация и различные течения реформационные в Польше и в Литовском государстве. Духовная жизнь польского и литовско-русского общества была полсжительно взбудоражена этим реформационным движением, оно оказалось одной из определяющих духовных сил в жизни Польши и Литвы в XVI веке. И если польские переводы и издания Священного Писания в этом столетии были живым отражением этого движения¹⁸⁾, и если в собственно — литовской среде именно в связи с ним выполнены были переводы библейских книг на живой литовской язык¹⁹⁾, то в той же колее двигалась мысль и работа и западно — и южно-русских (белорусских и украинских) книжников в это время, в середине и конце XVI столетия русское общество в Польше и Литве переживало те же влияния и влияния, что и общество польское. Со времени более или менее прочного и организованного оседания представителей и общин чешских братьев в пределах Польши к тем влияниям реформационного характера, которые предшествовали этому оседанию, прибави-

¹⁷⁾ Ср. Fritz Erlenbusch [= Dm. Čyževskýj], *Husitství a východoslovanské sekty, Co daly*, 90—92. Мы имеем в виду в ином месте более подробно остановиться на вопросе о связях жидовствующих с гуситством.

¹⁸⁾ Ср. Wotschke, *Reformation*, 150 и след.; *Völker, Kirchengeschichte*, 180.

¹⁹⁾ *Огієнко*, Укр. мова, 24.

лесь и воздействие идеологии и практики общины чешских братьев, идеологии, во многом, как мы знаем, весьма близкой иным течениям в протестантской массе в Польше и Литве. Однако, в эту эпоху чешский голос в общем хоре реформационных идей и веяний не поддавался все же отчетливому выделению — в частности в отношении его, собственно его частных воздействий и отражений в жизни русской части населения Польши и Литвы²⁰).

Связь фактов передачи Библии на русском народном языке в середине и конце XVI в. с реформационным движением не вызывает, таким образом, сомнений. Деятельность В. Тяпинского и др. в этом смысле весьма показательна²¹). Вполне естественно и самые первые случаи такого рода (конца XV и начала XVI в.) на Руси объяснять в общей перспективе эпохи и не считать их явлением совершенно изолированным от общего духовно-культурного движения того времени, т. е. и от чешской религиозно-культурной жизни. Связь эту в последнем смысле весьма положительно утверждал не так давно М. С. Грушевський. «Відгомони чеського релігійно-національного руху», писал он, «відгомони и впливи, вповні безсумнівні, я, на жаль, при теперешнім стані студій у нас, можу тільки постулювати: говорити про те, що вони мусіли бути, замість вичисляти їх прояви в нашій життю й письменстві», — «а питання, продовжає той же автор, тим часом дуже інтересне саме по собі, и зокрема дуже важне для зрозуміння культурного и письменського руху на Україні»²²). И далее Грушевський заявляет, что «чеський рух, емиграція, гуситські заходи мусіли принести сучасну чеську літературу» на Украину, что «без гуситства попросту не можна зрозуміти собі сього звороту до народньої, або краще сказати — світської, мови», наклонность к народному языку «міг в тім часі піддати майже виключно гуситський рух»²³).

Мы не имеем в виду подчеркивать и здесь свое несколько сдержанное отношение к этим «постулатам» в их целом, к утверждениям об определяющем именно чешском влиянии в культурной жизни восточных славян (польско-литовских)²⁴). Нам представляется, однако, совершенно

²⁰) Ср. *Сперанскій, М. Н.*, История древней русской литературы, 226—7.

²¹) См. о нем *Огієнко*, История друку, I, тут указания литературы.

²²) *Грушевський*, ИУЛ., V, 53, 54, 65; ср. *Огієнко*, Укр. мова, 6—8, 48—49, 90, 477 и сл.

²³) *Грушевський*, ИУЛ., V, 73, 90, 92—93, 94, ср. 116, 117; *его же*, Впливи, 9—10; *Oljančyn*, Aus dem Kulturleben, 188, u II:1, 51; *Weingart*, Slovanská vzajemnost, 94—95; ср. *Карскій*, Бѣлорусы, III, 2, 12; *Первольфъ*, ЧР, VII, 62-3; *Erlenbusch*, Co daly, 90—92.

²⁴) Отметим только, что в своей истории Украины *Грушевський* стоял именно на определенно-скептической точке зрения в отношении влияния реформационных идей (ИУ-Р., VI, 420—426, ср. 426-27 — «в кождім разі поворот до народньої мови в українсько-білоруської книжності став ся незалежно від протестантських течій XV в. (sic!) і скорше від них»); см. и *Грушевський*, Національний рух, 50. Это же повторяет *Грушевський* и в своей книжке «З історії релігійної думки на Україні», Львів, 1925, 11.

естественным и последовательным признанием такого влияния в области применения народного языка в Библии. Едва ли только им одним надлежит объяснять это важное явление в истории русской культуры, явление, имевшее корни и в самой русской почве. Западные веяния, в частности и веяния гуситские могли дать новые соки этим корням, могли питать новыми впечатлениями ту русскую среду, в которой нарастала потребность и желание иметь священные книги библейские на родном русском языке. Чехия опередила в этом отношении Польшу и еще более опередила Русь, польские опыты переводов книг библейских опирались на практику и пример чешские, этим путем, как было упомянуто, пошли и русские переводчики Библии. Из Чехии, значит, шли волны, обращавшие более или менее подготовленную среду к использованию родного языка в деле распространения Св. Писания. Проповедь в церкви с толкованиями текстов Евангельских и иных на живом народном языке могла начать это дело, расхождение церковно-славянских текстов с живою разговорною речью могло подготовить почву для благоприятного направления всего дела, сначала подсказывая русские глоссы на полях книг, а потом и подправку самого текста, примеры Польши и Чехии, веяния из Чехии могли давать и пособие и указание в этом деле. И в результате — развитие известного отхождения от церковной книжной традиции хотя бы в области языка, движение в сторону демократизации церковных знаний через большую доступность массам Священного Писания; реформационные влияния XVI века углубили и укрепили эти тенденции.

Так решаемся мы представить себе общую обстановку возникновения и развития столь важного в истории духовной культуры и литературы явления, каким были и оказываются старые переводы книг библейских на русский язык.

Отсутствие сколько-нибудь положительных фактических данных относительно чешского гуситского влияния в Западной и Южной Руси²⁵⁾ вынуждает нас к той осторожности, с какою мы высказываемся выше о возможности и силе этого влияния в области обращения к народной речи на Руси в церковной письменности. Мы склонны постулировать — вслед за М. С. Грушевским — это влияния и признавать и за ним известную роль, те факты, о которых будет речь ниже и которые удостоверяют обращение русских книжников к помощи чешской Библии, на 52 и сл., однако, в дополнениях к ее тексту он уже стал на точку зрения своего «постулата» и утверждал «великий вплив» чеських «взірців» и на дело Скорины (стр. 157 и сл., особ. 158-9).

²⁵⁾ Отметим два интересных факта. Рукопись комментария на Апокалипсис ученика Виклефа Джона Purvey Лютер получил „aus Littawen“, изд. в 1528 г. (Oljančyn, Aus dem Kulturleben, II, 1, 51 прим.). Гуситы в Збончине (Великая Польша) в 1438 г. „communicant sub utraque specie de manibus Nikolai Cloczek et Johannis intrusi ibidem de Russia“ (Ks. J. Nowacki, Biskup poznański A. Bniński w walce z husytami Zbączynia. Roczniki historyczne, X, 1934, 264, 273).

это дают известное право. Однако, не одним этим влиянием объясняется появление русских переводов Св. Писания, оно могло быть одним из нескольких факторов, определявших это явление, не прямо вызвав его, но положительно содействуя его развитию. И при этом здесь могла играть роль не столько собственно вероисповедная, сколько религиозно-культурная и собственно литературно-языковая сторона дела. Не гуситство как таковое, но гуситство, как одно из проявлений новых западно-европейских веяний эпохи, как славянское их выражение, посредствовавшее в проникновении новых начал культуры и миросозерцания в славянскую среду европейского востока.

II. ИЗВЕСТНОСТЬ ЧЕШСКОЙ БИБЛИИ В ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКОЙ СРЕДЕ.

От вопроса общего характера — о народном языке русском, как языке, на котором пишется, печатается и читается текст Свящ. Писания — мы можем обратиться теперь к конкретным явлениям этого рода, к литературным памятникам этой переводческой и издательской деятельности, поскольку в них усматриваются положительные следы влияния чешских библейских текстов. Этот обзор мы имеем возможность предварить несколькими справками, которые показывают нам чешские библейские книги еще не в их влиянии и воздействии, но в их доступности для восточно-славянского читателя. Мы имеем в виду указания на присутствие чешских книг в составе книжных собраний в разных краях Восточной Европы.

Наиболее ранним является факт наличия чешской Библии в составе библиотеки великого князя литовского в Вильне в описании ее 1510 года. В списке книг этой библиотеки²⁶⁾ приводится — рядом с книгами русскими и латинскими — и «реестръ чешскихъ книгъ: »Напервей книга Бѣблѣя Книга Пасея²⁷⁾ серебром окована Книга светого Яна Златовуста²⁸⁾).

²⁶⁾ По подлиннику из Литовской Метрики эти сведения изданы *Ст. Пташицким*, Библиотека, 6 (оттиск, 3); *Владимировъ*, Скорина, 35, 351; впервые издал несправно *Lelewel*, *Bibliograficznych księg dwoje*, II, Wilno, 99, прим.; отсюда — *Kraszewski*, *Wilno*, 78, 107—110, тут «книга пасея» названа „*księga polnja*“ с переводом „*księgi polica*“; по *Крашевскому* библиотека передана была в 1572 г. коллегии иезуитов в Вильне, *ibid.*, 79.

²⁷⁾ *А. Ясинский* недавно правильно обратил внимание на то, что в чешской письменности (в языке есть *pašie*, *Jungmann*) нету книги под таким названием, слово пасея (от лат. *passio*) — это сравнительно позднее южно — русское (и польское) обозначение чтений о крестных муках Христа, чему в чешской практике книжной соответствует в известном смысле слово *passional* или *postilla* (*ЧБД.*, 57 пр. 5); составитель каталога, повидимому, заменил чешское название книги более обычным для русского словом. В чешской литературе уже в XV веке существовало в печати „*Passional*“ Якова де Ворагине в двух изданиях (*Tobolka*, *Knihopis*, I, 26, 27, №№ 9 и 10; *Tobolka*, *Slovník*, 47, 66 и сл.). Видимо, в Вильне в 1510 г. могло быть и такое чеш-

Это названы чешские книги литовско-русского князя Сигизмунда I, сына короля польского Казимира. Как князь опавский и глоговский, живавший в областях с чешской речью, он мог уметь читать и по-чешски²⁹). Этот пример имеет, конечно, более или менее специальный характер, говоря об интересе к чешской книге коронованной особы или ее ближайшего окружения. Однако это велико-княжеское книжное собрание все же едва-ли можно представлять себе совершенно изолированным от хотя бы придворной среды русской и польской и в этом смысле очень показательно, что в Вильне были чешские книги уже в первые годы XVI века. Если в данном случае речь идет о печатных книгах, то можно допустить присутствие в Вильне в 1510 году и одного из печатных изданий чешской Библии, и может быть даже издания 1506 г., с которым мы еще не раз встретимся в дальнейшем изложении.

Другой пример, который встретился нам, касается общественной библиотеки, именно библиотеки Львовского братства, хотя относится он, впрочем, к более позднему уже времени. В библиотеке этого Львовского Ставропигиального Братства по описи 1619—1634 гг. имелись: «Библия чешская друкованая» и «Козмографѣя чешская великая»³⁰). По реестру 1638 г. здесь были «Кроника чешка» и «Библия чешка»³¹). Очевидно в начале XVII века чешские книги были доступны русским читателям и книжникам во Львове, в тот период, когда развивалось живое и глубокое культурное общение между Галицкой Русью и Малороссией правобережною. При ревизии библиотеки братства в 1688 и 1692 г. там имелись: «Biblia czeska drukowana», «Kozmographia czeska drukowana» и еще «biblia czeska drukowana»³²).

И в библиотеке Супрасльского монастыря в Белоруссии в XVII в. (опись 1645 года) имелась «Bibla Czeska» в издании in-quarto, а рядом с нею сборник чешских религиозных песнопений — «Pieńie Boskich chwał czeski»³³).

Аналогичный факт можно отметить и для Москвы. Здесь чешская Библия была использована при работе русских переводчиков и редакторов над выправкой текстов Св. Писания. В 1679 году в Московскую Типографскую Библиотеку была куплена «книга Библия на чешскомъ языкѣ» за «4 рубли», это было издание 1556 года³⁴). Далее в библиотеке одного ское печатное издание. Заметим кстати, что и позднейшие чешские издания «Постиллы» протестантского характера проникали в восточно-славянскую среду, *Ив. Франко* отметил, что чешская лютеранская „Postilla“ в издании Крменского (2ое издание, 1602, Дрезден) сохранилась «від давніх поколінь» в одной священнической семье в Галичине (ЗНТШ., XLV, 1902(1), 18.

²⁹) М. б. издание 1506 г.? Ср. Brückner, Z zagania księgi, 227.

²⁹) *Первольфъ* Славяне, III, 1, 118.

³⁰) АЮЗР., I, 12, 7; Ср. *Крипякевич*, Каталог бібліотеки.

³¹) *Голубевъ*, Матеріалы, ЧтН., V, 195.

³²) АЮЗР., I, 12, 34.

³³) *Археографическій Сборникъ*, IX, 204.

³⁴) *Покровскій*, Наслѣдіе, 227, 424 (XXVII); *Блокуровъ*, О бібліотекѣ, 163.

из работавших в Московской Патриаршей Типографии над правкою текстов — иерея Никифора Симеонова была «Библиа чешская въ дествъ», печатная; после смерти этого священника в 1686 г. эта книга перешла в Типографскую Библиотеку³⁵). В Москве в нескольких библиотеках XVII века имелся подбор Библий на иностранных — зап.-европейских — языках, на латинском, немецком и польском, а на Печатном Дворе — и на чешском языках³⁶).

Нужно здесь отметить и еще один факт, неполне, правда, поддающийся разъяснению. Один список чешской Псалтыри первой половины XIV века, так называемый Виттенбергский — по месту нынешнего хранения³⁷), на внутренней стороне первой доски переплета имеет помету русской руки и письмом XVII в., если не начала XVIII:

»Господи, Спаси Царевича,
За Вѣру и Вѣр'ность«³⁸).

Возникает вопрос, кем и где могли быть сделаны указанные приписки? Применение слова царевич к членам королевской семьи польско-литовской едва-ли возможно, в данном случае имеется в виду скорее всего царевич московский. В литовско-русских или польско-русских областях в начале XVII века могла идти речь и о царевиче Дмитрие Ивановиче, о Самозванце. Судя по тому, что русские пометы находятся на рукописи в окружении ряда польских приписок, можно думать, что рукопись некоторое время находилась в русских руках, при этом в районе постоянного польско-русского общения, т. е. в Белоруссии, в Литве³⁹). Как бы, впрочем, ни толковать рассматриваемый случай, он ясно говорит о том, что чешская рукописная Псалтырь XIV в. побывала и в руках русского собственника, а может быть и дольше принадлежала русскому человеку. Припомним при этом, что слова «за вѣру и вѣр'ность» являются текстом надписи на учрежденном в 1701 г. в России ордене Св. Андрея Первозванного, — не нужно ли надпись отнести уже к началу XVIII в. и видеть в «царевиче» — несчастного царевича Алексея Петровича? Почерк надписи во всяком случае ближе к XVIII в., нежели к началу XVII-го. Наши справки, кроме первой, относятся уже к позднему времени,

³⁵) *Безсоновъ*, Крижаничъ, стр. 21, прим. 37е.

³⁶) *Бълокуровъ*, op. cit., 39, 121, 163 (м. пр. Библия польская Вуйкова), 311. В середине XIX в. обнаружен был в руках частного коллекционера (купца Лобкова, от него перешел к Хлудову) список чешской Библии XV века на пергаменте (см. о нем письмо *Бодянского Шафарика*, *Korrespondence Šafařika*, I, 1, 187; *Kolář*, *O české biblii*, 21—26); не знаем, как давно эта рукопись попала на Русь.

³⁷) Не Вюртенбергский, как *Карскій*, Псалтырь, 8; Бѣлорусы. III, 2, 9.

³⁸) Цитирую по новому снимку, любезно мнѣ присланному из Виттенберга, Lutherhalle, Reformationsgeschichtliches Museum.

³⁹) На это указал уже сто лет назад *Шафарик* (*Rozbor staročeské literatury, čítaný v schůzkách Král. spol. nauk, sekci filolog.*, 1840—1, Praha, 1842, 112—113); ср. *Nehring*, *Iter Florianense*, 51; *Gebauer*, *Žaltář Wittenberský*, пред. V, XXXII; *Jakubec*, *Děj. lit. č.* I, 57, 63.

когда и в Южной Руси и в Москве имелись опыты печатных изданий церковно-славянских библейских книг. Но мы увидим из дальнейшего изложения, что подобные опыты были осуществляемы при обращении и к чешской Библии, как к полезному и важному пособию. И в связи с этим приобретает свое значение и та группа фактов, на которых мы только-что остановили внимание читателя. Чешской Библии было суждено сыграть примечательную роль в истории русской литературы в XVI веке, вспомним хотя бы замечательное явление Франтишка Скорины из Полоцка, издавшего в 1517—1519 гг. в чешской Праге серию библейских книг на «русском» языке при использовании и чешских библейских текстов.

III. ЧЕШСКАЯ БИБЛИЯ, КАК ОДНО ИЗ ПОСОБИЙ СКОРИНЫ ПРИ ИЗДАНИИ ИМ В ПРАГЕ «РУССКОЙ» БИБЛИИ.

Явление Скорины и его Библии остается и поныне явлением во многих отношениях загадочным. Не объяснены полностью его появление в Праге, обстоятельства издания им «русских» книг в Чехии, вызывает разногласия вопрос о его религиозной и вероисповедной ориентации, и т. д. Литература о Фр. Скорине весьма велика, его деятельность непрерывно исследуется пытливыми учеными, собран большой и значительный по существу материал фактов и толкований⁴⁰). — и однако не сказано еще последнее и веское слово, которое объединяло бы все данные о Скорине и дало бы истинное и полное толкование его личности и его дела. Мы не можем заниматься здесь историей Скорины и его дела в целом, во всех подробностях и со всех сторон. В центре нашего интереса — связи Скорины с Прагой и изданные им здесь книги.

В течение 1517—1519 годов вышли в свет отдельными выпусками и в случайном порядке следующие книги Ветхого Завета: Псалтырь, Повесть Притчи, Иисус сын Сирахов, Экклезиаст, Песнь Песней, Премудрости Соломона, четыре книги Царств, Иисус Навин, Юдифь, Судьи. — все с датами выхода (день месяца и год!), и без таких точных указаний (но с отметкой года — 1519) пять книг Моисеевых. Руфь, Эсфирь, плач Иеремии и Даниила, т. е. всего двадцать три книги, из коих в 1517 году издано было пять, в течение 1518 года восемь, а остальные десять — в 1519 году⁴¹). Общее заглавие ко всей этой серии помещено издателем на заглавном листе книги Бытия: «Бівлія руска выложена докторомъ Францискомъ Скориною из славнаго града Полоцька Богу ко чти и

⁴⁰) Список литературы о Скорине см. у А. Купалова, 603; подробный (хотя и с пропусками) обзор литературы до 1925 г. см. в очерке *Пічэта, Scoringiana*, 284—327, ранее (до 1888 г.) у *Владімірова*, Скорина, I—XXVI.

⁴¹) См. подробные указания — *Каратаевъ*, 28—44, №№ 13 и 14; *Владіміровъ*, Скорина, 64—66; ср. *Ластоўскі*, Гісторыя, 282 и след.; ранее — *Строевъ*, П., Обстоят. описаніе старопеч. книгъ Ф. А. Толстова, М. 1829, 6—19.; *Estreicher*, Bibliografia Polska, XXVIII, Kraków, 1930, 189—190. ср. XIII, 36—7.

людямъ посполитымъ к доброму научению⁴²⁾. На ряде экземпляров пражских изданий Скорины сделаны рукописные приписки рукою XVI столетия и близким к печатному шрифту книг письмом: «а тося стало накладомъ Богдана Онькова сына радци мѣста виленьского⁴³⁾. Место издания означается словами: «у великом месте Празском» или «у вѣликом старомъ месте Празскомъ» или же «у Славном Старомъ Месте Празскомъ⁴⁴⁾».

Когда то эти последние указания понимали в смысле Праги Варшавской⁴⁵⁾, но это толкование давным давно, еще с конца XVIII века, с работ Добровского⁴⁶⁾, было решительно опорочено, Скорина осуществил издание библейских книг ветхого Завета в 1517—1519 гг. в Праге Чешской, скорее всего в ее части, именуемой «Staré Město»⁴⁷⁾.

Это — первое, так сказать внешнее, обстоятельство, тесно привязывающее имя Фр. Скорины к Чехии, к Праге. Второе обстоятельство — внутреннего характера и заключается в том, что при выполнении своей работы по переводу библейских книг, как изданных в Праге, так и напечатанных позднее в Вильне⁴⁸⁾, Скорина и его сотрудники пользовались в числе пособий чешским текстом Библии, а равным образом и типографскими и художественно-типографскими образцами чешскими.

На связь текста Скорины с чешской Библией обратил внимание еще И. Добровский в 1815 году в своем сборнике «Slovanka»⁴⁹⁾, позднее эта мысль получила полное и положительное подтверждение. Важность этой мысли с большой настойчивостью подчеркивал в 1856 году в письме к Шафарыку⁵⁰⁾, а в 1865 г. и в печати Я. Ф. Головацкий, не имевший

⁴²⁾ См. снимок, не раз воспроизводившийся, хотя бы в издании ЧБД., к стр. 216; *Каратаевъ*, 28.

⁴³⁾ Снимок из Псалтыри 1517 г. — ЧБД., к стр. 192; *Каратаевъ*, 29; *Владимировъ*, Скорина, 47 и прим. 3.

⁴⁴⁾ *Каратаевъ*, 36—43.

⁴⁵⁾ Так *Штриттер* (1783), *Шлецер* (в «Несторе»), Н. И. Греч (1822), митр. Евгений Болховитинов (1821, 1845), думал так одно время и Иосиф Добровский, см. его колебания в письмах к Дуриху 1791 года, *Korrespondence Dobrovského*, I, 198, 260, и его *Reise nach Schweden*, 101; см. и указания у *Владимирова*, Скорина, IV, V, XI; *Пичета*, *Scoriniana*, 288—289.

⁴⁶⁾ См. в его письмах к Дуриху 1793 года — „Praga nostra intelligenda erit.“ *Korrespondence Dobrovského*, I, 263, 264, 330—1, 334; *Dobrovský, Reise nach Schweden* 102, 108; ср. *Dobrovský, Geschichte d. böhm. Sprache*, 324; (*он-же*, *Spisy a projevy*, VII, Praha, 1936, 391—2). Справки об интересе Добровского к Скорине см. у Брика, *Добровський і українознавство*, 11—12; *Kubka, Dobrovský*, 76. — Нужно напомнить, что еще до Добровского за Прагу Чешскую высказывался в XVIII в. епископ Дамаскин (Семенов—Руднев, + 1795 г.) в своей (неотмеченной у *Пичеты* в *Scoriniana*) «Библиотеке Россійской» (*ПДП.*, 1881, № XX), №№ 1—3, ср. № 4, стр. 15—16.

⁴⁷⁾ Ср. *Hanka, České prvotisky*, 109—100, № 177.

⁴⁸⁾ «Апостоль» и «Малая подорожная книжица», изд. 1525 г., *Каратаевъ*, 56—67, №№ 18 и 19.

⁴⁹⁾ *Dobrovský, Jeremias Klaglieder, Slovanka*. II, 154 — о фрагменте «Плача Иеремин»; *Пичета, Scoriniana*, 294.

⁵⁰⁾ См. письмо от 19 31 ноября 1856 г., *Брик, Материалы*, 78—81; *Korrespondence Šafaříka* I, 1, 287.

возможности произвести необходимые сопоставления в виду отсутствия у него пражских изданий Скорины, но чувствовавший по чехизмам и «гласоудареніямъ» в знакомых ему отрывках из Скорины возможность интересных выводов и заключений при сравнительном исследовании Скорининых и чешских текстов, в частности Библии 1506 г.⁵¹⁾ Положительное утверждение о чешском источнике Скорины формулировал в 1872 году Первольф⁵²⁾, подтвердивший в 1874 г. более уверенно указание и на ближайшее чешское пособие Скорины — чешскую Библию в венецианском издании 1506 года («Biblij Czeska v Benatkach tisstená»⁵³⁾). На широком фоне полного изучения книг Скорины и сличения их с его источниками обосновал и прочно подтвердил это указание П. В. Владиміров в своей книге, которая и донныне является основоположным — во всяком случае по материалу⁵⁴⁾ — трудом о Скорине, хотя против его построений и ряда выводов и выставлено уже немало серьезных возражений⁵⁵⁾.

⁵¹⁾ *Головацкій*, Нѣскольکو словъ, 235 прим., 239—241, 248—9, 251, 255—6; ср. *Пічэта*, *Scoriniana*, 295.

⁵²⁾ *Первольфъ*, ЧР., VII, 64.

⁵³⁾ *Первольфъ*, Слав. взаимность, 253—255 (ср. *Пічэта*, *Scoriniana*, 295); ср. *он-жс*, *Poláci a Rusini*, 815 и *Славяне*, II, 595-6 и III, 2, 223—225. В 1883 г. на знание Скориной чешского языка и книг обращал внимание и *А. И. Соболевский* в докладе, читанном в обществе Нестора летописца (ЧтН., II, 1888, 193 и сл.), ср. *его-же* рецензию на книгу *Карского*, ЖМНПр., 1887, V, 137—138, здесь указаны и некоторые примеры богемизмов: лось (onager) = чеш. los при польском los; рисъ (пардусъ) при чешск. gus, пол. guś; нутити при ч. putiti, н. pešić; толико, святица (святая) = ч. světiце.

⁵⁴⁾ *Владиміровъ* извлек из изданий Скорины большое число важных и интересных текстов, помогающих составить общее представление о книгах Скорины — при отсутствии под руками их в подлиннике (см. и у *Буслаева*, *Ист. христоматія*, стб. 197—202, прим. на стб. 202—206); рядом с книгой *Каратаева* этот материал *Владимірова* является основным для ознакомления с изданиями Скорины, — он положен нами в основу нашего изложения вопроса об источниках Скорины, в особенности об его чешском пособии. К сожалению, донныне нет полного научного переиздания весьма важных предисловий Скорины к его книгам. Пражские издания Скорины не являются совершенно исключительной редкостью (кроме единственного экземпляра Псалтыри!), но их нету ни в одной из пражских Библиотек! Исключение — неполный (без предисловия и гл. 1—12) экземпляр книги Иисуса, сына Сирахова в Народном Музее (64 Д 7), — эта книга была подарена Музеем в 1867 году П. А. Безсоновым. (Описал *Зленко*, *Празькі видання*, 16—20). В свое время *Иосиф Добровский* пользовался экземплярами Скорининых изданий, которые находились с одной стороны в епископской библиотеке в Мукачеве, здесь он видел книги Судей, Руфь, Юдифь, Эсфирь и Иисуса Навина (*Slovanka*, I, 154; *Geschichte*, 304), с другой стороны в библиотеке Вратислав-Митровиц в Праге он видел «Малую Подорожную Книжицу» (*Korrespondence Dobrovského*, I, письма к Дуриху, 200); кроме того он нашел в переплете одной книги 1539 г. из старинной библиотеки „Franc. Godef. Troilo“ два листка плача Иеремии (*Slovanka*, II, 149—150). Тот факт, что в Чехии не сохранилось преимущественно от времен Скорины экземпляров его пражских изданий, во всяком случае таковые пока не обнаружены, может объясняться разн., — в литературе (см. напр. *Викторовъ*, *Открытие*, 21) отмечается и возможность того, что Скорина направил на Русь целиком весь — без остатка — выпуск своих книг, но сколько известно подобных случаев полной утраты книг вообще!

⁵⁵⁾ *Пічэта*, *Scoriniana*, 304—312; см. в дополнение к указанному здесь — *Lowmianski*, *AW.*, III.

Чешская Библия была одним из нескольких пособий, которыми воспользовался Скорина при редактировании текста своих пражских изданий. Основным пособием являлся текст церковно-славянский. Библию Скорины едва ли можно называть Библией на живом западно-русском народном языке, — ее господствующая языковая стихия — церковно-славянская с немалочисленными, правда, элементами иного происхождения, но это — не памятник систематического преодоления традиционной церковно-славянской основы⁵⁶), хотя она и не соблюдена здесь со всей последовательностью и точностью, но поддалась воздействию и живой речи самого Скорины и литературных — не церковно-славянских, — а чешских и др. пособий. Скорина постоянно называет свою Библию — «русской», «по-русски выложенной», при этом он отличает русский язык от церковно-славянского⁵⁷), определяя русский язык как свой родной, т. е. как живой язык той среды, из которой он вышел — «азъ — нароженыи в руском языку»⁵⁸). Такое словоупотребление не решает, однако, вопроса об языковой основе Скорининых текстов в сторону живой белорусской речи, эта основа в главном есть язык церковно-славянский. Почему Скорина все-же подчеркивает, что он издает библейские книги по-русски, — это вопрос, которым мы здесь заниматься не можем. — Подчеркнем только, что нам не кажется вполне основательным объяснение, которое этому факту дает Ловмянский, считающий Скорину прежде всего и больше всего издателем-предпринимателем, стремившимся рекламируемой «русскостью» своего издания привлечь к ним и тех читателей, которым недоступными или трудными оставались тексты церковно-славянские⁵⁹). Те ссылки на «посполитое доброе» и на «доброе научение», которые делает Скорина для объяснения цели своего издания, звучат не только как приманка для ищущего поучения читателя, но и как подлинное сознание общественного значения первого опыта печатного воспроизведения библейских книг, предназначенных для круга русских читателей; подобные ссылки и вообще делали — и до Скорины и после него — издатели Библии на раз-

⁵⁶) Эта мысль была высказана когда-то анонимным автором статьи — Отношение перевода Скорины къ Вульгатъ, Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, 1887, XI (Пічэта, Scoriniana, 295), затем поддержана Соболевским (ЖМНПр., 1888, окт., 327 и сл.), а недавно обстоятельно развернута Воўк-Левановічем, Мова Скарыны, 263—270. Ср. формулировки Карского (Бѣлорусы, III, 2, 9, 24); Грушевський, ІУЛ., V, 126—128; Martel, La langue, 103 и сл.

⁵⁷) См. предисловие к пражской Псалтыри: «повѣлель есми Псалтырю тиснути рускими словами а словенскимъ языкомъ» (Владиміровъ, Скорина, 327, 247; Піотуховіч, Скарына, 158).

⁵⁸) Предисловие к книге прор. Даниила, Владиміровъ, Скорина, 44, 124; ср. и слова в пражской Псалтыри 1517 г. — «мя Милостивый Богъ стога языка (= русского) на светъ пустиль». Владиміровъ, op. cit., 44, 327, см. и 50; Піотуховіч, op. cit., 158. Яремченко (Скорина, 253—254) готов считать Скорину «украинцем», поскольку он называет себя «русским», и допускает возможность переселения его или его рода с юга в Полоцк. Для этого допущения нет никаких оснований.

⁵⁹) Łowmiański, 175—176.

ных языках, что в условиях эпохи, жившей религиозными интересами, совершенно соответствовало и целям и смыслу таких изданий. И обращаясь со своею Библией к русской среде, Скорина имел основание называть ее русской, имея в виду не филологическую основу своих текстов, но их назначение, — и называть ее так не только по меркантильным соображениям книготорговца. И примем, кстати, во внимание, что Скорина вместе с тем не считал язык своих изданий собственно — русским, ибо в ряде мест (напр. в Псалтыри) он поместил «русские» толкования отдельных слов текста, — «положилъ есми набоцехъ некоторыи слова Для людеи простыхъ рускимъ языкомъ что которое слово знаменуеть»⁶⁰).

Но если Скорина в основание своей работы положил церковно-славянский текст Библии, почему же так испещрен этот текст элементами живой западно-русской речи и к чему же должно было служить Скорине его чешское пособие, о влиянии которого будет у нас речь сейчас ниже? Анализ текстов пражских изданий Скорины обнаруживает, что у Скорины не было под руками полного свода церковно-славянской Библии, полного списка всех ее частей. Прежде всего у него совсем не было четырех книг Ветхого Завета — Премудрости Соломона, Юдифи, Эсфири и Песни Песней⁶¹). Но и из прочих книг некоторыми Скорина не располагал в полном виде. Полностью у него была церк.-слав. Псалтырь, одна из наиболее распространенных и традиционно-сохранявших свой церк.-слав. текст библейских книг⁶²); но далее — из книги Бытия он полностью передал в своем издании церк.-слав. текст только первых 10 глав⁶³), также фрагментарно воспроизводится церковно-славянский текст и ряда других книг⁶⁴). Иные части тех же книг носят на себе печать иной языковой основы, часто восходя к чешской Библии. Эта неравномерность и черезполосность может быть объяснена тем, что Скорина вынужден был пользоваться разными источниками, восполняя пробелы в одних текстах из других, — точнее — неполноту своего церк.-слав. оригинала он дополнял и по чешскому пособию⁶⁵).

Итак, чешская Библия была одним из пособий, которыми пользовался Скорина при обработке текста для своих пражских изданий, обращаясь к этому пособию для дополнения своего основного церк.-слав. руководства и для установления формулировок тех или иных чтений.

Выше было указано, что чешским пособием у Скорины была Библия в венецианском издании 1506 года. На это издание указал в свое время Первольфъ и исследование Владимірова подтвердило это утверждение.

⁶⁰) *Владиміровъ*, Скорина, 85, 162—163, 172; *Викторовъ*, Открытіе, 5, 8—9.

⁶¹) *Владиміровъ*, Скорина, 163; *Грушевський*, ІУЛ., V, 121 пр. 1, 126.

⁶²) *Владиміровъ*, Скорина, 51, 82—99; *Карскій*, Псалтырь, 21—22; *он-же*, Бѣлорусы, III, 2, 23; *Піотуховіч*, Скарына, 172; *Martel*, La langue, 100, 103.

⁶³) *Владиміровъ*, Скорина, 142 и сл.

⁶⁴) Сводку по данным *Владимірова*, дал *Łowmiański*, 170 и след.

⁶⁵) Ср. *Соболевский*, ЖМНПр., 1888, окт., 327.

Этим, однако, не исчерпывается вопрос о чешских пособиях Скорины. А. И. Соболевский давно поднял, а А. Н. Ясинский недавно возобновил вопрос о том, не пользовался ли и в какой мере мог воспользоваться Скорина рукописной чешской традицией. Соболевский подчеркнул ряд совпадений у Скорины с польской Библией, в частности, с упомянутым уже выше Шарошпатацким кодексом, и считал важным обстоятельно выяснить их взаимоотношения как с точки зрения соприкосновения текстов Скорины и польских переводов Библии XV века, так и с точки зрения возможного использования Скориной тех чешских рукописных текстов, к которым восходят эти польские переводы⁶⁶). Наличие соответствующих совпадений признал и сам Владиміровъ, объяснявший их общностью чешского пособия или источника⁶⁷). К сожалению, эти интересные вопросы не получили в литературе освещения на основе систематических сопоставлений текстов, хотя сами по себе представляются и интересными и важными⁶⁸). Избрав Прагу местом своей переводческой и издательской деятельности, Фр. Скорина мог не ограничиться использованием новейшим для его времени изданием 1506 г., за 11—13 лет до его собственных пражских публикаций, но мог ознакомиться и с общим состоянием библейской традиции на чешском языке, как равным образом трудно думать, чтобы и польская рукописная Библия не была у него при этом в руках. Отношение изданий Скорины к польской Библии остается, однако, еще областью, нетронутой исследованием⁶⁹).

При нынешнем состоянии вопроса об источниках пражских и виленских изданий Скорины остается, однако, одно ясным — это то, что чешский текст Библии был использован им в печатном издании 1506 года. Именно этим изданием можно объяснить множество чешских языковых и текстуальных особенностей Библии Скорины, не поддающихся истолкованию по другим чешским изданиям. Здесь, конечно, нет возможности сколько-нибудь полно и исчерпывающе иллюстрировать связь Скорининых книг с Библией 1506 г., — подробности об этом занимают у Владимірова длинный ряд страниц. Основное и существеннейшее по этому вопросу может быть сведено к некоторому небольшому, но выразительному обзору.

Во первых, что касается самого текста, то здесь имеется множество случаев, когда перевод Скорины ближе всего подходит к чешскому, порою

⁶⁶) *Соболевский*, рецензия на книгу *Владимірова*, ЖМНПр., 1888, т. 259, октябрь, 330—331. Полонизмы в изданиях Скорины чувствуются, по *Перволюфу* (Славяне, III, 2, 43, 224—225) много слабее, нежели чехизмы, да и те примеры, которые отметил *Перволюф*, по его же заключению могли уже принадлежат к составу собственно западно-русского обычного словаря (почти все они имеются, кстати заметим, в тексте Креховского Апостола середины XVI в.).

⁶⁷) *Владиміровъ*, Начало книгопечатанія, 31.

⁶⁸) Ср. замечания *А. Н. Ясинского*, 3 культурнае гісторні, 56—57.

⁶⁹) Ср. *Łowmiański*, AW., III, 179.

повторяя фразы и слова чешского текста. Мы склонны считать показателями чешского влияния в данном контексте и некоторые такие текстуальные и словесные совпадения текстов Скорины с чтениями чешской Библии, где встречаются отдельные слова, которые являются достоянием не одной только чешской Библии или чешской речи, но употреблялись и вообще в письменной речи Западной или Южной Руси той поры. Не имея в виду углубленные и широкие исследования в области словаря XVI века, мы можем при беглом сопоставлении словаря Библии Скорины со словарем хотя бы западно-русского перевода Псалтыри первой половины XVI века или Креховского Апостола второй его половины⁷⁰⁾ усмотреть, что целый ряд слов, которые встречаются в приводимых нами ниже цитатах из Скорины и близки к чешским словам, является общим этим памятникам, не говоря уже о том, что многие слова Скорины составляют вообще обычное достояние русской речи и не только его эпохи⁷¹⁾. Это обстоятельство доказывает, что соответствующие слова и выражения Скорины не представляют собою принадлежности его индивидуального языка, языка отредактированных им библейских текстов. Тем не менее очень характерно, что многие из таких слов, которые могут считаться составным элементом основного запаса языка эпохи Скорины и его народной и литературной среды, употребляются Скориною в таких текстах, где и в чешском переводе Библии 1506 года употреблены такие же, эти же слова или выражения. При известной свободе словесного выбора Скорина в таком контексте останавливался на том или ином слове или обороте, видимо — приспособляясь или подчиняясь влиянию чешского чтения, впечатлению от чешского контекста. Оставаясь на почве языка своей эпохи и своего русского литературного развития, и не склоняясь к простому усвоению чужих, в данном случае чешских слов, Скорина все же как то подчинялся в известных местах воздействию чешской речи. И это тем более бросается в глаза, что старый церковно-славянский текст Библии (не всегда, правда, бывший под руками Скорины) давал совершенно иные чтения, не усвоенные, однако, нашим издателем.

Эту оговорку, существенно важную — с нашей точки зрения — и мало оттененную в свое время Владимировым⁷²⁾, необходимо иметь в виду при просмотре тех примеров, которыми мы хотели бы ниже иллюстрировать общее утверждение о близости текста Скорининой Библии к тексту чешской Библии 1506 года. Эти примеры мы извлекаем из книги Владими́рова, причем даем параллельно: чтения Скорины (по выпискам у Владими́рова),

⁷⁰⁾ Ниже цитируется: *КП* = Псалтырь (по исследованию о ней *Карского*); *КА* = Креховский Апостол по словарю *Огіенко*, Укр. мова, часть вторая.

⁷¹⁾ Многие из этих слов имеются и в «Лексиконѣ» *Беринды* первой половины XVII в.

⁷²⁾ Ср. *Владими́ровъ*, *Скорина*, 142; ср. *Карскій*, *Бѣлорусы*, III, 2, 26

чтения Библии 1506 г. и чтения церковно-славянской Библии — Геннадиевской 1499 г. или восходящей к ней Библии Острожской 1581 г.⁷³⁾

Бытие, VII, 21 (143—144).

Искажена ⁷⁴⁾ естъ и оумре всяка плоть	„Y zkaženo gest wsseczko tielo“	»И оумре всяка плоть«
--	---------------------------------	-----------------------

Бытие, IX, 24 (144).

»И прочутивъ Ное истрезвѣвъ отвина«	„Proczytiw rak Noe rozzyw wijna.“	»Истрезви же ся Ное отвина«
-------------------------------------	-----------------------------------	-----------------------------

Бытие, XLVII, 30 (стр. 129).

»Но да отпочину соотци своими, и вынесешмя отземли сее и похоронишь мене во гробѣ старших моих.«	„Ale at' odpocžijwám s otczy mými: a wynesess mie z zemie teeto: a pochowáss w hrobie starssých mých.“	»Но положишмя съотцы мои, и изнесешмя из египта и погребешмя въ гробѣх ихъ«
--	--	---

Исход, II, 14 (146)

»Убосяже Моисей и рече съ яко пронеслося явню бысть слово сее«	„Slekl se gest Moyžyess y rzekl kterakž se getoto proneslo“	»Убосявжеса Моисей и рече, аше сице явленъ будетъ глаголь сий«
--	---	--

Левит, XI, 13—19, 29, 30.

Второзаконие, XIV, 4, 5, 7, 13—17 (стр. 129—130).

»Сагана«	„Sahana“	»морского орла«
»Супа« ⁷⁵⁾	„Supa“	»сухолапля«
»Пструса«	„Pstrosa“	
»Бука«	„bukacže“	»харадриона«
		(но и в чеш. ниже ... „Kalandra“)
»Калуса«	„Kaluse“	»врана ночнаго«
»Бувола«	„búwola diwokého“	»буиволицу«
		»буболицу«
»Кокодриль«	„Kokodril“	»коркодил земный«.

⁷³⁾ В скобках при названии библейских книг указывается страница труда *Владими́рова*, откуда берется цитата из Скорины; цитаты из Инсуса, сыне Сирахова, из Библии 1506 года и из Библии Острожской проверены по подлинникам; в текстах из Скорины раскрыты титлы, устранены юсы и пр., поскольку вопросы орфографии не играют роли в наших текстуальных сопоставлениях.

⁷⁴⁾ Ср. КА., 117.

⁷⁵⁾ Ср. *Берында*, Лексиконъ, ѿ — «супъ, семпъ, орель, ястребу подобень, зрі-ногъ»; супъ см. и в славяно-русском «Физиологе», *Карнѣевъ А.*, Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи «Физиолога», Спб. 1890 (Олп), XXXIII.

Второзаконие, XIII, 1—2 (стр. 130).

»Аще <i>встанет</i> по- <i>среди</i> васъ пророкъ или видящии <i>видение</i> или <i>сонъ</i> «	„ <i>Powstaneli vprostrzed tebe prorok: a neb ten kteryžby rzekl miel gsem widienije: a neb sen.</i> “	»Аще встанет въ тебѣ пророкъ или видя сонъ и дасть тебѣ знаменія«.
---	--	--

Второзаконие, XXVIII, 57 (130—131).

»...идля <i>гладу</i> и бе- ды...«	„ <i>a pro hlad u pro vzkost, kteruž tie sužij w mies- tie neprzyetel twuog.</i> “	»въ тузѣ твоей, и въ скор- бѣхъ твоихъ, имже стужать тебѣ врази твои«.
---------------------------------------	--	--

Книга Царств II^{ая}, VII, 11 (131—132).

»и <i>возвѣщаетъ</i> тебѣ гос- подь иже <i>исправитъ</i> домъ твой <i>умножитъ</i> семья твое«.	„ <i>A przedpowijedat' to- bie pán buoh. Žet wzdie- lá duom twuoy a roz- množij plémie twé.</i> “	Отсутствует, (послед- них слов нету в Вуль- гате).
--	---	--

Книга Царств II^{ая}, XIV, 19 (132).

»Едали рука <i>и паводъ</i> Иоавовъ есть стобою во- всѣхъ тыхъ речахъ«.	„ <i>Zdali ruka a páwod yoabow gest s tebu we- wssech tiechto řečech.</i> “	»Еда рука Иоавля ов- семъ семь стобою есть«.
---	---	---

Книга Царств III^{ая}, XXII, 34 (154).

»лучиль Царя межю воздухомъ <i>исколуд-</i> <i>комъ</i> «	„ <i>postrzelil krále Izrahel- ského mezy pljczye a ža- lúdek</i> “	»оустрѣли царя израи- лева между воздуховъ подлѣ шитъ«.
---	---	---

Иов, III, 8 (135).

»иже <i>суть</i> <i>готови</i> <i>пону-</i> <i>жати</i> <i>диявола</i> «	„ <i>kteržij gsú hotowi aby porúzeli diabla</i> “ ⁷⁶⁾	»иже имать начинати великій кить«.
---	--	---------------------------------------

Иов, XVII, 13 (135).

» <i>стерплюю</i> <i>гробъ</i> “ ⁷⁷⁾ <i>домъ мой</i> <i>естъ</i> «	„ <i>Strpijmli . hrob dūom muoy gest</i> “	»Ащебо стерплю адъ ми есть домъ«.
--	--	--------------------------------------

Иов, XX, 5 (135—136).

»Ирадошь <i>человѣка</i> прикритци <i>якобы</i> <i>из-</i> <i>лою</i> <i>ткнулъ</i> «	„ <i>A radost pokrytcze ku podobenstwij yakoby gehlú tekl.</i> “	»Обрадованіе же беза- конникъ пагуба«.
---	--	---

⁷⁶⁾ Рукоп. текст — „zbuditi Leviathana“, Jireček, Rozbor, 289.

⁷⁷⁾ Ср. Карский, Псалтырь, 271 — в польской Псалтыри »do grobu«, в зап.-рус. XVII в. — »до аду«; но слово ад в тексте церк.-слав. Псалтыри, например, употребляется иногда и в смысле гроб, могила, ср. Гильдебрандъ, Справочный Словарь, 3.

Псалтырь, XLIII, 13 (стр. 91).

Инебѣ множество въ купованихъ ихъ	a nebylo gest drahoty w kupowanij gich	инебѣ множество въ- восклицанихъ нашихъ (Вульгата — „in com- mutationibus“).
--------------------------------------	---	---

Псалтырь, XVI, 14 (стр. 91—92).

Господи отъ техъ ихъ же мало наземли	<i>Hospodine od tiech gich ž</i> <i>gest málo na zemi</i>	Господи, отъ мала отъ- земля раздѣли я« или отъ мала отъ земля. (Вульгата „a paucis de terra“)
---	--	--

Псалтырь, CVIII, 20 (стр. 92).

Сия есть помста ⁷⁸⁾	„Tat' gest pomsta tiech kterýž mi vtrhagij przed Hospodinem“	»Се дѣло облѣчаю- щихъ мя отъ Бога«. (Вульгата — opus).
--------------------------------	--	---

Притчи, I, 9 (136).

»...Абы была придана слава главе твоей, иг- ривна шии твоей«.	„A neopústiey zákona matky tve. At' by byla przydána sláva hlavie twé: a halže hrdlu twé- mu“ („Slawa“ вместо лат. „gratia“).	»Инеотрени наказаніа матери твоея, вънецъ бо благости приимеши на твоёмъ врьсѣ и гривну злату освоевыи«.
---	---	--

Притчи, XIV, 15 (137).

»Глубины каждому сло- ву верить«	„Hlúpy každému slovu wierzij“	»Незлюбивъ въру иметь всякому словеси« (лат. inprobus).
-------------------------------------	------------------------------------	---

Притчи, XVIII, 3 (137).

»Грешник ⁷⁹⁾	„Hrzyessnij když pržigde nahlubinu hrzie- chuow...“	»Егда придетъ нече- стивынъ въ глубину золь« (лат. impius).
-------------------------	---	---

Песнь песней, VII, 5.

»И Власы Главы твоея яко златоглавъ Царь- ский, вложены дозла- бовъ къ выпранию«	„Wlasy hlavy twé jako zlatohlaw královský wlo- žený do žlabow k wypra- nij.“	»Заплетеніе главы твоея яко багрянца царь- ска, связана (лат. vin- cta) в пристаниихъ«.
---	---	--

⁷⁸⁾ Ср. КА., 96, ср. польское pomsta; КИ., 143, ср. 308. Нужно иметь в виду, что слово «дѣло» в церк. слав. Псалтыри часто переводится и толкуется в смысле заплата, воздаяния и пр. Ср. *Гильтебрантъ*, *Справочный Словарь*, 122.

⁷⁹⁾ К.Т., 343 — «грешный», «неверный» при ц. сл. нечестивый.

Иисус, сын Сирахов, XVI, 24⁸⁰).

Послухай сыну мой, и научися наказания и разуму, и словъ моихъ буди пилен въ сердци твоемъ.	Uposlechni mne synu, a nauč se kázni a rozumu, a slov mých bud pilen w srdci twém	Послушаи мене чадо и научися художеству, и на словеса мои внимаи сердцемъ своимъ.
---	---	---

Иисус, сын Сирахов (чешск. Ecclesiasticus), XVI, 31 (141).

»Понеже кажная животня вещь возвестилася есть пред лицом его«	„Neb každá žywotná wiecz zwiestowala przed twárzy geho“	»Душа всякого животна покры лице ея...«
---	---	---

Тоже, гл. XVIII.

»И яко каменекъ песковой, тако мала суть лѣта противъ вѣку«	Jako kamének pieskový, tak jsú malá léta proti wíeku.	»Яко . . . И число пѣска, тако мало лѣтъ въ день вѣка.
---	---	--

Иисус, сын Сирахов, XX, 30 (141)

»Кто делаетъ гораздо дедину свою сеи повышитъ стоги обилия своего«	„Ktož dielá dobrze diedinu swú powýssij stohu obilee...“	»... Дѣлая землю възнесеть стогъ свой« (лат. „terram suam“)
--	--	---

Пророк Даниил, IV, 19 (161).

»ты еси царь возвеличивися и прозмогыся«	„ty gsy králi . genžs zweleben a rozmohls se a welikost twá wzrostla“	»Ты еси царю, яко възвеличися и оукрепѣ и величество твое возвеличися«.
--	---	---

Пророк Даниил, XIII, 22 (161—162).

»Тогда воздохнула Зузанна и рекла, тесноми нынѣ совсихъ странъ«	„I wzdechla gest Zuzanna a rzekla vzkosti gsú mi na wssecky strany“	»И въздше Сусана и рече, тѣсноми от всюду«.
---	---	---

Эсфирь, I, 13 (169)⁸¹).

»Онибо суть умели изнали права иобычае предков своихъ«	„Hessto v mieli práwa a obycžege starssých.“	
--	--	--

⁸⁰) Этот пример и пример из XVIII гл. приведены у Первольфа, Слав. взаимн . 254; все примеры из Сираха проверены и дополнены по тексту Скорины.

⁸¹) В Геннад. Библии книга Эсфирь — в новом переводе с латинского с элементами живой народной речи. Горский-Невостровец, Описание, I, 54.

Выше было отмечено, что по наблюдениям Владимірова у Скорины совсем не было в руках четырех книг Ветхого Завета в церковно-славянском тексте, а именно Премудрости Соломона, Юдифь, Эсфирь и Песнь Песней, их он передал, пользуясь непосредственно чешской Библией. Приводимый Владиміровым пример из Премудрости Соломона III, 1—2⁸²⁾ в этом смысле несомненно говорит о близости Скорины к чешскому тексту.

Скорина.	Библия 1506 г.	Острожская библия.
»Праведныхже людей души врукахъ божіихъ суть, инедотнется ихъ мука смерти. Видени суть оточію безумныхъ людей мрети. и надеяхуся ижебы мучение было выитие их. Аиже отпути правого одошли суть кпогибели, Аиже есть намъ путь загинутія. ониже суть оупокоени«.	Sprawedliwých pak lidij dusse w rukú božijch gsú a nedotkneť se gich múka smrti. Widijeni gsú oczyma blázniwých lidij mrzieti: a domnijewali se žeby trýznienije bylo wygitije gich: a že od czesty sprawedliwé odesli gsú na zatraczenije . a že gest nám czesta zahynutije. Ale oni gsú w vrokogenij“.	»Праведныхъ душа в руцѣ Божіи неприкоснется ихъ мѹка. Непщевани бѣша въочію безумныхъ оумрѣти, вѣмѣнися злѹба исход ихъ. Иотнашествія сокрушеніе. оніже суть въ мѣрѣ, ибо предлицемъ челоуѣческимъ аще имуку пріимуть, оупованія ихъ бесмертія исполнь«.

Ср. другие примеры⁸³⁾: Премудрости Соломона: V, 19: полуплятья Ск. при чешск. polauplátie⁸⁴⁾, церк.-слав. XV в. «за торасе» (лат. pro thorace); плодное поле = чешск. pole plodné. ц.-сл. поле процвѣтающи: браненъ есть = чешск. branien byl, ц.-сл. прикасашеся. *Юдифь*: нагле = чешск. náhle при ц.-сл. XV в. с оустремлениемъ или вънезапуг⁸⁵⁾.

Любопытными следами использования чешской библии 1506 года являются те места Скоринина перевода, где имеются явные сшивки церковно-славянского и чешского текстов. Вот пример, отмеченный в свое время П. В. Владиміровым:

Руѹь I, 22 (стр. 150).

»И пришла ест Ноemi Зруѹом невесткою своею из'земли Моавское Довиѹлеома Юдина <i>вначало жатвы ячменя</i>	<i>I przysšla gest Noemi s Ruth newiestú swú z zemie Moabské: kdežto byla po hostiny do Bethlema we žni. když pauprw žali gecžmen.</i>	Ивъзвратися неомминь ироуфь моавитины (сноха ея сней) обрашающися съ селя Моавля, и придоста въ Вифлеомъ <i>вначало жатвы пшеницѹ (ячменя)</i> . (Генн., разночтения Остр. в скобках).
---	--	--

⁸²⁾ Владиміровъ, Скорина, 163—164.

⁸³⁾ Владиміровъ, Скорина, 164—165.

⁸⁴⁾ Ср. Jungmann, Slovník: polaupláty subthoraces.

⁸⁵⁾ КП., 293; КА., 65; ср. старо-русское наглѹ (Срезневскій, Материалы, 274).

Мы уже знаем, что текст Псалтыри в пражском издании Скорины со-
проведен рядом его разъяснений на полях, имевших целью придать
больше понятности основному чтению, воспроизводящему церковно-сла-
вянский текст⁸⁶); эти разъяснения в известной части взяты из чешской
Библии 1506 г. и во всяком случае нередко совпадают с соответствующими
чешскими словами этого издания. Вот несколько показательных примеров:
(первая графа — основное чтение, вторая — толкование Скорины, третья
— чтение 1506 г.)

Псалтырь.

XLII, 8 хлябии	продухъ	w hlasu produchuow
LX, 10 конобь ⁸⁷)	горнецъ	hrnecz
LXIII, 5 внезапно	наглѣ ⁸⁸)	náhle
LXVIII, 32 молито- вницы	пословѣ ⁸⁹)	poslowee z Egipta
LXXII, 9 Ефиоплѣне	муриновѣ ⁹⁰)	maurzeninowee
LXXXI, 3 тимпанъ	бубень	buben
LXXXIII, 4 птица	вrabь ⁹¹)	wrabecz
LXLIII, 4 высоты	надыманья ⁹²)	nadymanije
CXXXII, 13 Сионъ	Сионъ гору	Huoru Syon
CXXVII, 2 утръневати	предъ свитаннемъ во- ставати ⁹³).	przed switanim wstati.

Эти и подобные примеры могут показывать, что при подготовке к из-
данию церковно-славянского текста Псалтыри Скорина обращался и
к справкам в чешской Библии 1506 года, хотя, как наши подстрочные
справки⁸⁴) дают понять, он в свои глоссы включал не просто чешские слова
и обороты, но руководствовался и живым чутьем своей родной речи, по-
скольку ряд слов в его глоссах принадлежал к словесному запасу его
соотечественников в XVI веке.

Мы привели лишь несколько примеров из того огромного запаса, ко-
торый получил проф. Владимиров при своей кропотливой, сосредоточен-
ной сравнительной работе. Эти примеры и каждый отдельно — и тем
более все в совокупности красноречиво говорят, что при своей работе
над переводом Ветхого Завета Скорина все время пользовался чешской

⁸⁶) Полный перечень см. *Викторовъ*, Открытіе, 8—9; ср. сопоставления с чеш-
ским текстом у *Владими́рова*, Скорина, 96—97.

⁸⁷) *Беринда*, Лексиконъ, § 3 — Конобъ = горнецъ.

⁸⁸) Ср. КА., 65; КП., 293.

⁸⁹) Ср. КП., 335.

⁹⁰) Ср. Повѣсть о волхвахъ XV в. (изд. *Перетца*), 76, 93; КП., 309 (XVII в.);
КА., 63 (евнухъ).

⁹¹) Ср. КП., 382.

⁹²) Ср. КА., 65.

⁹³) Ср. Повѣсть о волхвахъ, 30; КА., 115; КП., 386 (XVI в.), 315 (XVII).

⁸⁴) Их можно почти к каждому слову второй графы дополнить справками из
«Материалов» *Срезневского*.

библией, заглядывал в нее, часто предпочитал ее чтения чтениям других своих пособий, среди которых главным была Библия церковнославянская. Это имело место не только при работе Скорины над пражскими его изданиями Ветхозаветных книг, но и при позднейшей подготовке им к изданию книг Нового Завета, при издании в Вильне в 1525 году Апостола. В целом ряде отступлений от церковно-славянского текста, воспроизводимого здесь в печати, усматривается усвоение чешских чтений Библии 1506 года. Из многих примеров, данных у П. В. Владимірова⁹⁵), отметим здесь лишь несколько.

Деяния апостольские.

II, 42

»бяху тривающе ⁹⁶) во- вчении«	„A byli trwagijcze w vczenij aposstolskem“	Бяху же терпяще въ оученіи апостоль.
---	---	---

IX, 5 и XXVI, 14

»въспечовати«	„twrdot gest tobie proti ostnu se zpiecžo- wati“	»Жестокотн есть про- тиву рожну прати«.
---------------	--	--

XI, 29

»Единый каждый воле возможности ⁹⁷) своя«	„Tehdy vczedlnijczy ge- denkaždý wedlé mož- nosti swee vmienili“	»Аще имѣаше кто. по- велѣша каждо их на- службу послати«.
--	--	---

Послание ап. Павла к Римлянам

III, 2 (стр. 187).

»Много воистинну всеми обычан«	„Mnohem má zagisté wijecze žyd wssemi oby- cžegi“	»Много повсякому об- разу«.
-----------------------------------	---	--------------------------------

III, 4 (188)

»Есть убо Богъ правдо- мовны ⁹⁸)«	„Nebt gest buoh praw- domluwný“	»Дабудеть же Богъ и- стинень«.
--	------------------------------------	-----------------------------------

В послании ап. Павла имеется и чтение »испешимо« при ч. »pospiessme« и ц.-сл. »потщимся⁹⁹)».

⁹⁵) Владиміровъ, Скорина, 185, 186—189; на меньшую примесь чехизмов в языке Апостола, нежели Библии 1517—1519 гг., указал Головацкий, Нѣсколько словъ, 241 пр.; Martel, La langue, 103.

⁹⁶) Ср. КА., 130.

⁹⁷) Ср. КА., 62.

⁹⁸) Ср. КА., 102.

⁹⁹) Здесь нужно оговорить, что слово — потщиться нередко в старой тради-
ции — и в частности и в церковно-славянской понималось в смыслъ поспѣшить,
ср. КП., 369 (Псалом 69, ст. 2), а равно см. Гильтебрандтъ, Справочный Словарь,
294. Все чтения Остр. имеются в Моск. Апостоле 1564 г.

Такая связь текста Скорины с чешской Библией имела результатом целый ряд явлений. Прежде всего отдельные чтения Библии получали новую и непривычную форму для русского читателя, поскольку Библия Скорины имела в разных отношениях новый словесный состав. Этот новый словесный состав получился вследствие нередкого отступления Скорины от традиционных церковно-славянских слов и оборотов и замены их западно-русскими и чешскими, причем эта замена и в первом случае иногда была результатом влияния чешского текста, подсказывавшего Скорине сходственные чешским западно-русские или общерусские слова и выражения¹⁰⁰⁾. В приведенных выше цитатах встречались нам уже подобного рода примеры. Число их можно еще увеличить. Позволим только предварительно и здесь повторить приведенную уже выше оговорку. Мы без колебаний считаем явными следами влияния чешской Библии и те случаи, когда Скорина употребляет вместе церковно-славянского то или иное слово, хотя бы и собственно — русское, из живой западно-русской речи, если в соответствующем чешском тексте стоит совпадающее с ним чешское слово. Иначе обстоит дело, когда у Скорины встречается слово, которое как таковое, вне его контекста, напоминает и слово чешское. В таком случае не надлежит поддаваться впечатлению от совпадения слов и каждый отдельный случай необходимо обследовать особо, в виду возможности простого параллелизма слов в словарях Скорины и чешской Библии без непременного восхождения их у Скорины к Библии 1506 года и без неизбежности толковать их у первого, как «богемизмы». Это соображение не принял до конца во внимание, как нам кажется, Владиміров, почему в его списке «богемизмов» Скорины следует сделать некоторые сокращения, отнеся кое-что за счет общих западно-русских или даже польско-русских источников словаря Скорины.

Для иллюстрации нашей мысли мы приводим ниже таблицу слов из числа тех, которые Владиміров¹⁰¹⁾ у Скорины возводит к чешским заимствованиям, в сопоставлении их с чешскими и польскими и с приобщением указаний на употребление их в Скорининой форме в русской письменности вообще, в частности же в XVI веке после Скорины.

Скорина	Чешское	Польск.	Русское
Брунатный	brunátný	brunatny	ст.-р. бурнатный
Врабець	vrabec	wróbl	врабии
Деки	diek, děk, dik	dzięki	
Змизаль	zmizal		
Жаларь	žalář		
Квапне	kvapně	skwapliwie	КА., 52 и I, 481
Крадежь	krádež	kradzież	
Лечьбы	léčba		

¹⁰⁰⁾ Ср. Владиміровъ, Скорина. 142.

¹⁰¹⁾ Владиміровъ, Скорина, 298, 292—296, 169.

Скорина	Чешское	Полск.	Русское
Лютуеть	l'utovati, litovati	lutować	КА., 58 ¹⁰²⁾
Мылишя	mýliti se		КА., 60
Рыбникъ	rybnik	rybnik	рыбник = рыбо- лов
Сведомие	svědomí	swiadomie	
Слютуйтеса	slituji se	slutuj sie	
Строскотание	stroskotati	stroskotać	
Снадно	snadno	snadny	КА., 120
Ано	Ано	Ано	
Ачколи,	ačkoli, ačkolivěk	aczkoli	КА., 8; КП. 148;
ацьколве		aczkolwiek	Stang, 86
вооколь	vuokol	wokolo	
восполскъ	vespolok	wespoł	КА., 21; КП. 148. Stang, 144, 1525 г.
кромъ	krom, kromě	krom, kromie	КА., 55.
надъ в смысле	nad	nad	КА, 65; КП, 149.
паче (super)			
таке. такежъ	také, takéž	tak, takóž	КП., 150.

Первольф еще ранее Владимирова указывал как на чехизмы Скорины такие слова, как истина в смысле деньги (но ср. польское *iscizna*, моск. истина), псота (так и в польском), окраса злота (п. *okrasa*), настрой гудебный (Шарошп. Библия), утирадло и др.¹⁰³⁾.

Вдумываясь в приведенную таблицу, нельзя не получить впечатления, что для большинства включенных в нее слов Скорина мог иметь образец и пример и вне чешского словаря, но мог употреблять их как бытующие в польском и западно-русском языках его времени. В связи с этим и иные из тех «богемизмов», которые обнаружили исследователи в тех текстах книг Скорины, которые написаны им самим, в предисловиях и послесловиях¹⁰⁴⁾, могут быть объясняемы и вне связи с чешским языковым влиянием. Так у Скорины читаем «десятеро приказаний» (десять заповедей Моисея)¹⁰⁵⁾, у чехов «desatero přikazanie», но и у поляков «dziesięćjogo przukazania». Скорина и в своих предисловиях и заключениях иной раз пишет — «мравы» вместо нравы¹⁰⁶⁾, это слово имеется у чехов («mраву»), но

¹⁰²⁾ Ср. и в грамоте Сигизмунда I от 1525 и др., Stang, Kanzleisprache, 154, 144 (полонизм); ср. и *Огіенко*, Укр. мова, 481; у Скорины это слово встречается и в предисловии к Библии — «не лютовала есть живота своего» (*Каратаевъ*, 33).

¹⁰³⁾ *Переольфъ*, ЧР., VII, 64; *он-же*, Слав. взаимность, 255; *Perwolf*, *Poláci a Rusini*, 815.

¹⁰⁴⁾ См. *Степовичъ*, Киевская Старина, 1889 II, 519 и *Соболевскій*, ЖМНПр., 1887, V, 137—138.

¹⁰⁵⁾ *Каратаевъ*, 32.

¹⁰⁶⁾ *Каратаевъ*, 32, 34.

знают его и поляки, взявшие его, может быть от чехов¹⁰⁷), но не знаем, до эпохи Скорины или позднее. Более вероятно усвоение Скориною именно из чешского языка слова «светица» в смысле святая при чешском »světice«¹⁰⁸).

Последний факт позволяет думать, что Скорина, если именно он лично писал свои предисловия и послесловия, воспринял известный круг чехизмов в свою живую речь, что может быть объяснено как влиянием длительной и систематической работы над чешской Библией, так и живым его общением с чешской средою во время жизни Скорины в Праге или в Чехии вообще, — а такое пребывание его в чешской среде, конечно, началось еще до приступа к выпуску библейских книг и продолжалось несколько лет¹⁰⁹).

Владимиров в своем исследовании языка изданий Скорины пришел к заключению, что в тексте изданной в Праге Библии чехизмы обнаруживаются не только в словарном составе, но и в составе звуковом, в формах слов. По существу против возможности такого явления нельзя возражать, как только что было отмечено. Конкретные наблюдения, приведшие Владимирова к изложенному выводу, не кажутся все же нам бесспорными и до конца правильными. Так Владимиров предполагает, что у Скорины под чешским влиянием появляются глагольные формы третьего лица единств. числа без окончания т — день быва, время настава, не може оделѣти¹¹⁰). Однако, такие формы хорошо известны и в актовом языке литовской великокняжеской канцелярии XV и XVI вв.¹¹¹), в украинском же языке это отпадание есть явление обычное, восходящее еще к давним старо-русским временам¹¹²). Для Скорины, очевидно, свой домашний языковой опыт был основанием для его писаний, без необходимости черпать в данном случае поучение в системе чешской речи. Другой пример: Владимиров говорит, что у Скорины »глаголы, сложенные съ ся, большею частью употребляются раздельно съ ся«, как в чешском языке¹¹³). Но отрыв съ от глагола есть частое и давнее явление и в южной Руси¹¹⁴). Последовательная систематическая проверка всех утверждений Владимирова может быть обнаружит, что и некоторые иные особенности языка пражских изданий Скорины могут найти себе объяснение не непременно в чешском источнике, но и в собственно-русском или же в польско-русском эпохи Скорины. В этом направлении нужно еще много сделать в области

¹⁰⁷) Karłowicz, Słownik, II, 1058 (mrawy).

¹⁰⁸) Каратаевъ, 37 (№ 5), 40 (№ 16), 41 (№ 19).

¹⁰⁹) Ср. замечания *Соболевского*, ЖМНПр., 1887, V, 137—138; ср. *Головацкий*, Черты, 44 пр. 3.

¹¹⁰) *Владимировъ*, Скорина, 297-8.

¹¹¹) См. Stang, Kanzleisprache, 30, 48, 111, 112.

¹¹²) Ср. *Огіенко*, Українська мова, 359—360.

¹¹³) *Владимировъ*, Скорина, 291, ср. 300-1.

¹¹⁴) Ср. *Огіенко*, Українська мова, 430 и след.; ср. грамоты 1518 г. у *Кашпровского*, Борьба Василя III, 299—300.

изучения текстов и языка Скорины, пока представляющихся нам как-то вне реальной и жизненной связи с польско-русской культурной действительностью. По мнению Владимирова ряд слов у Скорины имеет чешское звучание, напр. жалудка (ч. žaludek) при употреблении и польской формы жолудекъ¹¹⁵⁾, жизень (žizeň, жажда), нельзе (nelzě), слышети (slyšeti), смърковое (smrkové, п. smrek), куроптвы (kuroptvy), кветове (květ, květové), попсаны (popsaný), недведей (nedvědi, п. niedzwiedzi) и т. д.¹¹⁶⁾. Чешское влияние усматривает Владимиров и в употреблении слов с суффиксом -дло, -тло — выселый, зерцалды, кридла, опадло, утирадла, отпочивадло, далее глагольные формы изчетль, ростль, спадль, — как известно, эта особенность присуща и языку польскому, где имеются в соответствующих измененных формах и некоторые из этих примеров!¹¹⁷⁾ По Владимирову в ряде случаев у Скорины имеются чехизмы в формах, так имеются окончания существительных -ии при предлогах, напр. ко вышиванин, служении, каженин вместо -ию — подобно чешским »k rozkazanij«, »k kadienij«; далее именит. множ. ступее при ч. sslipiege; повелительное — ступмо, подьмы (о) и др.¹¹⁸⁾. »Сослагательное наклонение вездѣ у Скорины обусловлено подражаніемъ формамъ чешскимъ«¹¹⁹⁾.

Наши замечания, изложенные на последних страницах, не претендуют на разрешение вопроса о том, было ли и в какой мере значительно влияние чешского языка, чешской языковой стихии на язык Скорины вообще. Этот вопрос может быть разрешен только специалистом-филологом и на широкой основе анализа всей совокупности данных о языке эпохи и среды Скорины в связи и с польско-русскими культурными и собственно языковыми взаимоотношениями. Эта польская струя в деле Скорины все еще не выявлена в достаточной мере. И нам представляется, что, поскольку дело касается чешского влияния на язык Скорины, почтенная и основоположная работа Владимирова еще требует дополнений и нового историко-культурного и филологического углубления и пересмотра. Иначе дело обстоит с взаимоотношением текста Скорининых изданий и текста чешской Библии 1506 года. Здесь зависимость первого от последнего не вызывает сомнений.

Проведенные выше примеры и сопоставления¹²⁰⁾ в своей основной части

¹¹⁵⁾ П. Żołądek, ср. КА., 36.

¹¹⁶⁾ *Владимировъ*, Скорина, 296-7. Форма кветове и под. сами по себе ничего о чешском влиянии не говорят, они хорошо известны и в литовско-русском языке актов XV—XVI вв. и в украинских текстах того же времени и еще более раннего, Stang, Kanzleisprache, 40, 89; *Огієнко*, Українська мова, 330.

¹¹⁷⁾ *Владимировъ*, Скорина, 273, 297; ср. и *Первоульць*, ЧР., VII, 64; *он-же*, Poláci a Rusini, 815.

¹¹⁸⁾ *Владимировъ*, Скорина, 297—298; форма императива на мо, как известно, обычна в украинском языке, *Огієнко*, Українська мова, 370-1.

¹¹⁹⁾ *ibid.*, 291, 300-1.

¹²⁰⁾ *Владимировъ* (Скорина, 251) не придает, видимо, значения показателя чешского влияния на Скорину тому приему »гласоударенія«, которое Я. Головацкий

и относятся к первому и основному вопросу, важному при разъяснении связи Библии Скорины с Библией чешской, в частности с изданием 1506 года, т. е. к вопросу о тексте библейских книг. Второе обстоятельство, которое должно быть здесь учтено, касается уже более внешнего облика Библии Скорины, а именно распределения текстов в ее составе. Текст каждой соответственной книги в пражском издании Скорины предваряется изложением содержания глав данной книги¹²¹). Такой прием облегчения читателю ознакомления с библейскими текстами имеется и в чешской Библии венецианского издания 1506 года, — это издание чешского текста впервые ввело такой прием, оба более ранние печатные издания чешские — 1488 (Прага) и 1489 г. (Кутна Гора) его еще не знают. Видимо, Скорина усвоил из Библии 1506 г. это ее новшество и использовал в своем издании¹²²). Из Библии 1506 г. мог взять Скорина также прием, позднее весьма обыкновенный, но в чешском тексте впервые в 1506 г. появившийся, — а именно ссылки на полях на параллельные места Библии (конкорданции); далее — в Библии 1506 г. имеется разделение книг по главам (напр. Песнь Песней и пророк Иеремия) особыми надписями, что повторено и у Скорины¹²³).

Заметим еще, что в общей форме, без каких либо обоснований и доказательств высказано было в литературе предположение о том, что имеющиеся в пражских изданиях Скорины вирши (Левит, гл. XIX и в книгах Исход и Иов) могли возникнуть под влиянием польских или скорее чешских образцов¹²⁴). Стихотворное переложение заповедей Моисеевых, (а его мы имеем в кн. Левит и Исход в двух вариациях) было очень распространено в литературе времени Скорины и только детальное изучение всего соответствующего материала может дать почву для твердого заключения о месте виршей Скорины. Любопытно, конечно, что русский текст в книге Левит первой и последней строками очень близок к чешскому заголовку к главе XIX в Библии 1506 г.: «о том, абы люди святы были... и о иныхъ многихъ заповѣдяхъ Божиихъ», = «о том, aby lidé swietij byli. A o mnohých przykázáních a zářowiedech».

Издания Скорины имеют еще одну особенность, делающую их замечательными со стороны художественной¹²⁵), мы имеем в виду богатый под-

---

считал одним из таких признаков, — тогда, вьегда, людіи, троубити и под. (*Головацкій*, Нѣсколько словъ, 239—240); ср. *Будиловиць*, Сочиненія Владимірова, 34; *Первольфъ*, ЧР., VII, 64—65; *он-же*, Слав. взаимн., 255.

¹²¹) *Каратаевъ*, 29.

¹²²) *Первольфъ*, Слав. взаимность, 253 пр. 1, 99, *Владиміровъ*, Скорина, 61-2, 99, 128, 171.

¹²³) *Ibid.*, 108 и прим. 1, — не «Плач», как у *Владимірова* 171, 61—62.

¹²⁴) Ср. *Карскій*, Бѣлорусы, III, 2, 27; особенно настойчиво на возможный чешский источник указывает *Грушевскій*, ИУЛ., V, 481-2.

¹²⁵) Ср. слова *Volfa*, *Knihtisk*, 24 и 26 — „neobyčejná vyspělost“ изданий Скорины, с типографской стороны равных „nejdokonalejšim západoevropským tiskům“; *Dostál*, *Co daly*, 132.

бор украшений страниц, букв, заглавий и т. п., а главное гравированных иллюстраций. Всего гравюр — по счету Н. Щекатихина — 45, причем главное и основное их количество относится к изданиям пражским — Псалтырь 1517 г. — 3, «Библия» 1517—1519 гг. — 39, и только 3 в виленской «Малой Книжице», в виленском «Апостоле» 1525 г. гравюр нету¹²⁶). Как видно, иллюстрационная сторона занимала Скорину более всего при его работе в Праге. Естественно спросить, не использовал ли он и в этом случае чешские образцы или не воспользовался ли он художественными пособиями и возможностями чешскими? Ответ на этот вопрос значительно осложняется, конечно, тем, что чешские художественные и типографские возможности были тесно связаны и внешне и внутренне с общим европейским движением в этой области, в частности с движением в области немецкого и частью итальянского книгопечатания¹²⁷), почему свое особое и самостоятельное лицо чешское печатное художественно-техническое искусство не могло явственно показать и обнаружить. П. В. Владиміров склонен считать гравюры и иные украсы изданий Скорины восходящими к немецким образцам, в частности к нюрнбергским¹²⁸). Однако, М. Шчакаціхін, недавно пристально пересмотревший этот вопрос, признает возможным говорить и о чешской струе в иллюстрации Скорининых книг, отвергая определяющее влияние на них немецких образцов¹²⁹). Чешская струя эта не заключается — по Шчакаціхіну — в использовании уже готовых примеров чешских Библий 1498 и 1506 гг., — иллюстрации этих изданий имеют самую слабую и случайную сюжетную аналогию с изданиями Скорины (две или три гравюры только!)¹³⁰). Чешскую струю г. Шчакаціхін видит только в одной группе гравюр Скорины, именно в двенадцати гравюрах пражской Библии 1517—19 гг., разрозненно рассеянных в разных книгах Скоринина издания. Сюда относит г. Шчакаціхін портрет Скорины, имеющийся в двух вариантах (Сирахъ 1517 и Бытие 1519), «Христось и невѣста» (Пѣснь пѣсней, 1518), «Переходъ черезъ Іордань» (Навин 1518), Шесть дней творенія (Бытіе 1519), Богъ въ раю (Бытіе, 1519), Юдифь и Олофернь (Юдифь 1519), Дочь Фараона и Моисей (Исходъ 1519), Моисей передъ народомъ (Второзаконіе, 1519 г.), Самсонъ и левъ (Судьи 1519), Эсфирь передъ Артоксерксомъ (Эсфирь 1519), Плачь Іереміи (Іеремія, 1519), Даніиль со львами (Даніиль 1519)¹³¹). Названный выше исследователь видит во всех этих гравюрах известное стилистическое и

¹²⁶) Шчакаціхін, Гравюры, 187.

¹²⁷) Ср. Dolenský, Výzdoba biblí, 229—231, следы итальянского влияния автор усматривает в Библии 1506 г. (издана в Италии!) при том, что Библии 1487, 1497, 1528, 1540 гг. носят отпечаток немецкой книжной техники.

¹²⁸) Владиміровъ, *op. cit.*, 75-6 и слѣд.

¹²⁹) Шчакаціхін, Гравюры, 221 и сл.; ср. Буслаевъ, Лекціи, 135, гравюры носят «отпечатокъ лучшей эпохи Чешской и Нѣмецкой живописи».

¹³⁰) Шчакаціхін, Гравюры, 222, ср. 189—192.

¹³¹) Всѣ эти гравюры воспроизведены в сборнике ЧБД, между стр. 202 и 203.

техническое единство, почему полагает, что они все выполнены или одним автором-мастером или же граверами одной строго дисциплинированной художественной школы. Эту школу г. Шчакаціхін склонен считать чешской, самый стиль ее он называет чешским, — с оговорками, однако, в виду отсутствия каких либо данных о самой этой среде художников. К их числу он готов отнести и того мастера, который сставил на портрете Скорины свою монограмму¹³²).

Эти соображения¹³³), если они могут считаться вполне обоснованными и основательными, — могут быть новым доказательством того, что, работая в чешской среде, среди чешского общества, Фр. Скорина использовал разные местные возможности для своих изданий. Но эти же соображения с новою силою подтверждают, что — связанные тесно с чешской Библией — в частности с Библией 1506 года в отношении текстуальном — издания Скорины — и пражские его издания — в техническом и художественном отношении шли своею особою дорогой¹³⁴), дав в целом своеобразный и примечательный образец славянского печатного дела. Кстати, пражские издание Скорины—и вообще первое славянское издание с богатым подбором иллюстрационного материала и книжных украшений¹³⁵).

IV. ФР. СКОРИНА В ПРАГЕ В 1517—1519 ГГ.

Итак, Франциск Скорина в 1517—1519 годах был в Чехии, в Праге и, пользуясь и чешскими пособиями, издал здесь при содействии со стороны виленского гражданина Бориса Онькова серию библейских книг (Ветхого Завета) в «русском» переводе. Возникает вопрос. — почему для осуществления этого начинания Скорина избрал именно чешский центр, именно Чешскую Прагу, и не связано ли все это начинание и по своим целям и предпосылкам с этим решением печатать русские книги в Праге? Нужно сказать, что на этот вопрос — несомненной чрезвычайной историко-культурной важности — ответить оказывается необычайно трудно и в сущности ответ еще не дан, т. е. не дан такой ответ, который бы устранил все колебания и сомнения и был бы общеубедительным. Такое положение дела связано, конечно, с чрезвычайно малою осведомленностью нашею о жизни Фр. Скорины, о его биографии, — известные нам крупницы слишком разрозненны, освещают лишь несколько эпизодов, но не каса-

¹³²) Шчакаціхін, *op. cit.* 197, 204, 220, 222.

¹³³) Отметим еще, что с чешской художественной традицией связывал издание Скорины Š. Zibrť, *Trojice*, 10—14 в связи с наличием в числе его иллюстраций известного и в Чехии изображения Троицы с тремя лицами.

¹³⁴) Ср. Макаренко, *Орнаментация*, 212—213. — подчеркивает самостоятельность композиции иллюстраций Скорины, отмечая, в частности, внесение его собственного герба (солнце и месяц) в состав разных ветхозаветных изображений.

¹³⁵) Владиміровъ, *op. cit.*, 77; Шчакаціхін, *op. cit.*, 181.

ются как раз пражского периода жизни и деятельности Скорины. Пражские архивы не дали положительных сведений об издательской деятельности Скорины¹³⁶). Пражский эпизод жизни Скорины в этом смысле — пустое место, украшенное пышным снопом его изданий 1517—1519 гг., но загадочное в отношении бытовом, личном, организационном. Для догадок, предположений и конструкций открывается поэтому широкое поле. Кое-что здесь, однако, может быть установлено и с большею или меньшею положительностью.

И прежде всего нужно принять во внимание, что Фр. Скорина был человеком, образованием и деятельностью своею крепко связанным с центрами современной культуры и жизни. Родился он, Франциск¹³⁷) Лукич Скорина¹³⁸), как можно думать, в восьмидесятых годах XV века¹³⁹). Его семья принадлежала к средней русской торговой буржуазии города Полоцка. Может быть именно отцом его является упоминаемый в одном акте 1492 года полоцкий купец Лукриан Скорина (см. имя отца — Лука), которого в Москве считали участником (вместе с другим купцом из Полоцка) нападения на великолущского сбывателя Дороню Иванова, — его «въ Полотску пограбили», «а взяли грабежу на сорокъ рублейъ и на два рубли»¹⁴⁰). Брат Фр. Скорины Иван, ведший значительную торговлю¹⁴¹),

¹³⁶) См. о поисках *Вл. А. Францева — Плотухович*, Скарына, 171 пр. 3; в связи с безрезультатностью поисков автор готов — с необходимыми оговорками — предполагать, что может быть издания Скорины, как православные, печатались в Праге тайно!

¹³⁷) Один акт 1532 г. назвал его и Георгием, но это едва ли не недоразумение, (смещение *egregius* — *Georgius*) см. *Łowmiański*, AW., III, 163; ср. *Станкевич*, Скарына і яго праца, 156—157.

¹³⁸) Фамилия Скорина принадлежит к числу довольно распространенных в западной и южной Руси, она известна в XVI и след. веках в Полоцке, в Слуцке и в Киевском крае (см. *Владиміровъ*, Скорина, 45 пр. 3; *Тупиковъ*, Словарь, 359; *Харламповичъ*, Зап.-русскія школы, 197 пр. 6 — Алхим Скорина и его сын Савва в 1601 г. в Полоцке), в Витебске (*Сапуновъ*, Витебская Старина. I, 405, 410, 417, 419, 423, 424, 425), в Галицкой Руси (*Agiz.*, X, 332, № 5543, 1676 г.) и т. д.; Skoryna в Вильне в XVIII в. — *Poplatek*, Wykaz, 280 и 586 (*Ateneum Wileńskie*, XI, 1936).

¹³⁹) Обычно дата рождения Скорины определяется общим указанием — около 1490 г. *Владиміровъ*, Скорина, 44; *Карский*, Бѣлорусы, III, 2, 21; *он-же*, *Geschichte*, 98; *Станкевич*, Скарына, 22; *Плотухович*, Скарына, 157—158; *Харэвич* и др. Попытка установить дату — 6 марта 1486 г. — на основании астрономического толкования герба, помещенного на портрете Скорины и на ряде иллюстраций в его изданиях, опорочена была самим ее автором, — см. *Шчакаціхін*, Калі радзіўся Скарына, 148—151 (за ним — *Дварчанін*, Скарына, 20—22, ср. *Пічэта*, *Scoriniana*, 317—318, 319) и *он-же*, Увагі, 336, ср. *Станкевич*, Скарына і яго праца, 155—156. Dr. T. Hrub в гербе Скорины видит изображение бога Ярилы, основного божества старых белорусов, не отрицая и астрономического значения фигуры на гербе — по Щекотихину (*Da pytańnia ab pachodźańni herbu Pahonia [Pryčyna do vyšviateńnia bielaruskaja heraldyki]*, *Iskry Skaryny*, N 5, 1935, 75—76).

¹⁴⁰) *СРНО.*, XXXV, 67, № 16, в инструкции Ивана III послу 18. V. 1492 г., отмечаем здесь особо этот акт, ибо он не привлекался доньше к изложению биографич. данных о Скорине, исключение — *Д. Оляничин*, Пам'ятки, 102.

¹⁴¹) Ср. *Владиміровъ*, Скорина, 46.

имел в Полоцке недвижимую собственность, может быть еще родовую, во всяком случае совместно с Франц. Скориной¹⁴²). Братья были связаны, насколько знаем, и торговыми интересами, как это обнаружилось в 1532 году в Познани¹⁴³). После получения начального образования, можно думать, дома в Полоцке, Фр. Скорина, как предполагают некоторые новейшие исследователи, попал в круг влияния бернардинцев, утвердившихся в конце XV в. в Полоцке и приобретших в Литве значительное влияние¹⁴⁴). Может быть по указанию этих своих руководителей Скорина появляется затем в числе студентов Краковского Университета, где в 1504 г. записывается—»Franciscus Luce de Ploczko 2 gr. (solvit)»¹⁴⁵), а в 1506 году там-же »Fran. de Poloczko Litphanus« получает степень бакалавра¹⁴⁶). В 1512 г. он — »juvenis« »Dominus Franciscus, quondam D. Lucae, Scorina de Poloczko Ruthenus«, оказывается в Падуе¹⁴⁷) — »a longinquissimis partibus forsan per quattuor milia miliaria et ultra ab hac praeclara civitate pro augmentando famam et honorem ad illam (Universitatem) se contulit«, и после сдачи необходимых испытаний получает степень доктора медицины¹⁴⁸). Скорина в этом случае пошел обычной для польских медиков дорогой, — польские врачи большей части проходили именно падианскую или болонскую школу¹⁴⁹). Когда и где Скорина получил и степень »artium doctor«, »artium bonarum doctor«, которая упоминается уже в падуанскую

¹⁴²) *Беларускі Архіў*, II, 263-4, № 373—сведения о судебном споре об этом имуществе («во дворыше, што въ замьку Полоцкомъ») 1535 г.; *Владимировъ*, Скорина, 44—46; *Піотуховіч*, Скарьша, 159—160.

¹⁴³) См. *Wojciechowska*, *Kw.H.*, XL, 1926, 473—4.

¹⁴⁴) *Łowmiański*, *AW.*, III, 168—169; *Kantak*, *Bernardyni Polscy*, I, 179; *Талочка*, *Да справы*, 169—170. Ср. *СРНО.*, XXXV, 299, № 63 (1500). 305, 312. 318, 352, 519.

¹⁴⁵) *Chmiel*, *Album stud.*, II, 91.

¹⁴⁶) *Muczkowski*, *Statuta*, 144; *Владимировъ*, Скорина, 51—52; *Fijałek*, *Uchrześcjanienie*, 159; *Піотуховіч*, Скарьша, 164—165; *Karbowiak*, *A.*, *Dzieje wychowania i szkół w Polsce*, III, г. 1923, 470—1.

¹⁴⁷) Не в Болонье, как почему-то утверждал *Владимировъ* в 1900 г. (*Энцикл. Словарь Брокгауза-Эфрона*, т. XXX, 228), а за ним и *Купаловъ*, *Русск. Биогр. Словарь*, 600! Отсюда, конечно, Болонья попала и в новейшие энциклопедии (*Ottův slovník naučný*, d. 23, 1905, 288; *Masarykův slovník naučný*, VI, 1932, 665), даже *Українська Загальня Енциклопедія*, III, 1936, 117. и *Dostál*, *Co daly*, 132. См. и *Prostov*, *Origins*, 257; *Pavlovsky*, *F. V.*, *Ročenka čsl. knihtiskářů*, XIV, Pr., 1931, 39 и 42.

¹⁴⁸) *Windakiewicz*, *Materyaly w Padwie*, 158; *Brückner*, *Wo promowirte Skorina*, 468; *Шляпкинъ*, *Къ біографіи Скорины*, 382—385; *Піотуховіч*, *op. cit.*, 165—168.

¹⁴⁹) *Brückner*, *Dzieje kultury*, II, 200; *Lachs*, *Alcune notizie*, 275—328; *Karbowiak*, *A.*, *Dzieje wychowania i szkół w Polsce*, III, *Lwów—Warszawa—Kraków*, 1923, 403—411. Ср. *Саладух*, Скарьша, 37—43; *Головацкіі*, *Я.*, *Бібліографіческія находки во Львовѣ*, *Зап. Акад. Наукъ*, XXII, прил. 4, 1873, 21—27 (печатный венецианский панегирик кириллицей одному из окончивших »в преславной Академіи Патавской« (XVIII.). В Болоньи учились и медики »de Russia«, один из таких »D. Magister de Russia« был в 1481—1482 гг. »Artistarum et Medicorum Rector«, *Любовичъ*, *Н.*, *Итальянскіе архивы и бібліотеки, отчетъ 1887 г.* (из Варш. Унив. Извѣстій) 7.

пору его жизни¹⁵⁰), неясно, м. б. и в Кракове¹⁵¹). После 1512 г. Скорина — «въ лекарскихъ наукахъ Докторъ», «въ наукахъ вызволенихъ и въ лекарстве Докторъ», «въ наукахъ и въ лекарстве учитель», «ученый» или «избранный мужъ», как он сам себя называет в своих изданиях¹⁵²) — на пять лет исчезает от нашего наблюдения и вновь появляется только в 1517 году и уже в Праге. Где он провел эти годы — у себя-ли на родине в Полоцке или в русских краях Литовско-русского государства или же за-границей, в Западной Европе, остается неизвестным¹⁵³). Но одно ясно, — в Прагу прибыл и в Праге поселился человек, хорошо освоившийся с современной западно-европейской академической жизнью (знал по крайней мере два университета — Краков и Падую), знакомый с современным умственным и культурным движением Европы, несомненно умевший ориентироваться в культурных и общественных отношениях Европы, — иначе говоря, умудренный и жизненными впечатлениями и непосредственными знаниями. В 1517 году ему могло быть уже около тридцати лет¹⁵⁴). В Прагу Скорина прибыл уже не учиться, а осуществлять большой и ответственный литературный и издательский замысел. Кстати заметим, что иногда в литературе высказывается предположение, что Скорина учился и в Карловом Университете в Праге¹⁵⁵), — однако, для подтверждения этой мысли нет никаких данных.

Когда именно прибыл в Прагу Фр. Скорина и поселился здесь, — неизвестно, знаем только, что уже 6 августа 1517 года выпущено было из типографии в Праге его первое издание — Псалтырь¹⁵⁶). Судя потому, что затем едва не каждый месяц выходило по книжке (10 сент., 6 окт., 5 дек., 2 янв. 1518, 9 янв., 19 янв., и далее уже 10 авг. (сразу — четыре книги Царств), 20 дек. и т. д.)¹⁵⁷), весь литературный материал для печати,

¹⁵⁰) Шляпкинъ, Къ біографіи, 383, 385; Миловидовъ, Новые документы, 223, 224 („artium bonarum doctor, faelixque professor“); ср. Круповичъ, Собрание, 35.

¹⁵¹) Ср. соображения Шчакацихіна, Гравюры, 185—186; Kariskij, Geschichte, 98; Станкевич, Скарына и его праца, 159 говорит об изучении Скориной богословия после отъезда из Кракова. но в источниках об этом ничего нет.

¹⁵²) Каратаевъ, 35—42, 43, 58, 62—66; Владиміровъ, Скорина, 56 и пр. 3.

¹⁵³) Указание Владимірова (Начало, 16) на пребывание Скорины в Германии совершенно голословно, его повторяет и, напр., Гарэцкі, 66.

¹⁵⁴) Дѣлать заключенія о возрастѣ Скорины по его портрету, — едва-ли можно; Владиміров (Скорина, 44) видит здѣсь челоука в возрастѣ не менѣе 27 лѣтъ, даже нѣсколько старше, — а А. Н. Ясинскій давал ему 40—45 лѣтъ!, Ясінські, 3 культурнае гісторыі, 40.

¹⁵⁵) Так, напр., Головацкій. Нѣсколько словъ, 230; он-же, Черты, 44 пр. 3; ср. Чистовичъ, Очеркъ, 217; и Владиміровъ, Скорина, 56, — но эти авторы не знали еще о пребывании Скорины в Падуде; ср. и Ластоускі, Скарына, 5; он-же, Гісторыя кнігі, 299 — «есьць пашлякі, што быў на Пражскім унівэрсытэце» (ср. Пічэта, Scoringiana, 320, 325), а недавно и Лаппо, Статутъ, I, 429, почему-то называющий Скорину шляхтичем! (см. *ibid.*, 429 и 510, т. II, 272).

¹⁵⁶) Каратаев, 43, № 14; Владиміров, Скорина, 64—65.

¹⁵⁷) Каратаев, 36—42; Владиміров, Скорина, 65.

т. е. перевод Библейских книг, был уже заранее едва ли не в законченном виде готов. Вполне вероятно, что и эта подготовительная работа была осуществлена уже в Праге, вообще в Чехии, — поскольку именно чешские пособия были при этом использованы, — а если так, то Скорина мог поселиться в Праге еще за немалое время до августа 1517 года, м. б. и за год или даже за годы.

В течении нескольких лет в Праге жил и работал Скорина, но его жизнь здесь и живая публичная деятельность как будто не оставили в актовом материале современных ему пражских учреждений никаких следов, которые могли бы хотя отчасти послужить путеводной нитью для освещения пражского периода его жизни. Приходится этот важный эпизод в истории русского книгопечатания и в биографии первого русского печатника и издателя истолковывать и объяснять в порядке предположений и догадок.

Основной вопрос, который нам нужно разрешить, это вопрос о том, почему Скорина, доктор медицины, избрал Прагу местом для осуществления своего издательского плана?

Мы не склонны нарочито усматривать в факте издательской деятельности *медика* Скорины отражение того обстоятельства, что в его времена врачебная профессия (но не только она!) всходила к известным религиозно-культурным предпосылкам¹⁵⁸), хотя и сам Скорина не без умысла, может быть, сопоставлял служение врача со служением потребностям духовным, когда говорил, что «Святой Лука Евангелистъ Лекаръ к душному здравію пиша науку даетъ»¹⁵⁹), или когда в предисловии к книге о многострадальном Иове оговаривал, что он, «влекарскихъ наукахъ докторъ», дает своим изданием «вси лекарства душевные и телесные»¹⁶⁰), «потѣху всемъ смутнымъ, наболен тымъ, ониже суть въ бедахъ и внемощахъ положены», дает, «знаячи сее, иже есть наивышшая мудрость Розмышлѣние смерти и познание самого себе и въспоминание наприидущие речи»¹⁶¹). Такое соединение профессии доктора телесных немощей

¹⁵⁸) Так *Влаодиміровъ*, Скорина, 55, а за ним *Возняк*, *Исторія укр. літературн*, II, 6—7; *он-же*, *Старе письменство*, 216; *Купаловъ*, 600.

¹⁵⁹) *Каратаевъ*, 35; ср. о ап. Луке и в предисловии в виленском «Апостоле», *Каратаевъ*, 57; *Владиміровъ*, 55 пр. 2.

¹⁶⁰) Слова предисловия в Библию, *Каратаевъ*, 31; ср. и в предисловии к Псалтыри, *Владиміровъ*, *op. cit.* 326.

¹⁶¹) *Владиміровъ*, Скорина, 103—104. *Владиміровъ*, стр. 55, а за ним и другие (*Піотухович*, Скорина, 165) ссылаются для доказательства мысли Скорины о религиозно-нравственной миссии врачей на слова его в предисловии в книгу Судей: «внегда каемся греховъ своихъ, то посылаетъ намъ Господь Богъ Пастырен и Докторовъ они же научаютъ насъ противитися бесовскимъ покусамъ». Намъ представляется, что слово доктор тут нужно понимать в общем смысле ученого (ср. «докторове а люди вченые» в противопоставлении «всякому человеку простому и посполитому», *Каратаевъ*, 30), а не специально врача, — недаром ведь Скорина и в отношении самого себя и евангелиста Луки не ограничивается словом доктор, но всегда прибавляет «влекарскихъ наукахъ».

с оказанием помощи духовным потребностям в порядке издания полезных книг не было в те времена редкостью¹⁶²). Но Скорина был ведь не только врачом, но и доктором »*bonum artium*«, т. е. соединял медицину с общими интересами духовной культуры. В этом можно находить и общее объяснение его культурно-издательской деятельности. И хотя бы предисловия и послесловия в его книгах и не блистали новыми и богатыми идеями и восходили в общем к средневековым литературным источникам¹⁶³), все же в них чувствуется движение просвещенной мысли, сознающей цену и смысл того большого общественного дела, которое осуществляется изданием библейских книг на »русском« языке.

Пражские издания Скорины не содержат в себе никаких указаний на связи Скорины с пражской книжной или общественной средою. За Скориной стояла, конечно, какая-то группа лиц, но на нее мы имеем только один намек в указании имени Богдана Онькова, намек, который ведет, однако, нити в сторону виленскую¹⁶⁴) и ничего не разъясняет о Праге. Очень любопытно при этом, что Скорина печатно выдвигает на первое место свою собственную роль в издательской работе, многократно повторяя свое полное имя с приведением и своего звания, а Оньков именуется только дополнительно на экземплярах библейских книг и только в рукописных приписках, современных, правда, самому изданию. Складывается впечатление, что Оньков как-бы позднее вступил в дело, когда уже был закончен набор и выпуск книг, т. е. как-будто он уже готовое

¹⁶²) Во времена Скорины в Чехии издательскую деятельность не раз осуществляли представители врачебной профессии, см. примеры у Gellner'a, 123 и пр. 6, 126-7, 134—137, — лекарь был издателем известной книги „*Kronika Česká*“ Б. Библиевского (1532), лекарь Н. Клавдиан в начале XVI в. выпустил издания конфессии общины чешских братьев, сочинений Лактанция, Сенеки и др., „*umělý mistr lékař*“ „*Jan Bílý od Čarů*“ принимал участие в издании чешской Библии 1480 г. в Праге (Adámek, *Bible Pražská z roku 1480*, 32).

¹⁶³) Этот »плагиат« слишком уже нарочито, думается нам, подчеркивает Łowmiański, AW., III, 175—176.

¹⁶⁴) Völker (*Kirchengeschichte*, 107) недавно назвал издание Скорины — »eine vom Fürsten Konstantin Ostrorog (sic!) geförderte Übersetzung«, имея в виду, повидимому, знаменитого князя Константина Ивановича Острожского, бывшего в 1511—1522 гг. каштеляном виленским, — но на чем основывает Völker это свое утверждение, для нас неясно, общих данных о князе Константине Ивановиче, как о меценате и покровителе русской православной и духовной культуры, для такого конкретного утверждения недостаточно. Заметим, что И. Франко когда-то (1910) высказал предположение о связи кн. К. И. Острожского с делом Фиоля в Кракове в 1491 г., однако, эта догадка не нашла себе подтверждения, зато прямо известно о материальной заинтересованности в деле Фиоля семьи Турпо из Словакии! (Ср. *Грушевський*, IУР., 130, 137; *Ogienko*, *Історія друкарства*, 158). При всем том вопрос о возможности каких-то отношений между Скориной и поддерживавшим его пражское издательство кругом его земляков и князем К. И. Острожским заслуживает обследования. Ср. предположение *Филіка* о связи дела Фиоля с литовскими магнатами, в частности Сопегами (и с бернардинцами), *Fijałek*, *Początki censury*, 135—144.

издание закупил по его окончанию, почему и оказались нужными хотя бы и запоздалые отметки, что «то ся стало *накладом* Богдана Онькова сына»¹⁶⁵).

Личность и виленские связи Богдана Онькова или Онковича до сих пор не подверглись специальному обследованию и в литературе не имеется сводки данных о нем. Знаем только, что он принадлежал к богатой мещанской семье, владевшей земельным имуществом и что он в начале XVI в. был в числе ассессоров на суде маршалковском¹⁶⁶). Но еще больший интерес представляет одно указание, встреченное нами в актовом материале и до сих пор не привлеченное, кажется, для освещения занимающих нас вопросов. Это указание имеется в литовско-московской переписке по спорным пограничным и иным делам 1526—1527 гг. Со стороны Литвы принесена тогда была в Москве жалоба на ограбление Богдана Онкова. «Мѣщанинъ нашъ виленски Богданъ Онкевичъ (в другом месте Онков), писали из Литвы именем великого князя Сигизмунда, поѣхаль былъ навпоминаючися довгу своего, что ему винны были Ошемячичъ (т. е. Шемячичъ) и Можайскій; ино его въ земли великого князя розбито и многи товары и тежъ тыи листы записныи, которыи въ себѣ мѣль на тыи долги свои, то тежъ ему взято». В другом месте литовской жалобы точно указывается, что ограбление произошло на «лутцкой дорозѣ» (т. е. на дороге в Великие Луки) и что отняты были у Богдана два «листы» на 400 копъ широких грошей и на 500 коп грошей, а кроме того — «150 рублевъ денегъ готовыхъ, чара серебряна позолочена, ложка, святость». В жалобе названы и имена «розбойниковъ» и подчеркивается безрезультатность требований об удовлетворении, — «справедливость» не была Онкову «вчинена»¹⁶⁷).

В этом эпизоде нас занимает, конечно, его основа, т. е. тот факт, что виленский мещанин Онков (Онкевич) оказывается кредитором двух князей, которые на переломе XV и XVI столетий отошли от Литвы и присоединились вместе со своими землями к Москве, это были кн. Вас. Сем. Можайский-Стародубский и кн. Северский Вас. Ив. Шемячич¹⁶⁸). В 1523 г. Шемячич приехал последний раз в Москву и здесь остался, заключенный в тюрьму и в ней в 1529 г. и умерший. Совершенно очевидно, что Богдан Онков был богатым человеком, финансистом, — кредитовавшим разных лиц, в их числе и литовско-русских служилых князей. В контексте этих сведений о Богдане Онкове 1526—1527 гг. его связи со Скориной получают некоторое объяснение, — это были связи, построенные на финансовых возможностях виленского богатого обывателя, ока-

¹⁶⁵) *Каратаевъ*, 29; *Владиміровъ*, Скорина, 47. *Викторовъ* (Открытие, 5 пр. 2) допускал, что слова об Онькове «по ошибкѣ не попали въ печать», но как была возможна такая систематическая ошибка при работе более двухлетней длительности? Приписки об Онькове имеются на экземплярах книг Скорины разного времени выхода в свет.

¹⁶⁶) *Владимировъ*, Скорина, 47 пр. 3.

¹⁶⁷) *СРНО.*, XXXV, № 102, стр. 752, 759.

¹⁶⁸) *Ibid.*, по указателю; ср. *РБС. s. v.*, Шемячичъ, томъ Шебановъ-Шютцъ, 86—89.

завшего субсидию и поддержку издательскому делу, предназначенному для русской среды Польши и Литвы. Богдан Онков выступает теперь перед нами с несколько более конкретными чертами, хотя все же остается совершенно неясным вопрос о том, почему он пошел на поддержку дела, начатого в Праге Чешской. С Прагой могли связывать Богдана Онкова торговые дела, поскольку между Вильной и Прагой существовал коммерческий контакт, но для превращения этого допущения в уверенность недостает положительных указаний на заграничную торговую деятельность Онкова.

Почему же Скорина мог избрать Прагу для осуществления своих издательских планов? Его чешское пособие — Библия 1506 г. — было издано в Венеции. Скорине, доктору Падуанского университета, туда — в Венецию — было так близко и естественно направиться и со своим замыслом. Во всяком случае именно в Венеции создал большой издательский центр славянских, кирилловских книг современник Скорины черноговец Божидар Вукович, подгоричанин. Свое дело он начал в 1519 году и за ряд последующих лет как им самим, так и его преемниками было выпущено большое число изданий¹⁶⁹⁾.

С другой стороны Скорина, связанный своим философским образованием с Краковом, мог бы остановить свой выбор на этом центре, где в 1491 году единственный его предшественник по изданию книг Священного Писания для восточно-славянского читателя Швайпольт Фиоль выпустил в свет свои «Триоди», «Осмигласникъ», «Часословець» и «Псалтырь съ возслѣдованіемъ»¹⁷⁰⁾. Опыт и пример Фиоля Скорина, видимо,

¹⁶⁹⁾ Каратаевъ, 44—56, 68—74, 77—80, №№ 15—17, 20—22, 26 и т. д. — Венецианские славянские издания «Миссала» в 1483 г. и «Часословца» магистра Андрея Торесанского в 1493 году были напечатаны не кириллицей, как иногда утверждается, а глаголицей. Каратаевъ, 14, № 6, ср. 74; Щелкунов, 106, 323; Владиміровъ, Начало 15; см. особ. Wharton, *Historie de l'imprimerie*, 281—282.

¹⁷⁰⁾ Каратаевъ, 1—14, №№ 1—5. О Фиоле ценнейшую сводку дал Ptašnik, *Cracovia*, 10—22; см. также Fijałek, *Początki censurey*, 135—144; Огіенко, *Друкарська трійця*, 163—166; он-же, *Історія друкарства*, 1, 7—11 (указатель литературы); Попов, *Початки 15 и сл.*; Kuglin, *Fiol*, 131—137; Владиміровъ, *Скорина*, 24—27; он-же, *Начало*, 24—29; Weingart, *Slovanská vzájemnost*, 80, 94—95; Пічэта, *Друк на Беларусі*, 229—232; Чернобаев, *Начало книгопечатания*, 143—145; ср. Brückner, *Zfsl. Ph.*, IV, 465—6, прим., и др.; Birkenmajer, A.-K. Piekarski, *Korektowe arkusze druków Sz wajpolta Fiola*, *Congrès international des bibliothécaires et des amis du Livre*, Prague, 28/V1 — 3. VII. 1928, II, Prague, 1928, 57—8. Грушевський, *ІУЛ.*, V, 129—138. Немецкое происхождение Фиоля (Фьоля) установлено с достаточной прочностью и мы не видим теперь возможности повторять утверждение, что Фиоль был чехом и что его длинное имя — Святополк Фиала; не так давно это мнение повторил Д. Н. Вергун, полагающий, что Фиоль, удалившийся — по сведениям подлинных источников — из Кракова в Угriu и действовавший потом в Словакии в Левоче, перенес из Польши свое дело якобы в Подкарпатскую Русь, вероятно в Пряшев, где обучал печатному делу Андрея Торесанского, первого славянского издателя в Венеции (Вергунъ, *Карпаторусская литература. Восемь лекций о Подкарпатской Руси*. Прага, 1925, 49; ср. Огіенко, *Історія*, 152). Эти указания — голое предположение, ничем не подтвержденное! (Ср. Возняк, *ІУЛ.*, III, 108—109).

воспользовался¹⁷¹⁾, но не остановился на Кракове, а осел в чешской Праге. Правда, дело Фиоля потерпело крушение из-за обвинения его в ереси, в пристрастии к причастию под обоими видами¹⁷²⁾, и такой пример мог исключить для Скорины возможность работать в Кракове¹⁷³⁾.

А далее, — большие издательские возможности предоставлял один из немецких центров, именно Нюрнберг, который как раз в конце XV и в начале XVI вв. был представлен богатым выбором произведений печатного дела. Но что заслуживает в данном случае особенного внимания — Нюрнберг выступал в начале XVI века и в роли издателя чешских книг; в течение 1504—1520 гг. тут было выпущено не менее 12 чешских изданий, причем на годы 1517—1518 падает половина этого числа, — именно тогда уже раздавалось в совете этого города осуждение такого рода публикаций на чужом, чешском языке, что не мешало, правда, их выпуску. К тому же, заметим, некоторые из этих нюрнбергских книг имеют обозначение места издания — не Нюрнберг, а тот или иной город Чехии — Пльзень, Литомышль¹⁷⁴⁾. Это обстоятельство, укажем кстати, подсказывает вопрос, — не имело ли место тоже самое в какой-то степени и в отношении Скорины, т. е. не имел ли все же и он каких-либо связей с нюрнбергским печатным и типографским миром? Сближения его изданий с нюрнбергскими, предложенные П. В. Владимировым, в этом смысле могли бы быть вещественным подтверждением такой связи. Однако, никаких прямых или даже косвенных, но сколько-нибудь намекающих на это данных не имеется. Полное отсутствие каких-либо фактических указаний на связи Скорины с Прагой — вне его книг — может, конечно, питать и предположение о фактивности его указаний на издание им книг в Праге вместо действительного печатания их в Нюрнберге, но такого аргумента а silentio здесь во всяком случае недостаточно. Нет, Скорина издавал свои книги именно в Праге Чешской. И это был первый, чрезвычайный, на несколько столетий в истории книгопечатания единственный случай русского издательства в Праге, в сущности поражающий своею исключительностью¹⁷⁵⁾.

¹⁷¹⁾ Ср. *Владимировъ*, 81—82; ср. и *Грушевский*, ИУЛ., V, 121—122.

¹⁷²⁾ Fijałek, Początki censury, 135—144.

¹⁷³⁾ См. напр. *Карский*, Бѣлорусы, III, 2, 22.

¹⁷⁴⁾ См. подробности — Spina, Buchdruck, 29—51; более полный список нюрнбергских чешских изданий дал Č. Zibrť в рецензии на книгу Фр. Спины. ČSM., т. 82, 1908, стр. 378—382; ср. и J. Volf, ČSM., 1913, 398—400; Kolářová-Cisařová, A., XVIII, Ročenka čsl. knihtiskařů, Praha, 1934, 35 и сл., ср. и IX, 1926, 44 и сл.

¹⁷⁵⁾ Ср. *Карамзинъ*, ИГР. I, прим. 529: «какъ Скорина могъ печатать Библию въ Прагѣ, гдѣ, сколько извѣстно, никогда не было славянской типографіи?» — Любопытно, что один из корреспондентов Ганки Ф. В. Чижев готов был связать появление церковно-славянской типографии Скорины в Праге со старой церковно-славянской традицией в Чехии, — «древняя Ваша отчизна, писал он, роднилась съ моею не только единствомъ племени, но и единствомъ вѣры», и «то древнее единство ихъ оставило такіе слѣды, что уже гораздо позднѣе, именно въ XVI столѣтіи въ Прагѣ была церк.-слав. типографія» (*Францевъ*, Письма къ Ганкѣ. 1179, письмо 1851 г.). Эта же мысль

Мотивы, побудившие Фр. Скорину организовать свое дело в Праге, могли быть многообразными и сложными. Здесь могли сочетаться соображения и отношения его личные, деловые, материальные, технические, национальные; практические, идеологические и т. п. Нам не дано в целом распутать этот узел, поскольку в области чисто биографической мы пока не имеем никаких путеводных вех.

Ниже будут нами приведены указания на то, что Скорина состоял после 1535 г. на службе при королевском саду в Праге. Этот факт подсказывает предположение, что может быть и в 1517—1519 гг. Скорина мог быть связан с Прагой служебными отношениями. Когда-то Добровский предполагал, что Скорина пользовался содействием короля польского Сигизмунда I (1506—1548)¹⁷⁶). Эта догадка не нашла себе фактического подтверждения¹⁷⁷), но, думается нам, все же не без значения могло быть то обстоятельство, отмеченное уже и Добровским, что в Чехии в пору жизни Скорины в Праге королем был Ягеллон Людовик I (1516—1526), а перед ним в течении едва не полувека его отец Владислав (1471—1516). И вне прямой помощи польского короля эти обстоятельства могли так или иначе быть благоприятными для деятельности Скорины, верного подданного семьи королей Польши, Чехии и великого княжества Литовского¹⁷⁸). В виду этого служебные связи Скорины с двором кого-либо из членов этого дома Ягеллонов в после — краковский период жизни Скорины нам не представляются невозможными. Однако, это все пока только допущения и предположения, на которых не приходится с уверенностью строить какие-либо выводы и построения. Приходится все же искать объяснений издательской работы Скорины в общей перспективе его связей с книжно-типографским делом в Праге.

но в другом обороте, высказана была много ранее З. Копыстенским, который в своей «Палинодии» 1622 года между прочим утверждал, что краковские издания церковнославянских книг, т. е. издания Фиоля конца XV века, были делом вызванных еще Ядвигой в Краков «законников» чехов-пражан, которые «релѣи [т. е. религии] восточной церкви были» (РИБ., IV, 990—2, 996—7; Martel, La langue, 76; ср. Грушевський, ІУЛ., V, 132 прим.); ср. и Чернобаев, Начало книгопечатания, 144.

¹⁷⁶) Добровский предполагал, что Скорина мог входить в состав польской делегации, сопровождавшей Сигизмунда I на известный «венский конгресс» 1515 г., и что Скорина мог затем быть отправленным в Венецию, где и приобрел необходимый шрифт для своих изданий, пользуясь при своих издательских начинаниях поддержкой короля. С закупленным материалом Скорина не вернулся, однако, в Польшу, чему могло помешать и начавшееся в ней брожение, но осел в Праге при опекаемом Сигизмундом юном короле Людовике, а в Польшу переехал только после 1519 года, когда Чехия перестала признавать польскую опеку над своим королем. См. Dobrovský, Reise nach Schweden, 105—107; ср. и его письма Дуриху, Korrespondence Dobrovského, I, 269, 334; за Добровским эти предположения часто повторялись, см. Wiszniewski, Historia, VIII, 476; Българусь, Судьбы языка, 142; Slovník naučný, red. Rieger, d. 8, 1887, 493.

¹⁷⁷) Пичета, Scoringiana, 290—1, называет ее фантастичной.

¹⁷⁸) Ср. Lowmianski, AW., III, 169—170; но ср. Владимиръ, Скорина, 48 пр. 1.

В данном случае могли сочетаться два обстоятельства: 1) принятие Скориной именно чешской Библии (1506 г.) за одно из руководств и 2) учет общих технических и книжных возможностей Праги. Эти обстоятельства, указанные еще И. Добровским¹⁷⁹⁾, остаются и сейчас основными для объяснения истории издательского дела Скорины в Праге.

Добровский сопоставил как-то пример Скорины с практикой печатания еврейских книг в Праге и для польских евреев¹⁸⁰⁾. Это обстоятельство, действительно, останавливает на себе внимание. Первая еврейская типография в Средней Европе была устроена в Праге в 1512 г. и она обслуживала книжные нужды и польских и немецких евреев, в частности позднейшее люблинское еврейское типографское дело было тесно связано с Прагой¹⁸¹⁾. В 1518 году в Праге было издано еврейское Пятикнижие Моисеево, — признаваемое специалистами одним из блестящих образцов пражского еврейского печатания. В эпилоге этого издания указано, что во время работы над ним Салман Бумсла (Bunzel), субсидировавший издание, которым руководил Иекутиел бен-Исаак Дан, переселился из Праги на Русь и поручил оплачивать расходы своему шурину Самуелю бен-Давиду Гумпелю. Этот живой пример сотрудничества чешских и русских евреев в деле издания Библии падает как раз на время деятельности в Праге Скорины. И таких примеров было несколько, — так Элиезер бен Исак действовал сначала в Праге, потом в Люблине, где стоял во главе еврейского издательства, и затѣм еще несколько раз переселялся из одного центра в другой (был и в Царьграде), причем на всех его изданиях имеется его книжный знак — чешский лев. Любопытно, что пражский городской герб, имеющийся на титульном листе пражского Пентагевха 1518 г., повторяется затем и в издании Шааре Дура в Люблине в 1595 г.¹⁸²⁾. А не забудем, что в пражских изданиях Скорины литера П в заглавии предисловий к каждой библейской книге имеет внутри изображение льва¹⁸³⁾, которого Владимиров¹⁸⁴⁾ готов был считать геральдическим «богемским» львом в короне, лев у Скорины обращен, правда, слева направо, а не наоборот, как в гербе чешском, но в XVI в. такое изображение и в чешских книгах встречается. Помещать на книгах (но не в

¹⁷⁹⁾ Dobrovský, Jeremias Klaglieder, Slovanka, II, 151.

¹⁸⁰⁾ Dobrovský, Reise nach Schweden, 102; это указание недавно повторил Яремченко, Скорина, 256; см. и Владимировъ, Скорина, V.

¹⁸¹⁾ Balaban, Historja żydów w Krakowie, I², 504—5; он-же, Drukarstwo żydowskie, 102 и сл.

¹⁸²⁾ Берем эти справки из статьи Lieben, Hebräische Buchdruck, 92, 97, 104, ср. 100; ср. R. J. Vonka, Židovští knihtiskaři v Praze, XVIII. Ročenka čsl. knihtiskařů, Praha, 1934, 91 и сл.

¹⁸³⁾ См. снимок ЧБД., к стр. 235, лучше — С. Пташицкаго Сборникъ снимковъ съ слав.-русскихъ старопечатныхъ изданій, I, СПб., 1895, табл. V.

¹⁸⁴⁾ Владимировъ, Скорина, 77; И. С(негиревъ), Труды и лѣтописи Общ. Ист. и Др. Рос., VI, 1, М. 1830, 306 и сл. усматривал у портрета Скорины пражский гербъ. Ср. Шчакаціхін, ЧБД., 219; Зленко, Празькі видання, 18.

орнаментике букв!) гербы соответствующих стран и городов было в обычае старой поры, и обычай этот имеет свой культурно-исторический интерес. Однако, надлежит ли в связи со всеми этими фактами поставить Скорину в рамки истории еврейского книгопечатания и в последнем находить одно из объяснений приезда Скорины именно в Прагу? Нельзя забывать, что польские и литовско-русские евреи были в живом общении и со многими иными центрами еврейской жизни, в частности еврейской культурной жизни, и пользовались для своих надобностей изданиями различных еврейских типографий и средоточий, недаром в общем числе ввозимых в XVI веке в Польшу книг книги еврейские занимают первое место¹⁸⁵). При международной солидарности евреев, в старину чрезвычайно сильной и явственной, это явление было естественным и необходимым, — в другой связи нами будут показаны некоторые стороны общения между евреями русских областей и евреями чешскими. И если уже еврейский пример печатания книг в Праге мог иметь какое-либо значение для Скорины, то, думается, не столько своею связью с Польшей и Литвою, сколько лишним свидетельством о пражских технических и типографских средствах и возможностях.

Так из всех предположений о причинах избрания Скориною именно Чехии и Праги местом для выполнения своего большого издательского плана наиболее общими и доказательными остаются пока те, которые связывают ответ на этот важный вопрос с издательскими возможностями Праги и с избранием Скориною для себя чешского пособия. Последнее обстоятельство находится, можно думать, в тесной связи с тем чешским влиянием в польской литературе, в частности в литературе переводов Свящ. Писания на польский язык, влиянием, о котором было уже упомянуто выше. К тому же польская литература еще не знала тогда печатного издания Библии, издания Шв. Фиоля на церковно-славянском языке имели более церковно-практический характер и библейских книг, Библии в целом этот издатель не выпустил; в Чехии же уже был в этом деле достаточный опыт, — трижды до Скорины издана была полная Библия по чешски, совсем недавно вышло ее издание 1506 года, — замышляя издание Библии на живом славянском языке Скорина естественно мог — и в сущности не мог не заинтересоваться этою издательскою деятельностью чехов и связать осуществление своего большого и ответственного замысла с чешскою издательскою традицией. Это не устраняет вопроса, почему румынский или сербский, югославянский опыт его не заинтересовал, — однако, издания в Цетинье и Венеции не были представлены Библией, но лишь книгами церковно-богослужебного, церковно-практического назначения. Пражские издания Скорины были первым опытом

¹⁸⁵) Rybarski, Handel, 191; по указанию И. Каро в городской Львовской синагоге и ныне находится отпечатанный в Праге на пергаменте Махсор, который имеет на себе знаки повреждений, полученных во время погрома в 1632 г., (Geschichte der Juden, 1894, 167).

печатного воспроизведения кирилловского текста библейских книг ветхого Завета¹⁸⁶). Скорина мог избрать Прагу для издания русской Библии и в надежде получить здесь необходимые разъяснения со стороны опытных в этом отношении людей, недавно работавших над таким же начинанием, и в расчете воспользоваться теми техническими, книгопечатными средствами и возможностями, которые имела Прага при ее тесных и постоянных связях и в области печатного дела с немецкими центрами, с Нюрнбергом, с Венецией и т. д.

V. ВОПРОС О ГУСИТСКИХ ВЛИЯНИЯХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СКОРИНЫ.

Остается все же еще одна область, которая должна быть особо затронута здесь, а именно область так сказать идеологическая. Не было ли у Скорины при выборе Праги, Чехии, — каких либо побуждений религиозного, вероисповедного характера? Ответ на этот вопрос едва-ли возможен сколько-нибудь уверенный, ибо личные вероисповедные позиции Скорины им в его изданиях совсем не раскрыты и в литературе посему он считается и католиком, и православным, и протестантом! К тому же надлежит отличать личную принадлежность Скорины к той или иной конфессиональной среде от религиозной ориентации его издательской деятельности, — и будучи католиком или «протестантом» он мог обслуживать культурные интересы и отвечать духовным запросам православных русских, не приспособляя явственно текста своих изданий к своему собственному вероисповеданию. Нас не может здесь занимать поставленный вопрос во всей его сложности, — для нас важно из него выделить только то, что касается чешских отношений Скорины, т. е. его отношений к чешскому гуситству.

В связи с этим надо учитывать три основных момента: 1) издание Скориною библейских книг на русском, «народном» языке; 2) использование им чешской Библии 1506 года, Библии, изданной представителями «утраквизма»; 3) наличность протестантской репутации за изданиями Скорины. Нужно заметить, что в самом тексте Скорининых изданий не обнаружены пока какие-либо явные отголоски протестантского духа, текст его Библии в этом смысле признается или безусловно — православным, как утверждал, например, Владимирів¹⁸⁷) или же заключающим в себе (особенно в предисловиях издателя) элементы католического учения, как усматривает, например, Ловмянский¹⁸⁸), и не он первый. Аргументы сторонников тезиса о гуситстве или протестантизме Скорины бази-

¹⁸⁶) Четвероевангелие кириллицей было в начале XVI в. дважды издано — в Брашове (Трансильвания) около 1500 г. и в Терговиште (Валахия) в 1512 г. *Каратаевъ*, 24, 26, №№ 10 и 12.

¹⁸⁷) *Владиміровъ*, Скорина, 172.

¹⁸⁸) *Łowmiański, AW.*, III, 164 и след.

руются не на анализе текста его писаний и изданий, а на приведенных выше трех соображениях и фактах.

Впервые¹⁸⁹⁾ мысль о возможных связях Скорины с протестантизмом высказал в общей форме, насколько знаем, Копитар, но развил и попытался обосновать ее позднее Я. Ф. Головацкий, основывавшийся при этом на народном языке Скорининых изданий, выпущенных им якобы потому, что он по примеру протестантов в Германии и Чехии и др. «хотѣлъ прислужитись своимъ землякамъ библиею на русскомъ языкѣ», но, найдя «трудности у русскаго духовенства», напечатал ее в Праге. Называя Скорину «просвѣтителем — самозванцем», Головацкий сомневался, «чтобы православны и Русины съ довѣрчивостію приняли той переводъ», — осуществленный в том же духе, в каком работал и известный сочинитель Симеон Будный¹⁹⁰⁾. Эту мысль о протестантском умонаклонении Скорины приняли позднее Чистович¹⁹¹⁾ и Будилович. В академической рецензии на книгу Владимірова о Скорине этот последний обращает внимание на пребывание Скорины в Чехии — «въ средѣ, конечно, не православной, а скорѣе утравкистской, чешско-братской», и на пользование Скоринной чешской утравкистской Библией, «неполнѣ согласной ни съ Вульгатой, ни съ православнымъ каноническимъ текстомъ, а до нѣкоторой степени сектаторской»¹⁹²⁾. Иллюстрации к виленской Скориновой «Малой Подорожной Книжице» кажутся Будиловичу свидетельством о близости Скорины к католицизму, что не противоречит, по Будиловичу, тезису о протестантских уклонах Скорины, ибо чешский утравкизм носил характер промежуточный, был полукатолическим и наполовину протестантским, а кое в чем и православным (Чаша!)¹⁹³⁾. Самое обращение Скорины к передаче библейских текстов на народном языке Будилович считает ясным опровержением мысли «о туземномъ, западно-русскомъ зарожденіи Скоринина языка и заставляет (по Будиловичу) предполагать еще другіе его источники, скрывавшіеся въ вѣроисповѣдныхъ отношеніяхъ тогдашней Чехіи и въ сильномъ ея вліянніи въ погуситскую эпоху на сосѣднія славянскія земли, между прочимъ на Польшу, а черезъ нее и на западную Русь»¹⁹⁴⁾. Это сближение с гуситством принял М. Н. Сперанский¹⁹⁵⁾, недавно его повторил и покойный Ант. Н. Ясинский. В своей статье о Скорине он утверждает, что «як відаць по ўсім, Скарына быў і не католіком і не

¹⁸⁹⁾ См. *Пічэта*, *Scoriniana*, 292 и сл.

¹⁹⁰⁾ *Головацкій*, *Нѣсколько словъ*, 230—1, 228, 256.

¹⁹¹⁾ *Чистовичъ*, *Очеркъ*, I, 217—219, — Библия Скорины издана «не въ интересахъ православія».

¹⁹²⁾ *Васильевскій*, *Вильно*, 33, считал Библию 1506 г. католической. Это — недоразумение.

¹⁹³⁾ *Будиловичъ*, *Сочиненія Владимірова*, 31—32; ср. и *Пічэта*, *Scoriniana*, 309—311.

¹⁹⁴⁾ *Будиловичъ*, *op. cit.*, 33, ср. 28 — западно-славянская литература оказала безспорное вліяніе на зарожденіе идей Скорины.

¹⁹⁵⁾ *Сперанскій*, *Исторія др. литературы*, Моск. періодъ, 241; ср. *Петровъ Н. И.*, *Очерки изъ исторіи украинской литературы XVII вѣка*, Киевъ, 1911, 8—9, 11.

правослаўным, а гарэтыкам, нахільным да гусызму ці да яго адмены — чэскага брацтва, ці нават да лютеранства»¹⁹⁶). Отсутствие прямых заявлений о религиозной идеологии Скорины в его изданиях, предназначенных для его одноплеменников, названный автор считает одним из доказательств этой его «еретической» ориентации; равным образом избрание не Кракова, а Праги А. Ясинский склонен объяснять как тем, что в первом уже потерпел крушение со своим делом Фиоль, обвиненный в гуситских пристрастиях, так и тем, что — «у Чэхіі, у гэтай выслаўленай у XV сталяцьці гарэтычнай краіне, мог спакойна працаваць Скарына, у пэўнасьці, што праца яго ня будзе раптоўна перапынена з прычыны абвінавачаньня ў гэрасі»¹⁹⁷).

С наибольшей настойчивостью, прямолинейностью и решительностью этот тезис выставил, однако, еще ранее А. Ясинского известный русский исследователь прошлого славянской Библии И. Е. Евсеев, работа которого, однако, не остановила на себе внимания занимавшихся Скориной, в частности ее не отметил и В. И. Пичета в своей «Skoriniana». И. Евсеев считает, что «наряду с естественной уступкой славянского языка в библейских текстах в пользу народного или вѣрнѣе почитаемого за народный искусственно вырабатываемого западно-русского языка, происходило *насильственное вытѣсненіе* (курсивъ нашъ) его новыми западно-русскими библейскими переводами и переложеніями», — насильственное вытеснение, ибо — по Евсееву — «въ переводахъ народныхъ, западно-русскихъ, добровольное участіе западно-руссовъ можно видѣть только въ рѣдкихъ случаяхъ»¹⁹⁸). В связи с этой общей мыслью, ничем в тексте работы, однако, неподтверждаемой, И. Евсеев готов изобразить и Фр. Скорину жертвой сто роннего активного воздействия, орудием чужих замыслов и планов. Предпосылкою для такого допущения у Евсеева является признание, что в западно-русской православной среде в ту пору не было никакого религиозного подъема или движения и не было еще тех запросов, какие обнаружили несколько позднее, в пору деятельности кн. Острожского. А если дело обстояло так, то в деятельности Скорины, говорит И. Евсеев, «наблюдается что-то такое, что говорит^o о сторонней заинтересованности русскимъ православіемъ». Кто и менн имел эту заинтересованность — открывается в факте пользования Скориной Библией 1506 г. в издании чашников-утраквистов, — это «дает основание говорить, что именно этимъ искателямъ новыхъ путей въ церкви, посредствомъ Библии, слѣдуетъ приписать привлеченіе Франциска Ско-

¹⁹⁶) Ясинскі, ЧБД., 41, ср. Franko, K dějinám, 158. Ср. и Weingart, Dobrovského Institutiones, I, 51 — Скорина «byl bližší názorům českých bratří nežli pravoslavných.» — Dostál, Co daly, 132; Г. В. Флоровскій, Пути русскаго богословія, 1937, 33.

¹⁹⁷) Ibid., 42; ср. Ластоўскі, op. cit., «Крывіч» № 2(8), 1924, стр. 7, и его-же, Гісторыя и т. д., стр. 300, — в Прагѣ — полная религиозная свобода привлекала Скорину.

¹⁹⁸) Евсеевъ, Очерки, дек., 1349.

рины къ переводческой дѣятельности въ области библейскихъ текстовъ», — «духъ миссіонерской попечительности утраквистамъ былъ хорошо знакомъ». Предисловіе к Библии 1506 года действительно говорит, что издатели желали своим изданием, чтобы «Czechowee vžytek veliký zákona božyeho znajice: aby to dobré: netoliko w českém národie: ale wssudy ginde mohlo se rozssyrzowati». Учитывая это, И. Евсеев «почитаетъ возможнымъ», что «и крупное просвѣтительное предпріятіе, въ видѣ текста полной Библии на народномъ или близкомъ къ народному западно-русскимъ языкѣ», нужно «отнести *исключительно на счетъ энергии утраквистовъ*» (курсив наш). Подтверждение этому своему положению И. Евсеев находит в том, что, как он говорит — «историческое преданіе также говорить о томъ, что Фр. Скорина не былъ сторонникомъ и ревнителемъ православія». Так кн. А. М. Курбскій отрицательно отзывался о Библии «Скорины Полотскаго», как переведенной «съ препорченныхъ книгъ Жидовскихъ»; Курбскій — по его словам — видел у лютеран западно-русскихъ «Библии Люторовъ переводъ, согласующъ по всему Скори(ни)-нымъ Библиемъ»¹⁹⁹). Другое заявленіе подобнаго же рода имеется в тексте униатскаго полемическаго сочиненія — «Antelenchus» (Wilno, 1622), автор котораго Анастасій Селява писал, что до Унии 1595 г. «był Skoryna heresią Hussyta, który Vam (т. е. православным) księgi po rusku drukował w Pradze»²⁰⁰). «Чтобы современникъ Скорины или близкое къ нему поколѣніе высказалось о его православіи, этого мы, пишетъ И. Евсѣевъ, указать не можемъ»²⁰¹).

Такова аргументация тех исследователей, которые видят в Фр. Скорине представителя новых западно-европейскихъ веяній эпохи, представителя «протестантизма» в современном ему чешскомъ его выраженіи. Нам — и не только нам — кажется, что в этой аргументации есть немало преувеличеній и во всякомъ случае толкованій, которые не могут претендовать на признаніе их единственно возможными. Так обстоит дело с проникновениемъ народной речи в текст Священнаго Писанія. Сама по себе идея народнаго языка в Библии, как выяснено было выше, не есть идея насквозь и прямолинейно протестантская и «еретическая». Есть известная доля преувеличеній и в тезисе И. Евсеева о чешскомъ-утраквистскомъ замысле воздействовать на русское православіе через Библию на народномъ языке русскомъ. — Слова предисловія 1506 года не означают непременно нарочитыхъ миссіонерскихъ замысловъ издателей венецианской Библии, но могут быть и общимъ выраженіемъ желанія повсеместнаго распростране-

¹⁹⁹) Замечанія Курбскаго — «О Скориныхъ книгахъ», *Письма Курбскаго*, 1913, стб. 43—45, — впервые издано Пр. Соб., 1863, ч. 2, 569—571; см. и *Владиміровъ*, Скорина, 41 и пр. 2.

²⁰⁰) АЮЗР., ч. I, VIII, стр. 617; *Первоульфъ*, Славяне, II, 596 пр. 1.

²⁰¹) *Евсѣевъ*, Очерки, декабрь, 1361—1365; ср. *Чистовичъ*, Очеркъ, I, 218; ср. *Пічэта*, Беларускае Адраджэнне, 140 — прекращеніе издательства Скорины в Вильне готовъ объяснить недоверіемъ православною обывательства Вильны к Скорине из-за его гуманистическихъ уклоновъ.

ния знания «Закона Божія». К тому же Библия 1506 года не имела сколько-нибудь явственной печати «сектантскаго» учения, почему в самой Чехии она была использована последующими издателями Библии и из среды католиков и из среды чешских братьев²⁰²). А если чешские утравкисты уже в самом начале XVI века действительно могли думать о своей миссионерской роли и вне Чехии и свои издания предназначать и для распространения среди иных народов, то они могли иметь в виду в таком случае прежде и больше всего католическую Польшу и поляков²⁰³) и лишь в отдаленном смысле православных восточных славян. Именно такой смысл имеют, — по нашему мнению, — те общие заявления, которые не раз читаем в чешских Библиях XVI столетия. В Библии Павла Северина «z Karij Hory» 1529 года читаем, между прочим, такие строки: «A protož stařij a wěrnij Čzechowé netoliko doma mezi svými, ale mezi cizými národy statečné wijry a prawdy Božy hágili. gsúez včeni w Zákoné Paane. A magijcz zwłásstnij poznánij od Pána Boha prawdy zákona geho. a sstit wijry kterymž to sylné giné přemáhali». Слова предисловия 1506 г не означают непременно нарочитых миссионерских замыслов издателей, но могут быть и общим выражением желания повсеместного распространения знания «закона Божія». Такое пожелание приводится и в польской Библии Радзивилловской Библии 1563 г.²⁰⁴), его читаем позднее, например, в предисловии к «Бесѣдамъ на дѣянїя» 1624 г. Захарии Копыстенского, который предлагает свою книгу вниманию всех славян (интересен перечень, тут и «чехове, моравляне») ²⁰⁵). В особенности уместное в отношении книг Свящ. Писания, обращение издателей книг к широкой аудитории международной было обычным приемом у чешских издателей XVI в., — вниманию чехов и другихъ «народовъ, особенно съ чешскимъ языкомъ сходныхъ» предлагают свою Космографию 1554 г. Ян и Сигизмунд из Пухова, а Мелантрих при издании гербария Маттиоли (1562 г.) рассчитывает на пользу не только для чехов, но и для иных народов, «которые употребляютъ нашъ благородный и обширный языкъ славянскїй»²⁰⁶).

Да, конечно, дух миссионерства, стремление распространить идеи гуситства на польской и на русской почве не был чужд представителям общины чешских братьев. Их внимание на восток прямо и направляли представители немецкого протестантизма, в частности и сам Лютер²⁰⁷). В шестидесятых годах XVII века Я. А. Коменский высказывал убеждение о необходимости содействовать изданию польского перевода Библии в большом количестве экземпляров, надеясь, что через Польшу будут приобретены для протестантства и русские, казаки и «московиты»²⁰⁸). Однако,

²⁰²) Vraštil, ČSB., III, 336.

²⁰³) Ср. *Владимировъ*, Скорина, 61.

²⁰⁴) *Первоульфъ*, Слав. взаимность, 95.

²⁰⁵) *Титов*, Матеріяли, 102—103; *Огіенко*, Історія укр. друкарства, I, 278.

²⁰⁶) Ср. *Первоульфъ*, Слав. взаимность, 56, 256; *он-жсе*, ЧР., VІІ, 65.

²⁰⁷) Ср. *Первоульфъ*, Слав. взаимность, 62 и след.

²⁰⁸) *Kvačsala*, Kurzer Bericht, 19.

эта миссионерская активность чешских братьев, проявившаяся и в путешествии Яна Рокиты в Москву в 1570 году к Ивану Грозному²⁰⁹), еще не получила в ту эпоху, когда жил и работал в Праге доктор Скорина, сколько-нибудь определенного развития в восточно-европейском, собственно восточно-славянском смысле, открывшемся для членов общины чешских братьев главным образом после их водворения в Польшу после первого их изгнания из родной им Чехии (1548 и сл. гг.). К печатному же станку община обратилась уже после выхода венецианской Библии. после 1506 г., и свое первое издание Нового Завета (не целой Библии) по чешски выпустила только в 1518 году²¹⁰).

Все эти справки дают нам основание полагать, что видеть за Скориною каких-то чешских организаторов его переводов и изданий не в техническом, а и в идеологическом смысле нет никаких осязаемых оснований. Библия 1506 г. была последним большим славянским изданием Библии перед началом дела Скорины, обращение его к ней не требует непременно и вероисповедного согласия или сочувствия с его стороны ее издателем — «чашникамъ». Отзыв князя Курбского, примечательного и последовательного ревнителя и блюстителя традиций, конечно, очень интересен, но он едва ли может служить прямым доказательством связи Скорины с «Люторствомъ». Неодобрение Скорининых книг могло питаться у Курбского его отрицательным отношением к отступлению от изстаринного церковно-славянского текста Священного Писания²¹¹), в чем Курбский мог видеть проявление «жидовства», в его понятиях совпадающего с протестантством²¹²). Отзыв «Антеленхуса» своею определенностью говорит больше, но лежит ли в его основе действительная традиция? Или же на этом отзыве отразились последующие впечатления, когда и в польской и в русской среде стали проявляться действительно «еретические», «протестантские» тенденции в сторону передачи библейских текстов на языке живом и народном? Скорина мог быть включенным в этот круг литературных явлений²¹³) и попутно скомпрометирован в глазах православных обвинением его в гуситстве, выведенном из факта издания его книг

²⁰⁹) См. нашу книгу «Чехи и вост. славяне», I, 376—381.

²¹⁰) Ср. Vonka, R. J., Bratrský tisk. X. Ročenka čsl. knihtiskářů, Pr. 1927, 34 и сл. 62; он-же, ibid., XIX, 1936, 28 и сл.; Martiničik, R., Bible v českém knihtisku, Typografia, г. XXXV, Praha, 1928, 163—4. ČSB., III, 336; Hrejsa, Bible a český národ, 32.

²¹¹) Так толковал слова Курбского уже *Буслаевъ*, *Лекуин*, 134—135, полагавший все же, однако, что Скорина «предпринялъ» свое дело «въ видахъ, противныхъ православію».

²¹²) Ср. *Письма Курбскаго*, 10—11, — «священныя книги Моисеенскія и пророческія отъ Жидовскихъ книгъ разтлѣнны суща и въ преводахъ изпрепорченныхъ». Ср. *Перетцъ*, *Новые труды*, 25; *Грушевский*, *ИУЛ.*, V, 79—80, прим.; ср. толкование обозначения ереси «жидовствующихъ» Геннадием и Иосифом Волоцким в смысле не еврейском, а еретическом — Ojjančyn, *Aus dem Kulturleben*, 184, — но все же Скариня и др. имели к делу какое-то отношение!

²¹³) См. о них *Карский*, *Бѣлорусы*, III, 2, 32 и след.

в Праге чешской. К тому же издания литовско-русских протестантов в XVI веке восходили к Скорининовым книгам в техническом смысле, а частью и со стороны литературных приемов²¹⁴), и вместе с тем основывались на польских протестантских текстах²¹⁵). Селява прямо и ставил Скорину в общую линию с протест. изданиями, упоминая и о том, что »Symon Budny u Laurenty Krzyżkowský jad swój Arianski, po rusku drukowawszy, rozsiał między rorę« и констатируя при этом, что русские книги Скорины »przyjmowali wdzięcznie, dosyć na tym, że się zwał Rusinem z Polocka, jako się podpisał« и »smakowali sobie jego druki — człowiek godny mówili, a Rusin, brat nasz, to drukował«²¹⁶).

Для тезиса о протестантском умонаклонении Скорины в культурно-конфессиональном смысле мог бы кое-что сказать²¹⁷) весьма мало еще использованный в литературе²¹⁸) эпизод его деятельности в Кенигсберге в 1530 году и факт его близкого общения с таким покровителем лютеранства²¹⁹),

²¹⁴) *Владиміровъ*, Скорина, 202 и сл., — ср. особенно послесловие Несвижского Катехизиса 1562 года; *Каратаевъ*, 139.

²¹⁵) См. напр. *Огієнко*, Укр. мова, 56.

²¹⁶) *АЮЗР.*, I, VIII, ч. 1, 717.

²¹⁷) Ср. *Грушевський*, ІУЛ., V, 125.

²¹⁸) Биографы Скорины ограничиваются упоминанием его без какого-либо истолкования на более или менее широком фоне, — см. напр. *Піотуховіч*, 169—170; *Пічэта*, *Scoriniana*, 313—314; *Станкевіч*, Скарына і яго праца, 160—161; многие новейшие авторы просто еще не знают материалов Миловидова! (см. *Пічэта*, *Scoriniana*, 318, 319, 320).

²¹⁹) Едва не сто лет назад *Б. Копитар* отождествил Скорину с тем »Франциском Поляком«, который, по некоторым известиям, побывал в 1525 г. у Лютера и Меланхтона в Германии и не внушил первому никакого к себе доверия. Вслед за Копитаром (*Kopitar*, *Hesychii discipulus*, 33—4; ср. *Kopitars Briefwechsel mit Jakob Grimm*, изд. von M. Vasmer, Berlin, 1938, 129, 139) это указание стали повторять и другие авторы (см. напр. *Головацкій*, Нѣсколько словъ о Скоринѣ, 230; *Бѣлоруссь*, Судьбы русскаго языка, 150; *Slovník naučný*, red. Rieger, VIII, 493; *Zibrt*, Trojice, 12; ср. *Владиміровъ*, Скорина, XIII—XIV, XVII; *Пічэта*, *Scoriniana*, 292, 312, 316, 319, 323). Странно, что *Владиміровъ*, в своей книге отнесшийся скептически к этому сближению, в статье своей о Скорине в *Энци. Словоре Брокгауза—Эфрона*, XXX, 900, 228 говорит, что »въ Германіи ходили рассказы объ отношеніяхъ Скорины къ Лютеру«. (Ср. *Яремченко*, Скорина, 254). Скорина, как мы видели выше, в Кракове в 1504—1506 гг. назван »Litphanus«, в Падуе »Ruthenus«, почему бы в 1525 г. он назван был »Polonus«? К тому же наименование »Franciscus Polonus« может быть отнесено к действительному поляку, а не к Скорине, совпадение в имени совершенно ничего не говорит. (Ср. *Грушевський*, ІУЛ., V, 120 пр. 1; см. *он-же* З історії релігійної думки на Україні, Львів, 1925, 159). Однако, мнение о личной связи Скорины с Лютером не утратило сторонников, так недавно его повторил *J. Gołąbek*, *Literatura białoruska (Wielka literatura powszechna*, IV, Warszawa, 1933), 540, полагающий, что Скорина »poznal podobno Lutra i pod jego wpływem zabrał się do tłumaczenia Pisma Św. na język białoruski«. Подчеркнем, однако, что свидание Франциска Поляка с Лютером было в 1525 г., а Скорина начал издание своих переводов еще в 1517 году! Поразительно, что под влиянием идеи о связи Скорины с делом Лютера находился такой ученый, как *Ив. Франко*, который однажды утверждал, что Скорина при своих переводах Библии пользовался рядом с Вульгатой и немецким переводом Лютера (Відгуки грецької і латинської літератури в українськiм письменстві, Стара Україна, Львів, 1925, I—2, стр. 11), но Библия Лютера вышла в свет только в 1534 г.!!

каким был прусский герцог Альбрехт Гогенцоллерн²²⁰), — Скорина, по выражению Альбрехта, был тогда «in familiam postram aulicam acceptus»²²¹). Однако, к сожалению, об этом моменте жизни Скорины мы почти ничего не знаем²²²). В кенигсбергских актах отмечается только медицинская деятельность Скорины в Пруссии, но что стояло за нею и стояло-ли что-либо, остается неизвестным. Увод Скориной из Пруссии в Литву двоих людей — еврея доктора и типографа²²³) сам по себе еще ничего не разъясняет и не открывает нам, был ли и в Кенигсберге связан Скорина типографским делом²²⁴) и только ли его врачебная опытность привлекла к нему внимание герцога Альбрехта. А между тем этот вопрос сугубо интересен. Как известно, именно в год пребывания Скорины в Кенигсберге, там был издан по распоряжению герцога первый польский перевод малого Катехизиса Лютера, предназначенный для распространения в польской среде²²⁵). Но герцог Альбрехт не ограничился этим, в развитие его пропагаторских планов в его окружении в Пруссии были заготовлены и, может быть, и изданы переводы Люторова Катехизиса и на другие языки, — так возникло первое печатное произведение на литовском языке — в издании Мартина Мосвида²²⁶), но имеются сведения, что этот Катехизис Лютера был и «transfusus in linguam rutenicam». Этот перевод был изготовлен уже много позднее, — штетинский пастор Иоган Коглер переслал его в шестидесятых годах XVI века Павлу Эберу в Виттенберг для издания²²⁷). Не в связи ли с подобным замыслом был приглашен в Кенигсберг уже опытный тогда издатель русских книг доктор Скорина? На этот вопрос мы сейчас ответа не имеем, и поэтому преждевре-

²²⁰) См. о нем новейшую сводку St. Bodniaka, PSB., I, 1935, 48—52.

²²¹) *Миловидовъ*, Новые документы, 226.

²²²) Schwalewik (Zbiory Polskie, I, 267) указал, что в государственном Архиве в Кенигсберге среди писем к герцогу Альбрехту хранятся и «listy Fr. Skoriny», — однако дирекция Архива таких писем не обнаружила, указание Хвалевике, видимо, неправильно; ср. *Оляничан*, Пам'ятки, 102.

²²³) *Миловидовъ*, Новые документы, 221—226; *Піотуховіч*, Скарына, 169—170; в издании *Миловидова* допущена была ошибка — доктор и типограф не одно лицо, а два, как нам разъяснила дирекция Кенигсбергского Архива.

²²⁴) *Шчакаціхін*, Гравюры, 193—194 допускает, что названный типограф был иллюстратором пражской «Псалтыри» и виленской «Книжицы» Скорины.

²²⁵) Tschackert, Urkundenbuch, II, №№ 773, 863; Wotschke, Reformation, 93; Völker, Kirchengeschichte, 179, 138.

²²⁶) Wotschke, Reformation, 90.

²²⁷) Wotschke, Kogler, 91—92; ср. Sobieski, Der Kampf um die Ostsee, Leipzig, 1939, 101 и пр. 4. *Собеский*, кажется, ошибочно соединяет с этим указанием о русском переводе упоминаемое в одном из документов у Wotschke издание Катехизиса и др. книг «versos in Cyrillicam et slovenicam linguam graecis characteribus» (Wotschke, op. cit., 92 прим. 1), здесь имеются в виду, конечно, издания кириллицей Примуса Трубера (ср. *Каратаевъ*, 132 и след., №№ 49, 50, особ. 52, 61, 63). Библиографам экземпляры такого раннего (XVI в.) русского издания Катехизиса Лютера пока неизвестны, обычно считается первым русским его изданием стокогольмское 1628 г., Fechner, Chronik, I, 365 прим. 1.

менно было бы строить какие-либо гипотезы. Не безинтересно все же, что разрыв Скорины с герцогом Альбрехтом произошел как-то внезапно, ибо на протяжении двух только недель мая месяца 1530 года существенно изменился тон отзывов о нем в актах герцогской канцелярии! Правда, все они относятся к последним дням его пребывания у герцога Альбрехта и не проливают света на длительность этого общения с покровителем лютеранства. Но, кстати, что представляет собою тот «Катехизисъ Францѣшкова друку», который упоминается — рядом с двумя другими изданиями несомненно «Францѣшка Скорины» в реестре книг Львовского братства в 1601 году?²²⁸⁾

В общем итоге — протестантская, гуситская версия истолкования деятельности Скорины нам не представляется пока сколько-нибудь обоснованной²²⁹⁾. При отсутствии фактических данных эта версия могла бы превратиться в более или менее прочную только в случае обнаружения в тексте Скорининых изданий, в его личных заявлениях элементов гуситского или «протестантского» миропонимания или вероучения. До настоящего времени таких элементов у Скорины замечено не было, — «въ изда- нияхъ Скорины нѣтъ ни полемики, ни критическаго отношенія къ тексту Св. Писанія», «переводъ Скорины и его толкованія въ предисловіяхъ не имѣють никакого отношенія къ протестантскимъ переводамъ Св. Писанія»²³⁰⁾. Это заключение автора важнейшего исследования о Скорине П. В. Владимірова остается пока непровергнутым. К сожалению, до ныне не имеется работы, которая исследовала бы книги Скорины с широкой и углубленной богословской точки зрения, хотя необходимость подобного анализа и осознана была уже давно²³¹⁾.

²²⁸⁾ *Голубевъ*, Петръ Могила, I, приложенія, 169: «Книга на полдесту, зовомая *Катехизисъ*, Францѣшкова друку»; *Харламповичъ*, Западнорусскія школы, 307 и прим. 3. Ни одно из изданий XVI и первой половины XVII вв., выпущенных под именем «Катехизисъ» и зарегистрированных у *Каратаева* (см. стр. 88, 132, 133, 136, 228, 383, 397, 400, 520, 536, — №№ 21, 50, 52, 58, 111, 312 (1627), 323 (1628), 328 (1628), 599 (1646), 655). не имеет указаний, которые могли бы быть истолкованы, как издания какого-либо Франциска, в частности и Скорины, — составитель львовского каталога мог, конечно, в данном случае приписать «Франциску» и чужое или безымянное (напр. виленское 1585 г.) издание. Предположение *Бѣлорусса* (Судьбы русскаго языка, стр. 144) о принадлежности Скорине венецианскаго катехизиса 1527 г. ничем не подтверждается, к тому же ныне неизвестен ни один экземпляр этого издания! (*Каратаевъ*, 88—89, № 21; ср. *Пічэта*, *Skoriniana*, 289).

²²⁹⁾ Ср. *Пічэта*, *Skoriniana*, 327.

²³⁰⁾ *Владиміровъ*, Скорина, 41—43, 172; *Карскій*, III, 2, 24—25, 30; ср. *Грушевський* IУЛ., V, 124—125 — в изданиях Скорины «нема ніякого сліду ні гуситських тенденцій очищення церкви, ні реформаторських відгомонів», — это указание в устах *Грушевського* имеет особое значение, если припомнить, как настойчиво утверждал этот ученый свой «постулатъ» о определяющем влиянии гуситского движения в восточно-славянской среде! Ср. *Грушевський*, IУ-Р., VI, 427—8; ср. указание *Піотуховіча*, Скарына, 163 — на почитание Скориною святых, что говорит против его протестантизма.

²³¹⁾ Ср. напр. замечания А. С(*теповича*?) в рецензии на книгу *Владимірова*, *Вѣстникъ Славянства*, изд. В. Качановскаго, кн. I, 1888, Казань, 158—159. Недостаток

При всем том очень трудно допустить, чтобы Скорина, живший и действовавший в Чехии в течение нескольких лет, оставался совершенно в стороне от того умственного и духовного движения, которое разворачивалось в это время в Чехии и в частности в Праге, в Европе вообще. Несомненное общение Скорины с чешской средою разного, конечно, религиозного направления, едва ли могло не свести его и с представителями гуситских кругов, с подобоями, с членами общины чешских братьев, может быть с теми из них, кто мог быть ему полезен в установлении контакта с переводческими и издательскими кругами, недавно осуществившими в Венеции столь полезный для Скорины труд. Представлять себе пражский период жизни и деятельности Скорины протекавшим в полной его изоляции от живого бурления религиозной и культурной жизни Чехии и Европы было бы совершенно невозможно. Пока нет положительной возможности и представлять себе Фр. Скорину охваченным воздействиями от этого чешского движения мысли и духа в смысле конфессиональном. Но при том едва-ли можно сомневаться в том, что Скорина был сыном и живым отпрыском своей эпохи, в которой если еще и не были потрясены и исжиты старые традиционные формы миропонимания, то зато уже начали ясно проявлять себя новые веяния духовных интересов, культурных стремлений. Скорина и стоял на этом переломе мировоззрений и мироощущений, не оторвавшись еще совершенно от почвы старых традиций, но уже освободившись от былой конфессиональной исключительности и войдя в сферу идей гуманизма и приближающейся культурной реформации³²²).

Интересуясь здесь лишь чешскими связями Скорины, мы не можем останавливаться на вопросе, кто-же был он по своему вероисповеданию и всегда ли был он одной веры³²³). Сам по себе этот вопрос очень интересен

такого исследования не восполняют, конечно, такие опыты характеристики мировоззрения Скорины, как напр. очерк покойного *Т. Гриба*, *Šlacham Skaryny* (особ. стр. 6 и след.), где Скорина рассматривается на фоне гуманизма и реформации как яркий их представитель и предшественник Симона Будного, Тяпинского и др. Ср. подробнее — *Янчук*, *Нарысы*, 8—15. Ср. и редакционную статью в журнале «*Iskry Skaryny*» (1935, № 5, Praha, стр. 1—4) под заглавием — «*Adviečny šlach — heta jošě šlach Skaryny*», где Скорина является представителем реформации, его духовный путь есть «*bialaruskaje chryścijanstva, viodomoje ij historyi rad ahuľnaj nazvaju — reformacija*»; ср. и замечания в газете «*Bialaruskaja Krynica*», 1935, №№ 37 и 39, где поместил статью *Blizki, Bialoruskaja relihijnaja problema*.

³²²) Ср. *Пічэта*, *Scoriniana*, 316, 317; *Харэвіч*, *Скарына*; *Пічэта*, *Белорусская Адраджэньне*, 141; *Піотуховіч*, *Скарына*, 175—179; *Гарэцкі*, 65—69; *Грушевський*, *ІУЛ.*, V, 122, 129 («мандрівний гуманіст»); *Oljančyn*, *Aus dem Kulturleben*, I, 2, 188.

³²³) 1. *Православным* Скорину признают — кроме названных у *Пичеты* (*Scoriniana*, 293) *Вишневецкого*, *Викторова*, *А. Петрушевича*, *Владимірова*, *Н. Янчука*, *Карского*, также *А. Архангельскій*, *Очерки*, II, 89, 90, прим. 140; *Изъ лекцій*, 1913, 49; *Миловидовъ*, *Судьба русской книги*, 354—361; *Піотуховіч*, *Скарына*, 160 и сл.; *Грушевський*, *ІУЛ.*, V, 122, 125; *он-же*, *ІУ-Р.*, VI, 427—8; *он-же*, *Культурний рух*, 50—51; *Огієнко*, *Історія укр. друку*, I, 15; *Друкарська трійця*, № 12, 181; *Перельовъ*, *Славяне*.

и важен, но и решение его в сторону католичества Скорины (что нам кажется наиболее вероятным) или конфессионального его индифферентизма²³⁴) не может устранить того, что доктор Фр. Скорина был русский (белорусс) по происхождению, что он, человек новой, своей эпохи, нового культурного европейского духа, работал ради русского просвещения, для пользы русских и православных своих соотечественников²³⁵). В этом смысле его связи с Чехией и Прагой есть исключительной важности момент в истории русско-чешских взаимоотношений в области культуры, просвещения и письменности.

VI. ВТОРИЧНОЕ ПРЕБЫВАНИЕ ФР. СКОРИНЫ В ЧЕХИИ.

В 1519 году выпущены были в Праге Скориною десять книг Библейских. Трехлетней почти издательской работой его в Праге еще не был исчерпан весь состав Библии, в печати Скорина не дал еще ничего из Нового Завета и не напечатал ряда книг из Ветхого Завета, — книги Паралипоменон, Эздры, Маккавеи, пророки Исаия, Иезекииль и др. и т. д. им еще не были опубликованы. Трудно допустить, чтобы Скорина думал ограничиться выпущенным им — и по существу не могущим быть нарочитым — подбором книг и не намеревался — по первоначальному замыслу — дать «людемъ посполитымъ къ доброму научению» полный текст Священного Писания. На это намерение Скорины указывает хотя бы уже то общее заглавие «во всю Библию русскаго языка», которое он поместил при книге Бытия: «Бивлия руска выложена докторомъ Францискомъ Скориною . . .»²³⁶). За то, что Скорина предполагал охватить своим изданием полный набор библейских книг, говорит и содержание общего предисловия к Библии, где дается обзор всех книг Ветхого и Нового Заветов без какого-либо различия между ними, не раз упоминается «зуполная» Библия²³⁷). дается указание читателям, что они могут найти и в тех книгах, которых Скорине в действительности издать не удалось²³⁸). В рукописной традиции, как увидим ниже, имеются между тем следы Скоринина перевода и тех библейских книг, которые неизвестны в печатном виде²³⁹).

III, 596 пр. 1; *Щелкунов*, 294; *Купалов*, РБС., 600. Ср. *Станкевич*, Скарына і яго праца, 156 и сл. II. *Католиком* считают Скорину кроме названных у *Пичеты* (Scoriniana, 290—292) *Добровского*, *Линде*, *Новицкого*, *Бѣлорусса*, *митр. Макария*, и др. также *Васильевский*, Вильна, V, 33, *А. Степовичъ*, КСт., 1899, II, 517—518; *Малышевский*; *Западная Русь*, I, 162—3; *Łowmiański*, AW., III, 162 и след.; *Brückner*, *Dzieje kultury*, II, 357; *он-же*, *Skorina*, 19—20; *Талочка*, Да справы, 3.

²³⁴) Ср. *Станкевич*, Скарына, 24; *Нгув*, *Ślacham Skaryny*, 6; *Востоковъ*, *Опис. Рум.*, 20 — «иновѣрецъ».

²³⁵) Ср. *Огиенко*, *Укр. мова*, 57.

²³⁶) *Каратаевъ*, 28, 30, 35, 39 (№ 13).

²³⁷) *Каратаевъ*, 30, 31.

²³⁸) Ср. напр. об Иезекииле (*Каратаевъ*, 34), Маккавеех (ibid., 32, строка 1), Паралипоменоне (ibid., 32 стр. 4, 33), послания апостола Павла (ibid., 31) и т. д.

²³⁹) Но все ли изданное Скориной в Праге нам полностью известно? Ср. выше (стр. 206) указание на его «Катехизисъ».

После издания в 1517—1519 гг. названных выше двадцати трех (с Псалтырью) книг и не исчерпав даже одного Ветхого Завета, Фр. Скорина прерывает свою деятельность и возобновляет ее только в 1525 году в Вильне, где издает «Апостола»²⁴⁰), а затем «Малую подорожную книжицу», — вероятно в том же году (без даты)²⁴¹). К сожалению у нас нет никаких положительных данных для заключения о причинах и обстоятельствах перерыва издательского дела Скорины и прекращения его изданий в Праге. И в этом случае причин могло быть много и они могли быть различные — личные, и материальные, и какие-либо иные. Факт тот, что после 1519 г. Скорина на несколько лет исчезает с поля наблюдения и появляется вновь уже в Вильне. В 1525 г. здесь при содействии «почтивого мужа Якуба Бабица, найстаршего Бурмистра славнаго и великаго мѣста виленскаго», в доме которого Скорина имеет типографию²⁴²), выходит в свет Апостол и «Книжица», — и затем вновь издательская работа Скорины — на этот раз окончательно прекращается. От слѣдующих лет его жизни (1529) известны прежде всего судебные его дела в связи с имущественными отношениями²⁴³), далее переезд его в 1530 г. в Кенигсберг по приглашению герцога прусского Альбрехта, потом его служба в 1532 и след. годах в Вильне в качестве секретаря и надворного лекаря у виленского епископа и одновременно судебные споры в Познани по делу о претензиях к нему, как наследнику после смерти брата Ивана († 1529 г.), споры, приведшие (кажется, по ложному обвинению) доктора Фр. Скорину в познанскую тюрьму²⁴⁴), но закончившиеся после 10 недель заключения полной его реабилитацией²⁴⁵). Последним упоминанием о Скорине, обнаруженным в источниках, являлось до последнего времени упоминание его имени в судебном деле его брата от 1535 года²⁴⁶). Соответственно этой дате обычно устанавливалась дата смерти Скорины — скоро после 1535 года.

В настоящее время есть, однако, возможность продолжить биографию Фр. Скорины и после этого года, хотя, может быть, всего на несколько лет. При этом чрезвычайно интересно, что в эти годы Скорина вновь

²⁴⁰) *Каратаевъ*, 56—59, № 18.

²⁴¹) *Каратаевъ*, 59—67, № 19; *Владимировъ*, Скорина, 199; *Піотуховіч*, Скарына, 170 — в связи с материалами А. *Милюшилова* о связях Скорины в 1530 г. с Кенигсбергом — готов издание «Книжицы» отнести к 1530 г.; так думает и *Шчакаціхін*, *Граюры*, 193—194.

²⁴²) *Каратаевъ*, 58.

²⁴³) *Владимировъ*, Скорина, 47, 66—67.

²⁴⁴) Сведения о фактах 1532 г. недавно опубликовала по материалам познанского городского архива *Marja Wojciechowska*, *KwH.*, XL, 1926, 473—474 (рецензия на книгу *Абрамовича*); *Brückner*, *Skorina*, 19—20.

²⁴⁵) См. королевские грамоты 21 и 25 ноября 1532 г., *Круповичъ*, *Собрание*, 35—37, №№ XXIX и XXX (последний № с ошибочной датой); *Wierzbowski*, MS, IV, 2, стр. 431, №№ 16615 и 16622. Актом 25. XI. 1532 Фр. Скорина изымается из обычной подсудности и подчиняется прямой юрисдикции короля.

²⁴⁶) *Владимировъ*, Скорина, 67, 323—324.

может быть связан с Прагой, с Чехией, — для нашего изложения это обстоятельство особенно важно, хотя бы оно, как увидим ниже, и не открывало возможностей по-новому объяснить пражский эпизод издательской деятельности Скорины.

Предварительно, однако, остановимся еще на одном известии, которое, повидимому, нужно истолковать в связи с именем и делом Скорины. Это известие находится в тексте инструкции польского короля Сигизмунда Августа послу в Рим от 1552, повидимому, года. Король отмечает здесь явную враждебность московской среды и князя московского в частности римской церкви и как одно из проявлений этой ненависти называет сожжение в Москве русских печатных книг, изданных в Польше. Факт этот отнесен ко времени правления короля Сигизмунда I, т. е. к периоду времени от 1506 до 1548 гг. По рассказу указанной выше инструкции — издатель этих книг, один из подданных короля Сигизмунда I, лично ездил в Москву, но потерпел там полную неудачу, — книги были публично преданы огню²⁴⁷). О ком может идти речь в данном случае?

К истории печатания книг в самой Москве это указания отношения не имеет, ибо — при самых смелых допущениях о нем нельзя вести речи ранее пятидесятих годов XVI в., да и то пока только в смысле постановки вопроса о собственном московском издании печатных книг²⁴⁸). К этому же времени, т. е. к началу пятидесятих годов относятся и указания на попытку иностранной инициативы в деле насаждения в Москве славянского книгопечатания, имеем в виду посылку в Москву из Дании Ганса Миссенгейма Букбиндера в 1552 году²⁴⁹). Еще к концу сороковых годов (1547 г.) относится поручение Шлитте нанять в Европе для Москвы типографа²⁵⁰), но поручение это, как известно, не было исполнено. Таким образом факт, упомянутый в акте короля Сигизмунда-Августа, не связан с развернувшимся в Москве при Иване Грозном движением по вопросу об организации собственного книгопечатания и не может быть истолкован и как отголосок одного из моментов в развитии этого движения²⁵¹).

²⁴⁷) Fiedler, Ein Versuch, 86 (110), ср. 30 (56); здесь читается: »cum diuo parente nostro regnante quidam de subditis ejus pio studio ductus Sacram Scripturam lingua Russica imprimi et in lucem aedi curasset, et ad Moschos venisset, publice eos libros jussu Principis concrematos esse, propterea quod a Romanae ecclesiae addicto, et in locis ejusdem auctoritati subjectis editi essent«. К Скорине относил эти строки *Первоульфъ, Славяне, II, 596—7*, прим. 1.

²⁴⁸) Ср. *Орлов*, К вопросу о начале печатания, 19 и сл., 25; *Новосадский*, Возникновение печатной книги, 28 и сл., 43.

²⁴⁹) Ср. *Новосадский*, op. cit., 32 и след.; Миссенгейм привез с собою в Москву Библию и две другие книги с предложением их издать в русском переводе. — Снегирев сто лет назад думал, что тут идет речь о чешской Библии, но для такого допущения нет никаких положительных данных, ср. *Fechner, Chronik, I, 20—23*, особ. 23 пр.

²⁵⁰) *Новосадский*, 33.

²⁵¹) Кстати сказать, этот факт как-то доньше и не вошел в круг внимания исследователей истории московского книгопечатания, — и сотрудники новейшей публикации об Иване Федорове его не знают и его совершенно не учитывают.

Мы полагаем, что этот факт может быть связан только с именем Скорины. Его издательская деятельность падает именно на время польского короля Сигизмунда I-го, и подданным его и был Скорина. Только Скорина, — а никто иной, до 1548 года издавал Священное писание »lingua russica«, на русском языке²⁵²). Что в Москве изданные за-границей книги могли встретить тогда сопротивление и осуждение, не приходится отрицать, имея в виду судьбу печатного дела Ивана Федорова в шестидесятых годах XVI века, когда было насильственно прервано недоброжелателями начатое только-что большое издательское предприятие и затем, повидимому, пал жертвой фанатической вражды и самый печатный двор²⁵³). Правда, в этом случае не могло идти речи о разгроме »iussu principis«, ибо Федоров осуществлял, ведь, »государево дело« и опирался на поддержку Ивана Грозного²⁵⁴). Русские источники вообще ничего не знают о таком сожжении книг в первую половину XVI века. Но нас может занимать здесь особенно вопрос о поездке их издателя в Москву. Отвергать возможность поездки туда Скорины нельзя, — человек весьма подвижный и, видимо, активный, без труда передвигавшийся из Полоцка в Краков и в Падую, из Праги в Вильну, из Вильны в Кенигсберг или Познань, он мог заинтересоваться и Москвой как в связи со своими торговыми интересами, проявлявшимися в познанском эпизоде 1532 г., так и в связи с интересами распространения своих изданий как пражских, так и виленских. Как бы ни были велики у Скорины идейные интересы в его планах и замыслах, момент предпринимательства и коммерческого расчета не мог не играть известную роль в книгоиздательском деле его и его сотрудников и компаньонов. В связи с этим нужно вспомнить то, что говорилось выше (стр. 191—3) об издателе пражских книг Скорины Богдане Онкове (Онкевиче), — это был одновременно и участник русского издательства в Праге Чешской и литовско-русский финансист, кредитовавший князей Можайских и Шемяичей, перешедших от Литвы к Москве. У нас нет никаких положительных оснований утверждать, что поездка Богдана Онкова в Москву была связана и с книгопродавческими его интересами, но трудно допустить, чтобы финансист, вложивший известный капитал в книги, не использовал каждое обстоятельство для реализации своего

²⁵²) Видный сотрудник Ив. Федорова, Петр Мстиславец был из г. Мстиславля, принадлежавшего в то время к польско-литовскому государству, но даты никаких не позволяют иметь его в виду.

²⁵³) См. рассказ самого Ив. Федорова в послесловии к львовскому Апостолу 1574 г.; *Каратаевъ*, 182; см. и *Флетчер*, О государствѣ русскомъ, изд. Суворина, 1905, 96 (*Середонинъ*, Сочинение Флетчера, СПб., 1891, 296—297); ср. новейшие работы о Федорове — *Бендасюкъ*, Общерусскій первопечатникъ Иванъ Федоровъ, 11—13; *Новосадский*, Возникновение печатной книги, 56—61; ср. сомнение о сожжении московской типографии — *Берков*, Несколько замечаний, 105—107.

²⁵⁴) Ср. *Новосадский*, Возникновение печатной книги, 58, — Иван IV позднее содействовал кн. Острожскому при издании Федоровым Библии 1580—81 г. посылкой чписка Геннадиевой Библии.

капитала, — Московская Русь могла предоставлять, конечно, для сбыта печатных книг вполне благоприятные возможности. И Скорину интересы и чисто идейные и собственно книготорговые могли одинаково толкать в сторону Москвы, как района, где могли бы найти распространение его издания. При самом издании кирилловских церковно-славянских книг русского извода и Фиоль, и Скорина, и другие начинатели не могли не учитывать возможного спроса и со стороны Москвы, хотя бы основным рынком назначения этих изданий и были, прежде всего, русские, украинские и белорусские, области Польши и Литвы. Если у протестанта Примуса Трубера этот расчет на Москву играл известную роль²⁵⁵), то тем более это естественно и вероятно для Скорины. С какою датою можно было бы связать эти сношения Скорины с Москвою, решить нелегко, но, думается, это могло иметь место скорее всего после 1525 года, т. е. после выпуска в свет виленского «Апостола», с точки зрения текста определенно стоящего на традиционной церковно-славянской почве. Спрос на эту книгу в восточно-славянской среде был значителен, недаром и Иван Федоров с сотрудниками сосредоточили свое внимание в Москве именно на издании «Апостола» (1564), да и потом — во Львове в 1573—1574 гг. Федоров повторил это же издание, идя, очевидно, на встречу совершенно определенным запросам и реальному спросу. Мы готовы были бы считать и поездку Богдана Онкова в Московскую Русь в 1526—1527 гг. связанной с этой попыткой Скорины наладить отношения с Москвою и московским книжным рынком, если бы, конечно, были прочные основания думать, что Богдан Онков был участником не только пражского издательства Скорины, но продолжал сотрудничество с последним и в виленский период его книжной деятельности.

Все изложенное имеет, конечно, характер предположений, вызываемых принятием на веру сообщения короля Сигизмунда-Августа, сообщения, представляющегося нам совершенно вероподобным²⁵⁶).

На более прочную почву вступаем мы, когда обращаемся к отмеченным выше данным о вторичном пребывании Фр. Скорины в Праге после 1535 года. Здесь отправной точкой является документальный источник, встреченный нами в одном из пражских архивов и содержащий прямое упоминание о докторе Скорине.

29 января 1552 г. из чешской королевской канцелярии в Праге от имени короля Фердинанда был выдан некоему Симеону Русу открытый лист, дающий право получить имущество умершего его отца доктора

²⁵⁵) *Новосадский*, Возникновение печатной книги, 34.

²⁵⁶) Француз André Thévet в 1584 г. в своих заметках о Московии упоминает о сожжении в Москве шрифтов, привезенных туда из Польши каким-то русским купцом («marchand russe») и использованных для издания книг (Thévet, Cosmographie, 165-6). Это известие относится обычно к 60-ым гг. XVI в. (ср. *Новосадский*, Возникновение печатной книги, 60; *Некрасов*, Русская гравюра (сб. Иван Федоров), 78), но не связано ли оно и с более ранним эпизодом?

Франтишка Руса »Skogŭn s Poloczko«, »королевского садовника«²⁵⁷). В другом месте мы опубликовали полностью этот документ и отсылаем читателя к нашей статье о нем²⁵⁸). Здесь остановимся только на фактической основе этого документа, поскольку он проясняет один из этапов жизни Фр. Скорины.

Прежде всего нужно установить, к какому времени нужно отнести те факты, которые упоминаются в этом открытом листе? Скорина называется в нем уже покойным и самый акт касается судьбы наследства, оставшегося по нем, имущества, долговых обязательств по отношению к нему, *книг*, — последнее указание особенно любопытно, поскольку оно относится к книгоиздателю. Можно ли из акта 1552 г. заключать, что Фр. Скорина умер непосредственно перед его составлением, т. е. за короткое время до 29 января 1552 года? Нам представляется, что такой вывод не вытекает из акта с полной необходимостью. Самый акт возник, как результат ходатайства сына Скорины Симеона Руса об утверждении за ним прав на наследование по покойном отце. Такое ходатайство могло быть подано Симеоном Русом в связи с достижением им правового совершеннолетия именно к началу 1552 года, хотя бы дата смерти его отца и была более ранней, но сама по себе не делавшей его правомочным на преемство наследства. Из русских актов известно, что Скорина был женат к 1529 году на Маргарите, вдове по виленском обитателе Юрии Одвернике. — в 1529 г. в актах говорится уже и об «ея дѣтяхъ»²⁵⁹). В кенигсберских документах 1530 г. упоминается о том, что в Вильне оставались «вопа сопіупх» Скорины и «liberi» его²⁶⁰). Нужно думать, что к числу детей Скорины от этого брака принадлежал и Симеон Рус, к началу 1552 года могший иметь уже 21—22 года, т. е. правовое совершеннолетие.

В связи с этими соображениями весьма соблазнительно признать тесно связанным с историей Скорины и его семьи одно сообщение, имеющееся на страницах брошюры В. Гайка о пражском пожаре 1541 г. Этот пожар, принявший огромные размеры и принесший неисчислимые разрушения в Граде Пражском и на Малой Стране, уничтоживший — в частности — государственный архив чешские (Земские доски), сопровождался и человеческими жертвами. Известный хронист чешский Вацлав Гайек из Либочан через несколько недель после грозного события издал подробное его описание. В данном им перечне лиц, которые »skrze ten wohen zahyni:u«, назван и »pacholátko Frantissek, syn niekdy Doktora Rusa«, сгоревший »w domu knieze Jana z Puchowa kazatele«²⁶¹). Кто был этот доктор

²⁵⁷) Archiv ministerstva vnitra, Kopiaře, sv. 51, л. 27в.

²⁵⁸) Ср. нашу статью в *СМ.*, 1936, 11—19.

²⁵⁹) *Владимировъ*, Скорина, 322, 97.

²⁶⁰) *Миловидовъ*, Новые материалы, 223, 225.

²⁶¹) Hájek, O nesstiašnie przhohodie; *Lumír*, 1852, II, 1098; *Beckovský. Poselkyně*

Рус, умерший уже перед 1541 годом? Если люди с прозвищем «Рус» могли не быть исключительной редкостью в Праге в первой половине XVI века, то иначе обстоит дело с «Русами», имевшими докторскую степень. В связи с этим соблазнительно догадываться, не был ли отцом погибшего младенца его тезка по имени доктор Франтишек Русь, т. е. тот самый доктор, о котором упоминает и акт 29 января 1552 года, дополняющий это указание еще словами »Skogyn s Poloska«? Если бы это отождествление можно было признать вполне правдоподобным, то нужно было бы признать, что Скорина кончил свою жизнь уже перед 1541 годом, возможность чего не исключает, как мы видели, и содержание акта 1552 года. В рассказе Гайка есть еще одна подробность, которая останавливает на себе внимание, особенно если считать погибшего Франтишка сыном Скорины, — владельцем того дома на Граде, где погиб »rachs-látko František«, был священник Ян из Пухова. Это лицо занимает заметное место в истории чешской культурной жизни середины XVI века. Ян из Пухова был в 1543—1554 годах администратором пражского архиепископа и состоял при соборе св. Вита; в 1552 г. он принял участие — по поручению короля Фердинанда в издании чешского перевода Космографии Себастиана Мюнстера и написал предисловие к этой книге, выпущенной в свет в 1554 году²⁶²).

Но как ни важен вопрос о датировке смерти Фр. Скорины и о его связи со сгоревшим в Граде Пражском младенцем, гораздо существеннее указание акта 1552 года на службу Скорины в Праге в должности королевского садовника. Акт 29 января называет его — »zahradník náš«. Вероподобно ли такое новое превращение Скорины, известного уже нам в роли и доктора медицины, и книгоиздателя, и домашнего секретаря при епископе, и соучастника коммерческих предприятий? И не другого ли какого-либо доктора Франциска Руса имеет в виду акт 1552 года? Эту возможность нужно решительно отвергнуть при прямом наименовании интересующего нас лица Скориною и из Полоцка. Да, Скорина мог быть и королевским садовником в Праге, — но, конечно, садовником не в смысле рядового рабочего в саду, для такой работы не нужно было привлекать человека с ученой степенью доктора, — Скорина мог быть садовником в более высоком смысле, в смысле садовода — ботаника. Несколько справок из истории ботаники сделают эту возможность совершенно несомнительной.

Во времена Скорины ботаника еще не развилась в самостоятельную научную дисциплину и привлекала внимание по преимуществу со стороны врачебного применения растений²⁶³), почему и входила в систему медицинского факультета. Скорина, как доктор медицины, был, очевидно, в известной мере специалистом и по ботанике. К тому же как раз *alba*

²⁶²) Ottův slovník naučný, XX, 1903, 471—2.

²⁶³) Němec, Botanika; он-же, Botanika v Čechach, 95; Maiwald, 1 и след., 55 и сл.; Gellner, 90 и след., 170.

mater Скорины, т. е. Падуанский Университет с его медицинским факультетом был в XVI веке одним из наиболее прославленных центров медицинско-ботанического образования. Недаром именно в Падуе был основан в 1533 году первый европейский ботанический сад²⁶⁴), о котором знали и русские книжники: в Падуе, читается в одном из русских хронографов, — «огородъ врачейъ или мѣдиковъ зело великій и округлый, уже процвѣтаетъ всякими различными врачевскими травами для учения молодыхъ людей въ наукѣ враческіи и для познанія прирочения травъ всякихъ»²⁶⁵). И нужно еще принять во внимание то существенное обстоятельство, что как раз польская ботаника XVI века была органически связана с Падуанской медицинской школой, большинство польских авторов ботанических трудов, выпущенных в свет в XVI веке, были докторами медицины и притом выучениками именно Падуи²⁶⁶). Учился медицине в Падуе и известный П. А. Маттисли, знаменитый гербарий которого, изданный в 1554 г. по латыни, получил такую громкую известность и в 1562 г. был издан Мелантрихом в чешской обработке Фадея Гайка из Гайка²⁶⁷). Это полностью объясняет возможность выступления Скорины, падуанского доктора медицины, в роли королевского садовника в Праге. И этот вывод не может, конечно, опровергнуть тот факт, что нам известно только о приобретении Скориной в Падуе докторского диплома, но ничего не известно о том, действительно ли в Падуе он прошел подготовительную к докторату медицинскую школу²⁶⁸).

История королевского сада в Праге начинается с 1534 года, когда король Фердинанд I Габсбург отдал распоряжение об устройстве сада при пражском граде по северной стороне «Оленьего рва» (Jelení příkop), где тогда же было приступлено и к постройке «Letohrádka» королевы Анны²⁶⁹). В истории этого сада доныне оставалась неотмеченной деятельность или служба при нем доктора Фр. Скорины. Первый королевский

²⁶⁴) *Егораў*, З., Подуанскі Унівэрсытэт у XV—XVI стагоддзях, ЧБД., 36; *Enciclopedia Italiana*, VII, 1930, 380, 566.

²⁶⁵) *Поповъ*, Изборникъ, 496 (текст XVII в.); ср. сочинения *Скибинскаго*, 72.

²⁶⁶) Ср. данные, которые привел Hryniewiecki, *Botanique en Pologne*, 107—109 с данными Lachs'a, *Alcune notizie*, 286—7, 300, 301, 308, 309; ср. и Rostafiński, *Dioscoride*, 334 и сл. Остановим внимание читателей и на факте издания в 1517 году в Нюрнберге чешской книги «Книha lékařská kteráž slowe Herbarz: aneb Zelinarz», ее автор — литомышльский лекарь Jan Černý (Niger), а выпустил ее в свет известный книгоиздатель и тоже лекарь Mikuláš Klauďian из Младой Болеславы (ср. о них Jirěček, *Rukověť I*, 140—142, 346—348; Truhlář, *Ottův slovník naučný*, VI, 634—5 и XIV, 320); новейшая обстоятельная работа о них — Gellnera, см. особ. стр. 88—110, 135.

²⁶⁷) Ср. Maiwald, 20 и сл.

²⁶⁸) Ср. замечания *Піотуховіча*, Скарына, 165 и след.

²⁶⁹) Svátek, *Královská zahrada*, 126 и след.; ср. A. Mihulka, *Královský letohrádek. Ročenka Kruhu pro pěstování dějin umění za rok 1934 (XVIII)*, 1935, 73 и сл. — Подробности об основании сада см. особ. J. Morávek, *Z počátku královské zahrady v Praze. „Umění“* Zd. Wirthovi, Praha, 1938, 228—234; ср. Mihulka, *Královský letohrádek, zvaný Belvedere na hradě pražském*, Praha, 1939, 5—6.

садовник — по имени тезка Скорины — Франциско²⁷⁰) был итальянец по происхождению и носил звание мистра, магистра, не доктора. Позднее — уже в 1539 г. в Прагу был приглашен для заведывания королевским садом голландский ботаник доктор Гуго Велиус (или Венниус), но он в том же году уехал из Праги домой²⁷¹). Королевский садовник Франциско продолжал и потом служить при саде²⁷²). Действовал ли Скорина одновременно с ним или же сменил его на посту королевского садовника, остается неизвестным, но совершенно ясно, что Скорина мог получить эту службу только после устройства на Градчанах королевского сада, т. е. после 1534 года. Более старый пражский сад, а именно так называемая «*Andělská zahrada*», основанная еще в XIV в. и занимавшая площадь между нынешними улицами Бредовской и Вацлавской площадью²⁷³), принадлежала частным владельцам и не находилась в ведении королевского двора²⁷⁴). Слова же грамоты 1552 г. — «*zahrádník náš*» в устах короля Фердинанда не могут быть отнесены к служившему при его предшественниках, но могут иметь в виду только служащего его собственного двора. Очевидно, Скорина действительно сотрудничал в деле организации королевского сада, о котором уже в 1554 г. в чешской редакции Космографии Мюнстера читаются такие слова: «*při Paláci kralovském gest zahrada veliká a rozkossná w níž e rozličně sstěpij owotce a byliny usslechtilé demácý a z giných dalekých zemij welní pořadně rozsazeně spatřuge*»²⁷⁵).

Все изложенные нами факты и соображения могут быть сведены к выводу, что Фр. Скорина служил при королевском дворе в Праге после 1534 года. Последнее известное донныне упоминание о нем в Вильне относится к 1535 году. Возможно, что именно после 1535 года он переселился в знакомую ему ранее Прагу, где и состоял на службе при королевском саду вплоть до своей смерти. Что могло привлечь Скорину снова в чешскую столицу и как долго жил и работал он здесь, нам остается пока неизвестным, но в Праге он нашел применение своим силам как ботаник-садовод, как специалист по одной из тех отраслей природо-ведения, которая органически входила в круг наук, изучавшихся на медицинском факультете Падуанского Университета.

Акт 29 января 1552 года не дает никаких разъяснений для истории книгоиздательской деятельности Скорины в Чехии в 1517—1519 годах. Только тот факт, что в составе его имущества после смерти входили и книги, как будто содержит в себе какой-то отклик того, что доктор Фр. Скорина и в годы своего вторичного пребывания в Праге оставался как-

²⁷⁰) См. Svátek, op. cit., 131 и сл.

²⁷¹) Svátek, op. cit., 134; Winter, Remeslnictví, 575—6.

²⁷²) Svátek, op. cit. 134; ср. Maiwald, 51.

²⁷³) Svátek, op. cit., 290—291; Maiwald, 42—43.

²⁷⁴) Ср. A. Birnbaumová, Pražské zahrady. Kniha o Praze (Pražský Almanach), II, Praha, 1931, 65—84.

²⁷⁵) Kozmograffia Česká, л. CCCCLXIIa.

то связанным с книжным делом, с которым так неразрывно связал он свое имя в первый период жизни в Праге, в 1517—1519 годах! И вместе с тем не открывают ли указания акта 1552 г. возможность предполагать, что и в эти годы (1517—1519) Скорина мог находиться в Праге не только на положении частного книгоиздателя и редактора, но и на положении служащего при королевском дворе, в ту пору связанного с польско-литовской королевской династией Ягеллонов?

Эти факты и предположения подсказывают еще в одном направлении искать разъяснение истории Скорины, именно в области персональных связей чешской среды со средою польско-литовскою, в данном случае с родным для Скорины городом Полоцком и полоцким краем. Мы не имеем возможности входить в подробности по этому интересному в культурно-историческом смысле вопросу, но не можем не привести здесь нескольких фактов.

Первый случай чешских связей с Полоцком, который мы должны здесь отметить, будет в одном из последующих наших очерков поставлен в общую историческую рамку, здесь мы оговорим только одну его сторону. В 1501 году в Полоцке, принадлежащем тогда Литве, находился большой отряд воинов под начальством чеха «Сугна», — великий князь литовский готов был тогда дать этот пятитысячный отряд в помощь ливонскому магистру, намеревавшемуся выступить против Пскова²⁷⁶). Этот «*capitaneus*» Сугна был, видимо, тождествен тому лицу, которое и в 1502 г. действовало в Полоцке и называется в актах «*Czignu*» или «*Czegnu*»²⁷⁷). Отряд этого Чернина (вариант — Черченика!) стоял в Полоцке и позднее (еще и в 1504 г.) и силами его был построен острог у города²⁷⁸). Это пребывание чешских наемных воинов и их предводителя в Полоцке могло способствовать известному общению между чешскою средою и Чехией с одной стороны, и обывателями Полоцка (как и иных городов литовских) с другой. Мы не думаем, что именно в этом факте надлежит искать объяснений истории Скорины²⁷⁹), она развернулась в иной плоскости отношений и интересов, но все же перед нами два факта, имеющих между собою известную внешнюю и может быть внутреннюю связь: чехи служат на литовской почве в Полоцке, полочанин Скорина живет в Чехии, где король — из той же династии и семьи, что господствует и в Литве.

Другой факт из области полоцко-чешских связей еще более подходит к случаю со Скориной, — мы имеем в виду жизнь и деятельность в Чехии нескольких земляков нашего издателя-полочанина, правда, уже несколько позднее, во второй половине XVI в. Это был прежде всего «*slu-*

²⁷⁶) *АОЗР.*, I. 273, № 199.

²⁷⁷) *Acta Alexandra*, 125, № 95 и 165, № 113.

²⁷⁸) *Беларускі Архіў*, II, 192, 194; эти сведения свел *Даўгяла, Polociae moenia*, 216—217, 218 прим. 1.

²⁷⁹) Ср. *Даўгяла, Polociae moenia*, 218 прим. 2.

žebník IMti rapě», жены Иоахима из Градца, владельца нынешнего Индржихова Градца (1531—1565), русский из Полоцка; о нем мы знаем, что в 1563 году он ездил в Вильну «v Litevsku», может быть, и по поручению своей хозяйки, которая носила — в ряду своих туалетов — и «sobolanské kuže».²⁸⁰) А как известно западно-европейский, в частности, конечно, и чешский и моравский спрос на меха удовлетворялся в те времена (в XV—XVI вв., как и позднее) именно русскими, московскими и литовско-русскими мехами, в частности и Полоцк играл известную роль в доставке на Запад (через Познань) восточно-европейских мехов²⁸¹). Связи Индржихова Градце с Полоцком не ограничивались, однако, этим фактом. Некий русский из Полоцка состоял в рядах служебного персонала в Градце и в восьмидесятих годах XVI в., в 1586 г. он закончил здесь свое «обучение придворной службе» и уехал к своему отцу в Польшу²⁸²). Это был, повидимому, один из служебных шляхтичей при дворе индржихово-градцевских владетелей, таких шляхтичей бывало тут немало из разных стран, в том числе и из Польши²⁸³). Но тогда же служил в Индржихове Градце и в роли садовника некий русский из Полоцка, именуемый Симон Роусек или Рус, который в 1584 г. был уже пожилым человеком, получившим увольнение от службы и пенсион в Добре Воде у Каплице²⁸⁴). Этот садовник Симон останавливает на себе наше внимание еще и потому, что имя Симона имел сын Фр. Скорины, «королевского садовника» 1535 и сл. гг., не был ли этот И. — градецкий Симон сыном нашего Скорины? Рядом с этим последним указанием интересно сопоставить другое, относящееся к тому же времени, но к области Крумлова, к владениям Розенбергов: там тогда занимался медицинской практикой (может быть и без звания доктора медицины) некий «Polák Simeon, rjijmenim Rus, z Polcska»²⁸⁵).

Эти справки, не исключая и последних, не могут иметь решающего значения для восстановления биографии Скорины в наиболее для нас темный, первый чешский и пражский период его жизни, но все же они вводят и нашего доктора Франциска Скорину из Полоцка в рамки истории известных активных чешских связей с этим отдаленным севернорусским городом и уничтожают впечатление полной случайности и исключительности такого явления, как жизнь и работа в Праге одного из представителей полоцкой, белорусской среды.

²⁸⁰) Terplý, Dějiny Jindř. Hradce, I, 2, 317; ср. II 1, 14 — «komornik Rus» у Иоахима из Градца.

²⁸¹) *Пичета*, Полацкая земля, 86; Rybarski, Handel, II, 240, 245—5; Koszy. Handel, 80.

²⁸²) Terplý, Dějiny J. Hradce, II, 3, 70; ср. II. 1. 14 — «pachole z Polocka» у пана Адама из Градца.

²⁸³) Ibid., II, 370.

²⁸⁴) Terplý, Dějiny J. Hradce, II, 1, 354.

²⁸⁵) Březan, V. z Rosenberka, 227, 1577 год.

VII. ВЛИЯНИЕ ИЗДАНИЙ СКОРИНЫ В XVI—XVII ВВ.

С некоторыми оговорками историю переводческой деятельности доктора Франциска Скорины можно продолжить и вне рамок его издательства. В русской рукописной традиции имеется некоторое число библейских текстов, восходящих по характеру и языку к тому же, как кажется, переводу, что дан в изданиях Скорины, но его печатными книгами не покрываемых, — в рукописной традиции, иначе говоря, сохранились в Скоринином переводе некоторые из библейских книг, Скоринию ненапечатанные. Это очень интересное и важное обстоятельство устанавливается на основании анализа некоторых рукописных сборников по преимуществу южно-русского, даже галицо-русского письма. Интереснее и главнее всего в этом смысле рукопись, переписанная «Дмитромъ изъ Зѣнкова (Подольской губ.) писарчикомъ» в 1575-76 годах, сохранившаяся в библиотеке Свято-Онуфриевского монастыря во Львове²⁸⁶), и ее продолжение в списке, сделанном «въ неславнѣмъ градѣ Маначинѣ» и сохранившемся в собрании М. П. Погодина в Публичной Библиотеке в Петербурге. Эти рукописи содержат русский перевод всех книг Ветхого Завета. Текст тех книг, которые были изданы Скоринной в Праге, здесь совпадает с печатным Скорининым, равно как повторены в рукописи его предисловия к библейским книгам. Неизданные Скоринной книги, как две книги Паралипоменон, книги Эздры, Товия, первая книга Маккавеев (неполная в рукописи) — имеют много общего со Скориниными в приемах перевода из чешской Библии 1506 года, как констатирует Владиміров²⁸⁷). Что касается пророческих книг, то их текст имеется как в рукописи Дмитра из Зенкова, так и в одной рукописи XVI в. Виленской Публичной Библиотеки (№ 47 (48)²⁸⁸). При наличии ряда отступлений в тексте некоторых из книг по этим рукописям от Скоринина печатного текста, все же и эти тексты почитаются восходящими хотя бы в своей основе к Скорине²⁸⁹). Весьма важно, что при предисловии к пророку Исаии в виленской рукописи помечено «предсловіе Исаіа про(ро)чества с' чешской Библии написано»²⁹⁰). Это относится и ко всем другим предисловиям к пророкам в рукописи, — они все переведены из чешской Библии 1506 года²⁹¹). Равным образом и текст пророков по рукописям этим связан с чешским переводом, — книги Исаии, Иеремии, Иезекииля в погодинской рукописи «представляютъ непосредственный переводъ съ чешскаго», П. В. Влади-

²⁸⁶) Описана *Головацким*, Нѣсколько словъ, 235—236.

²⁸⁷) *Владиміровъ*, Скорина, 224, 225; *он-же*, Обзоръ, 27; *Карскій*, Бѣлорусы, III, 2, 29.

²⁸⁸) *Добрянскій*, Описаніе, 58—59.

²⁸⁹) Возражает *Ластоўскі*, Гісторыя, 398.

²⁹⁰) *Добрянскій*, Описаніе, 58; *Владиміровъ*, Скорина, 228; *Карскій*, Бѣлорусы, III, 2, 29; *Ластоўскі*, Гісторыя, 307; *Грушевський*, ИУЛ., V, 119.

²⁹¹) *Владиміровъ*, *op. cit.*, 229.

міров считает их более всего близкими по редакции текста к редакционной работе Скорины²⁹²).

Эти факты приводят к заключению, что рукописная традиция сохранила, повидимому, явные следы и таких работ Скорины по редактированию библейских книг, которые не увидели света, т. е. не были им напечатаны или не сохранились в печатном виде. Это заключение находит себе соответствие в тех указаниях на издательские планы, которые Скорина высказал в нескольких местах своих книг. Так в предисловии к виленскому «Апостолу» Скорина в объяснение плана этого своего издания говорит: «главыже яко и во всех книгахъ Библии, ветхаго, и Новаго закона, мною на руськи языкъ выложеныхъ»²⁹³). Здесь Скорина явственно утверждает, что им был осуществлен опыт перевода Библии едва не в полном объеме, во всяком случае еще до выхода в свет данного издания «Апостола» им сделан был перевод и книг Нового Завета, причем ссылка в печатном Апостоле на эту работу как будто даже предполагает ее напечатание! А на изготовление (в печати пока неизвестного) перевода пророчества Иеремии Скорина прямо указывает в своих пражских изданиях, делая ссылки на свое предисловие к этой книге²⁹⁴).

Имеется еще в одном рукописном сборнике первой половины XVI века (Библиотека Красинских в Варшаве²⁹⁵) текст книги Товита, который исследовавший ее Карский считает восходящим к чешской Библии 1506 года и по особенностям перевода очень напоминающим «приемы Скорины въ тѣхъ случаяхъ, когда у него подъ руками не было церковно-славянского перевода известной книги». По заключению Карского переводчик, давший образец замечательно чистого западно-русского наречия, не везде рабски следовал своему чешскому оригиналу и имел под руками, может быть, и некоторые церковно-славянские материалы. Не имея возможности обследовать текст книги Товит, мы приведем здесь пример из него, напечатанный Карским²⁹⁶), сопоставив его с текстом 1506 г. (гл. II.).

...Пригодилосѣ единогодне . иже-товниѣ погребаль тѣла мертвых иоутроудалсѣ вельми . а пришед къ домоу подле стены верже себе ѿпочиноути . иоусноуль . автом оуснутии . ланна сии рѣч калъ ластовица²⁹⁷) горку ему зъгниѣзда въ

«...Tehdy przyhodilo se, že geden den Tobiass vstaw od pochowáwanije přissěl domuow . položyw se podlé stieny vsnul. A z hnijezda . když on spal wypadla layna horká wlasstowiczye . w oczý geho . a woslep gest. A toto zkussenije proto nań dopustil

²⁹²) *Владиміровъ*, Скорина, 230, 233; *Карскій*, Бѣлорусы, III, 2, 29.

²⁹³) *Сопиковъ*, I, 6; *Каратаевъ*, 58; *Владиміровъ*, *op. cit.*, 184—185.

²⁹⁴) *Владиміровъ*, Скорина, 113—114, 122. *Тиховскій* полагал, что во всех подобных заявлениях Скорины нельзя видеть прямого указания на перевод им всей Библии, — но доклад об этом названного автора остался неизданным.

²⁹⁵) Ныне № 82 (3701), лл. 77—91, — Pułaski, Opis 815 rękopisów, стр. 77.

²⁹⁶) *Карскій*, О языкѣ лѣтѣписей. 15; *он-же* Бѣлорусы, III, 2, 29—30; ср. *Піотухович*, Скарына, 171 прим.; *Ластоўскі*, Гісторыя, 307, 398; *Грушевскій*, *ИЗТ.*, V 118.

²⁹⁷) Так и «Физиологъ», *Карнѣевъ* 337, V III.

вчи оупустила . такъже паки оу-
сноуль . и оубото покушеніе на него
богъ препоустилъ про то што был
боудѣщим данъ быть приклад его
трѣпеливости . яко исвятого ишва.
оубо егдаж святой ишвъ ѿ своего
детинства Богася боише . а при-
казаніе . его полнаше . . .

buoh . aby potomnijm lidem dán
byl příklad trpělivosti geho jako
y swatého Joba. Nebo acžkoli yhned
od své mladosti vždy se pána boha
bál . a příkázanije geho zachová-
val . . .»

Рядом с этими фактами представляет немалый интерес и то обстоятельство, что пражская Псалтырь Скорины, не имеющая — в отличие от других библейских книг в его издании — надписаний содержания отдельных псалмов, послужила основой — со стороны своего текста — для последующих западно-русских списков и печатных изданий Псалтыри XVI в., причем эти последние присоединили к тексту надписания, представляющие собою перевод из чешской Библии 1506 года²⁹⁸). Были ли эти чешские тексты переведены уже при использовании готового печатного издания Псалтыри Скорины или же сам Скорина выпустил при своей работе уже готовые переводы надписаний, которые все же перешли из его черновой работы в руки последующих переписчиков?²⁹⁹) Чешская Библия 1506 г. была, конечно, легко доступна не одному только доктору Фр. Скорине и ее использовать могли и наверное использовали и иные русские книжники³⁰⁰). В частности, например «повеленіемъ же и пильностию хоудого челоуѣка на имя Лоуки въ не славнѣмъ же градѣ Терънополи» в 1569 году были переписаны некоторые библейские книги из изданий пражских Скорины, а может быть некоторые и более ранние переводы; но редактор этого списка знал, повидимому, и непосредственно чешскую Библию, — не даром он оговаривает несколько раз значение некоторых слов и понятий по чешски: «по ческы жалътарь, по ческы присловѣ, по ческому языку учительныа» и т. д.³⁰¹).

Очень интересно, что в рукописи некоторых библейских книг, имеющих в печатном издании Скорины, текст имеет отличия от последнего,

²⁹⁸) *Владиміровъ*, Скорина, 99, 208—209; *он-же*, Обзоръ, 25; особенно близок к чешскому текст надписаний в Псалтыри 1543 г.; (*Владиміровъ*, *op. cit.*, 19, № 11; *Карскій*, Псалтыри, 24—25, 86, 92; *он-же*, Бѣлорусы, III, 2, 29; *Ластоўскі*, Гісторыя, 334—5; Ср. Описание некоторыхъ южно-русскихъ и западно-русскихъ рукописей, находящихся въ рукописномъ собраніи Е. В. Барсова, Чтенія, 1884/II, 1—13).

²⁹⁹) Ср. случай, когда предисловие Скорины из печатной его Псалтыри переписано в рукопись, где Псалтырь дана не в его тексте, а в более раннем переводе с еврейского. *Владиміровъ*, Скорина, 241; *Добрянскій*, Описание, 441; *Карскій*, Бѣлорусы, III, 2, 27; впрочем *Владимиров* позднее высказывался в смысле непосредственного восхождения этого перевода к Скорине, а не к еврейск. Библии (Научное изучение, 62 и сл.).

³⁰⁰) Ср. *Карскій*, Бѣлорусы, III, 2, 29; *Грушевскій*, ИУЛ., V, 116—117.

³⁰¹) *Владиміровъ*, Начало, 31—32; *Карскій*, Псалтыри, 25—26; *он-же*, Бѣлорусы, III, 2, 29; *Первоульѣ*, Славяне, II, 227—228; *Тиховскій*, 337; *Pułaski*, *Opis 815* gękorisow, стр. 121, № 142 (381).

но при этом приближается более к чтению, представленному чешской Библией 1506 года³⁰²). Вот пример, взятый из книги Юдифь (I. 1):

Рукопись	Библия 1506 г.	Скорина
»Арфаѣад црь мѣдскыи, подмануа ³⁰³) был многы народы под свое царствіе. А онъ поставилъ мѣсто велми крѣпкое«.	»Arfaxat král Medský podmanil byl mnohé národy pod své panstvíje. A on vstavil miesto velmi moczné«.	»Арѣфаѣат Царь Меднискни подбилъ былъ многы языки под' свою власть. И тои поставилъ градъ велми крепкии«.

Этот пример, конечно, не единственный (ср. вежѣ в рукописи, Скорина — столпы, чешск. — *wieže*; *бруны*³⁰⁴) рук., Скорина — врата, чешск. *brány*), может быть приближает нас к самой лаборатории Скорины, к приемам его переводческой работы, к обработке им первоначальных набросков перевода и изложения, получавшихся порою после чистки и выправки непосредственно к чешскому тексту примыкавшей редакции.

Естественно возникает, конечно, вопрос, — не было ли подготовлено к изданию Скориной и Евангелие? До сравнительно недавнего времени держалось мнение, что к такому неизвестному никому в натуре Скорининскому Евангельскому тексту восходило известное Пересопницкое Евангелие 1556—1561 гг.³⁰⁵). Это заключение, построенное на отрывках из этого Евангелия, попавших в свое время в печать, не имеет под собою прочных оснований.

Приведенные справки о рукописных текстах библейских книг дают известное основание говорить о том, что Фр. Скорина осуществил в свое время перевод большего круга книг Ветхого Завета, нежели успел и смог издать в печатном виде. Приготовленные им к изданию, но не выпущенные в свет тексты стали, однако, достоянием рукописной передачи и сохранения, подобно тому как и печатные книги Скорины переписывались и размножались и старым испытанным рукописным путем³⁰⁶). Так библейские книги в русской редакции и издании Скорины, осуществленные в тесной зависимости от чешского перевода в издании 1506 года, становились — и печатно и рукописно — широко доступными русскому читателю в разных концах восточно-славянского расселения, в частности и в Москве.

³⁰²) *Владиміровъ*, Скорина, 224—228.

³⁰³) К.А., 92.

³⁰⁴) К.А., 11.

³⁰⁵) *Максимовичъ*, М. А., Книжная старина южнорусская, *Временникъ*, I, 1849, 1—2; *Головацкій*, Нѣсколько словъ, 233; *Владиміровъ*, Скорина, 235, 237.

³⁰⁶) См. о списках печатных книг Скорины — *Востоковъ*, *Опис. Рум.*, 20—21 (ю.-рус. XVII в.); *Владиміровъ*, Скорина, 219—221; *он-жис*, *Обзоръ*, 26, 29, 30; *Карскій*, *Бѣлорусы*, III, 2, 28; *Возняк*, *ЮЛ.*, II, 10 и сл.; *Грушевський*, *ЮЛ.*, V, 128-9; *Добрянскій*, *Описание*, 441 и сл., № 262 (10), XVII в.; *Свенцицький*, *Опис рукописів*, 118—122, № 44 (74) (кон. XVI в.); *Яворскій*, *Библейскія сказанія*, 7; *Щеглова*, *Отчетъ экскурсії семинара Перетца за 1910 г.*, Киевъ, 1911, 118—119, ср. и 125; *Калайдовичъ Строевъ*, *Обстоят. описание*, 30 и сл. (1, 62), 238 (II, 51), 267 (XVI в.).

Говорим — в разных концах русского расселения, ибо рядом с западной и южною Русью переводы и издания Скорины были известны и северо-восточной Руси, и не только известны, но и были используемы при обработке библейских текстов. — Так в северо-русском списке полной Геннадиевской Библии (1499 г.), относящемся к XVI веку (до 1570 года) и хранящемся в Московской Синодальной Библиотеке (№ 3), имеется перевод почти всех предисловий Скорины (кроме плача Иеремии и Даниила) с рядом любопытных для московского книжника изменений³⁰⁷). Этот факт, имевший место вскоре после выхода в свет изданий Скорины, может сильно ослабить недавнее утверждение П. Зленка, что «на Московщині книги Скорины не мали поширення, бо були заборонені за явно помітний на них вплив католицько-протестантського Заходу»³⁰⁸). Путь в Москву изданиям Скорины могли закрывать или заграждать и его «западничество»³⁰⁹), и, конечно, в известной степени: язык его изложения, требовавший в Москве нового перевода на местный книжный язык или восстановления чистоты церковно-славянского текста. Однако, и в Московской Руси читали и почитали книги Скорины.

Известность изданий Скорины в русских областях Польши и Литовского государства может быть иллюстрируема кроме фактов их переписки еще и тем, что совсем нередки упоминания о Скорине в справках о библиотеках местных учреждений и обывателей³¹⁰). Так в завещании виленского священника Матвея от 1552 года упоминается «выбойная книга Царства», т. е. печатная книга Царств, конечно, пражского издания Скорины³¹¹). Это самое раннее из известных нам упоминаний об известности пражских книг Скорины в русских пределах. Позднее в библиотеке Львовского ставропигиального братства в 1601 году имелось «книга на десту, зовомая Библия, докторомъ Францѣшкомъ», а равно его же «книга о Премудрости Соломона»³¹²). В библиотеке Супрасльского монастыря по описи 1645 года имелось несколько библейских книг в издании Скорины — в частности и «книга Нова великого Скорининого друку»³¹³), — можно

³⁰⁷) *Горскій-Невоструевъ*, I, стр. 2—3, 163; *Владиміровъ*, Скорина, 242—243.

³⁰⁸) *Зленко*, Празькі видання Скорины, 12; автор ссылается на книгу *Шелкунова*, Искусство книгопечатания, I изд., М. 1923, 166, — ср. 2-ое изд., 296, — но этот автор совершенно не в курсе всего материала по истории Скорины и его книг. Ср. *Новосадский*, Возникновение печатной книги, 39.

³⁰⁹) См. выше известие о сожжении книг в Москве.

³¹⁰) Ср. *Владиміровъ*, Скорина, 17. Выше уже отмечена ссылка кн. Курбского на Библию Скорины. С нею стоит сопоставить ссылки в Креховском Апостоле др. пол. XVI в. (*Огіенко*, Укр. мова I, 173; II, 117) и упоминание о пражском издании 1517 г. русского перевода (с латинского!) книги Иисуса, сына Сирахова, в тексте западно-русского Хронографа начала второй половины XVI века, *ПСРЛ.*, XXII, 2, стр. 34, — ср. об этом *Шахматовъ*, Къ вопросу, 10, 17.

³¹¹) *Арх. Сб.*, VI, 13.

³¹²) *Голубевъ*, Петръ Могила, I, приложенія, стр. 169 ср. и в 1619 г., АЮЗР. I 12, и *Крипякевич*, Українська книга, 1937, VII—VIII, 159.

³¹³) *Археогр. Сборникъ*, IX, 204.

думать, что эти книги были в монастыре уже и в XVI веке²¹⁴). В завещании берестейского мещанина Гурина Федоровича от 1624 г. отписывается разным лицам «Апостоль, Псалтырь [очев. Пражская] друку Скоринина» и еще «Апостоль» его же издания²¹⁵). В имуществе виленского бургомистра С. Лебедича в 1649 г. указан «Apostol Skoriny in 8, groszy IC» (оценка)²¹⁶): в описи имущества попа Ивана Рябки в 1604 г. указана «псалтыр Скоринина друку»²¹⁷). И далее — в имуществе гетмана Ив. Самойловича в 1690 г. отмечается «книга первых Царствъ, переведена на русской языкъ докторомъ Францискомъ Скорининымъ сыномъ зъ града Полоцка»²¹⁸). И это при том, что «влиив католицько-протестантського Заходу» был неприемлем и многим в южной и западной Руси. Но совершенно такие же упоминания об изданиях Скорины имеются и в описаниях библиотек Северо-восточной Руси, Руси Московской. Известный польский писатель Симон Старовольский в своем опыте истории польской литературы, изданном в 1625 и в 1627 гг., замечает, что он видел в Москве пражские издания Скорины, — «in Moschoviâ», говорит он после упоминания о Яне Глоговском и его участии в издании славянских книг (вероятно Феоля), *similiter illustravit libros doctore Francisco Skorina Polocense interprete, Pragaе excussos*²¹⁹). Далее мы знаем, что в библиотеке Спасо — Ефимьевского монастыря в Суздале в 1650 году была «литовской печати» Библия Скорины, — эту Библию — на самом деле пражской печати 1517 и сл. гг. видел в монастыре еще в 1881 г. И. А. Шляпкин²²⁰). В 1675 г. в Воскресенском монастыре в Москве имелась книга Царств в издании Скорины, взятая в Патриаршую ризную казну²²¹). Имелись книги Скорины и в иных местах Московской Руси²²²). Конечно, со старых времен сохранился в Тотемском уезде тот изветшавший уже экземпляр пражских книг библейских Скорины, который в 1902 уже году встретил там Вс. И. Срезневский²²³). В 80-ых годах XVII века в Москве несомненно держал в своих руках некоторые пражские книги Скорины и составитель интересного «Оглав-

²¹⁴) Ср. *ibidem*, 53 и сл.

²¹⁵) *AB.*, VI, 243.

²¹⁶) *AB.*, IX, 483.

²¹⁷) *AB.*, XXXIII, 164.

²¹⁸) *РИБ.*, VIII, стб. 1073.

²¹⁹) Starovolscius S., *Scriptorum polonicorum 'Eratóvite; sen centum illustrium Poloniae scriptorum elogia et vitae*, Francofurtae 1625; Veneciis, 1627; цитовано у *Добровского*, *Slovanka*, I, 155—156; ср. *Korrespondence Dobrovskéhoho*, I, письма к Дуриху, 330—331, 346; Brückner, *Dzieje Kultury*, II, 534; *Бѣлорусса*, *Русскій Вѣстникъ*, 1868. г. 77, 142; *Владиміровъ*, Скорина, 54 и пр. 1.

²²⁰) *Шляпкинъ*, Св. Дмитрій, 121, 131.

²²¹) *Чтенія* 1846, V, М. 1847, 12, № 361 — «Книга Царствъ, переведена съ нѣмецкаго языка, печатная бѣлорусская, Фр. Скорины»; *Шляпкинъ*, Св. Дмитрій, 124.

²²²) Экземпляр пражских изданий в Моск. Главн. Архиве Мин. Иностр. Дел — по указанию *Сопикова* (Р, 12) был в 1655 году в Гродне взят неким Гладковым во время похода в Литву.

²²³) *Срезневскій*, *Отчетъ о поѣздкѣ*, 65—68.

нія книгъ, кто ихъ сложилъ»³²⁴). И если уже в последние годы царствования Петра Великого (1723) Андрей Денисов в своих знаменитых «Поморскихъ Отвѣтахъ» ссылался при речи об имени «Исусъ» и на авторитет Скоринина «Исуса Сирахова», изданного в Праге в 1517 году³²⁵) (как ссылался и на Феоля³²⁶), то трудно сомневаться, что не впервые именно тогда северно-русские старообрядцы познакомились с книгами Скорины, их они могли знать и много раньше.

Да, правда, на Москве «литовские» книги, т. е. не московской печати, одно время, особенно при патриархе Филарете, не пользовались одобрением и покровительством, даже были гонимы³²⁷), но это положение не было длительным и эти книги уже с конца тридцатых годов XVII века стали вновь свободно обращаться в Москве, их тут продавали, подносили, читали³²⁸), они имелись во многих церквах³²⁹) и даже в келейной казне самого патриарха Филарета!³³⁰)

Этих данных достаточно для того, чтобы повторить, что пражское дело Скорины могло быть доступно русскому читателю в разных концах русского расселения, хотя остается при этом и несомненным, что наиболее звучные отголоски оно имело все же в южной и западной частях этого расселения³³¹).

³²⁴) *Ундольскій*, Сильвестръ Медвѣдевъ, приложение, стр. 7, № 25; см. и *Владиміровъ*, Скорина, 244. Автором этого первого русского библиографического труда считается Медвѣдевъ, но ср. о положении этого вопроса у *Козловскаго*, Сильвестръ Медвѣдевъ, Кіевъ, 18, 81—85 и у *А. Прозоровскаго*, Сильв. Медвѣдевъ, М. 1906, 393—415.

³²⁵) *Владиміровъ*, Скорина, 244; в доступной нам перепечатке «Отвѣтовъ» Мануиловскаго Никольскаго монастыря эта ссылка выпущена!

³²⁶) По вопросу о коленопреклонении на Троицкой вечерне и преосвященной литургии — «во псалтырѣхъ со вослѣдованіемъ краковскія печати, лѣта : «цѣ»», *Поморскіе Отвѣты*, отвѣтъ 50-ый, старья 15-ая. *Каратаевъ* (7—9), а за ним *Владиміровъ* (стр. 24) и др. видимо, ошибочно утверждают, что это издание Феоля известно только по упоминанию в «Пращице» архиеп. Питирима 1721 г. по вопросу с пении «аллилуя» (ср. *Чистовичъ*, Очеркъ, II, 212; *Пекарскій*, Наука, II, 510).

³²⁷) См. *Акты Моск. Государства*, I, 224—225 (1628 г.), 311 (1630), №№ 201, 279.

³²⁸) См. об этом у *Шляпкина*, Св. Димитрій, 118 и слѣд.; *Каптеревъ*, Никон и противники, Серг. Посадъ, 1913 г., 5 и след.; *Архангельскій*, Очерки, 134—137, прим. 195; *Оглоблинъ*, О гоненіи; *Чистовичъ*, Очеркъ, II, 349,

³²⁹) См. напр. опись Успенскаго Собора в Москвѣ нач. XVII в., РИБ., III, 340, 343, 475, 476, 523, 525, 546, 547, 549; «Писцовая книга» Кайсарова 1623/1624 гг. по великопермским вотчинам Строгановых также указывает «литовские» книги в церквах, — *Дмитріевъ*, Пермская Старина, IV, 112, 118, 120, 128, 137, 138, 147, 162, 166; Опись книг Иосифо-Волоцкамаго мон. 1573 г., Чтенія, 1847, VII, 2.

³³⁰) Сборникъ *Муханова*, 375 и сл., № 204; Опись келейной казны патр. Филарета 1630 г., РИБ., III, 900, 901—2, 903; *Архангельскій*, Очерки, 136—137, прим. 195.

³³¹) Ср. *Грушевскій*, ИУЛ., V, 128—129. Ср. суммарные и не аргументированные соображенія об отраженіи дела Скорины на моск. книгопечатаніи — *Ластоўскі*, Гісторыя, 303—304 или *Попов*, Библиологічні вісті, 1924, 25. Новейшіе изысканія об изданіях Ив. Федорова о влияніи на них Скорины не говорят (сборник «Иван Федоров первопечатник», особенно статьи *Новосадскаго*, *Некрасова* и *Беркова*; ср. сводку *Prostov, Origins*).

VIII. ЧЕШСКИЕ БИБЛЕЙСКИЕ ТЕКСТЫ, КАК ПОСОБИЕ ПРИ ОБРАБОТКЕ РУССКИХ БИБЛЕЙСКИХ ЧТЕНИЙ XVI—XVII ВВ.

Замечательное явление Скорины, на котором мы так долго задержали внимание читателя, не было одиноким в истории русской литературы и культуры. Его опыт использования чешского перевода Библии при осуществлении издания библейских книг для «посполитого доброго», для русской и восточно-славянской вообще среды имел немалочисленных продолжателей и подражателей. Можно сказать, что едва не все большие начинания в этой области в XVI—XVIII столетиях были в той или иной степени движением по пути, указанному Скориною, не говорим уже об опытах менее крупным, более ограниченных. И это относится как к южной и Западной Руси, так и к Руси Московской, даже к России Императорской.

Дело по распространению Священного Писания в восточно-славянской среде в после — скорининское время развивалось в двух основных направлениях, каждое из которых в той или иной степени могло находить себе опору и образец в книгах Скорины. Выше было указано, что Скорина в своих изданиях стоял — в основе — на почве старой церковно-славянской языковой традиции; но одновременно с этим Скорина ввел в свое изложение и весьма заметную долю «простой», не освященной церковным употреблением, живой народной речи своего родного белорусского края. Эти две языковые стихии преемниками дела и планов Скорины были применяемы раздельно. — рядом с изданием библейских книг на церковно-славянском языке, рядом с заботами о сохранении и утверждении в церковно-литературной практике и богослужебном обиходе этой основной традиции, в XVI и XVII вв. нарастает стремление обновить языковую сторону библейских книг путем их перевода на живую народную речь того края, который был родным тому или иному из организатором таких переводов.

Читатель настоящего очерка помнит, что мы отмечали возможность влияния чешского примера на возникновение стремления в восточно-славянской среде к составлению русских переводов книг Священного Писания. В связи с этим общим тезисом представляет особый интерес вопрос о том, не восходят ли именно к чешским библейским переводам и известные ныне и после — скорининские опыты русских (белорусских или малорусских) переводов тех или иных книг Священного Писания. По отношению к некоторым из таких опытов были в научной литературе попытки именно такого их истолкования в связи с чешской Библией. Это заставляет нас несколько остановиться на каждом из таких истолкований, хотя нельзя не прийти в результате — к выводу, что эти русские опыты не восходят к чешским оригиналам, но что они все стоят в тесной связи с польским литературным движением в области переводов Библии и ее отдельных частей. То, чего еще не мог иметь Скорина (хотя рукописными

польскими списками библейских книг он и мог пользоваться), то стало широко доступным его западно — и южно-русским продолжателям во второй половине XVI века, ибо с середины этого столетия стали появляться в печати польские переводы библейских книг в протестантских или и католическом изводах. При широком влиянии польской литературы и языка в восточно-славянской среде в это время пользование польскими переводами могло быть весьма натурально и очень сподручно. Эти польские пособия могли полностью удовлетворить потребность русских переводчиков в руководстве и образце³²²), почему чешские библейские тексты, сыгравшие такую большую роль в деле Скорины, теперь отходят на второй план и их влияние оказывается совершенно не определяющим.

А. Пересопницкое Евангелие 1556—1561 гг.

Одним из памятников, который в литературе нередко возводится к чешскому оригиналу, является так называемое Пересопницкое Евангелие 1556—1561 гг. Это Евангелие «есть прекладено изъ языка Българскаго на мовоу роускоую» частью (первая половина) в Троицком Дворецком монастыре князей Заславских (Луцкий повет на Воьльни), частью (от Луки и Иоанна) в Пересопнице Ровенского повета по заказу княгини Настасьи Юрьевны Гольшанской. Обозначение в рукописи оригинала перевода словом болгарский, т. е. церковно-славянский, не соответствует действительности, во всяком случае этот текст был не единственным постоянным пособием составителей перевода. В его языке давно остановило на себе внимание присутствие чешских элементов, слов и выражений, что первый серьезный исследователь Пересопницкой рукописи П. И. Житецкий склонен был объяснять влиянием польских образцов речи, польской литературы, находившейся в XV веке под непосредственным чешским воздействием³²³). Это мнение, предполагавшее внесение в язык Евангелия чешских элементов через посредство польской речи и письменности, было, однако, в научной литературе на долго заслонено другим, утверждавшим, что в основе пересопницкого текста лежит чешский перевод Евангелия. Эту мысль высказал в 1888 году хорошо нам знакомый П. В. Владиміров, полагавший вслед за Максимовичем и Головацким, что в Пересопницком Евангелии имеются следы перевода Скорины; пример, взятый из Евангелия от Луки, II, 1—3, а равно ряд более мелких словесных оборотов и слов, убедил Владимірова, что в чешском и церковно-славянском текстах можно найти «полное объяснение особенностей перевода Пересопницкой рукописи»³²⁴). Это заключение дало толчок А. С. Грузинскому пересмотреть более пристально взаимоотношения чешского Евангелия и этого

³²²) Именно польским текстом, не чешским, как думал Владиміровъ (Скорина, 238), пользовался Тяпинский (ср. Карский, Псалтырь, 15—18).

³²³) Житецкий, Пересопницкая рукопись, 223—224.

³²⁴) Владиміровъ, Скорина, 235—238; он-же, Обзоръ, 5, 25.

русского перевода, ставшего ему доступным непосредственно, — Владимир знал только извлечения, сообщенные автором первого научного описания и частичного издания рукописи П. И. Житецким³³⁵). Выводы Грузинского склонились к признанию того, что одним из основных пособий для редакторов Пересопницкого Евангелия был чешский Новый Завет в пражском издании 1545 года, что ряд особенностей текста «вытекает из чешского текста», и что в тех случаях, когда это Евангелие отступает от церковно-славянских традиционных чтений «удается найти объяснение в чешскомъ тексте Евангелія XVI в.»³³⁶). Иллюстрации для этого своего тезиса Грузинский привел из состава Евангелия от Марка³³⁷). Вот некоторые примеры его сопоставлений, уточненные и дополненные нами (1 — Пересопн., 2 — Чеш. 1545, 3 — Острожск.).

Евангелие от Марка

I, 18 гнет	hned	абіе
XV, 16 весь соборъ	swolali wszecku zběr	всю спиру
XV, 17 в шарлат	v ssarlat	впрепруду
XV, 19 оуклякалн ³³⁸) перед нимъ	klegagijcze na kolenau klaneli se gemu	прегибающе колѣна по- кланяху ему
XV, 21 тоуды шоль ми- мо нѣ	tudy mimo ně ssiel	мимо ходящу
XV, 26 и былъ напись вины его	a byl napis winny geho napsan	и бѣ написаніе вины его написано
XV, 39 испоустиль духа	pustil gest dussu	издше
XV, 43 смѣле ³³⁹)	směle	дръзнувъ
XVI, 2 ано южь слнце взышло	an giž slunce wzesslo	И зѣло заоутро

Эти сопоставления, действительно, кажутся убедительною иллюстрацией близкой связи пересопницкого текста с чешским евангельским переводом. Но для принятия такого утверждения³⁴⁰), надлежало бы предварительно убедиться в том, что именно только чешский текст имеет такие чтения и что никакой иной образец перевода Евангелия на славянский

³³⁵) *Житецкий*, О пересопницкой рукописи; *он-же*, Текст Евангелия Луки, тут образцы и из Евангелий Иоанна и Марка; *Грузинский* подготовил критическое издание всего Пер. Евангелия.

³³⁶) См. *Грузинский*, Отчетъ, 12 и сл.; *он-же*, Палеографическія замѣтки, VI, 326—333—334, 340.

³³⁷) *Грузинский*, Отчетъ, 12; Палеогр. Замѣтки, 333—334.

³³⁸) Ср. КА., 52.

³³⁹) КА., 119.

³⁴⁰) Оно усвоено рядом авторов, полагающих, что Перес. Ев. есть даже просто транскрипция чешск. текста. Так *Н. Петров*, Київська Академія. Зап. іст.-філолог. відділу Укр. Акад. Наук, I, 1919, 3; *С. Смаль-Стоцькій*, *Slavia*, I, 1922—23 476; Ср. *Первольфъ*, *Славяне*, III/2, 226; *он-же*, *Poláci a Rusini*, 816; *Будиловичъ*, *Общеславянскій языкъ*, II, 206; *Флоринскій*, *Лекції*, II, 46; *Грушевскій*, *ІУ-Р.*, VI, 430; *Возняк*, *Історія укр. літератури*, II, 11; *он-же*, *Старе письменство*, 216.

язык не мог обусловить подобное изложение в занимающем нас пересопнищком памятнике. В данном случае естественнее всего было бы произвести соответствующие справки в польских библейских переводах, имевшихся уже и в печатных изданиях ко времени редакторской работы над Евангелием 1556-61 гг. Новейшие исследования по этому вопросу польского ученого Я. Янова существенно меняют картину, — по его заключениям, подтвердившим общее впечатление Житецкого, главным пособием у составителей перевода 1556—1561 гг. был старый рукописный польский перевод Евангелия (наиболее близкий ему текст — в издании Секлюциана), а равно печатные польские издания 1551—1556 гг., — при их посредстве в текст могли попасть и чешские особенности³⁴¹); впрочем переводчик, по мнению Янова, несомненно пользовался и печатным чешским Евангелием, как пособием второй очереди, на этот источник могут указывать справки о содержании отдельных глав, чего нету в польских Библиях в такой форме, как в Пересопн. Евангелии и в чешских изданиях³⁴²). Какое именно чешское издание было в руках переводчиков, остается пока неясным, — утверждение Грузинского об Новом Завете 1545 года не встречает подтверждений в виду расхождения этого чешского текста с русским³⁴³).

Как бы в конечном итоге не разрешился вопрос об источниках Пересопнищкого Евангелия³⁴⁴), оно все же останется одною из ценных иллюстраций того, что при переводах Священного Писания русские книжники заглядывали и в соответственные чешские переводы, видя в них необходимое и полезное пособие даже тогда, когда основная работа переводчика и редактора строилась на базе не чешского, а польского или иного происхождения. Пересопнищкое Евангелие послужило оригиналом для другого рукописного Евангелия, выполненного в 1571 году на Волыни, — работавший над ним редактор и переписчик продолжили труд редакторов

³⁴¹) На польское издание 1556 г. указал как на одно из пособий Пересопн. ранее *Первольфъ*, Славяне, III, 2, 226; к сожалению, в Праге не имеется этого издания и мы лишены были возможности использовать его для нашего изложения.

³⁴²) Janów, Źródła, 480—482, 496, 498; ср. *он-же*, Przyczynek, 119—120; см. и *Огіенко*, Пересопнищка Евангелія, 13—14; *он-же*, Укр. мова, 478—479; ср. и замечания Висцкега, ZfS!Ph., IV, 1927, 470.

³⁴³) Ср. *Огіенко*, Пересопнищке Евангелія, 13.

³⁴⁴) Нашедший эту рукопись *О. Бодянский* обращал внимание на то, что «стиль рисунка Евангелистовъ очень похожъ на чешскій», — письмо Погодину 12. IV. 1838 г., *Письма къ Погодину*, I, 39. *Житецкий* (Текстъ, 56) готов был видеть здесь элементы византийского стиля. Но специальные исследования *Грузинского* (Пересопн. Евангеліе, 10 пр. 46, 16 и сл., 39) и *Павлуцкого* (Орнаментъ, 83—92) установили тут явные отзвуки общего влияния Ренессанса, в частности итальянского орнамента, и в этом смысле орнаментика Перес. рукописи восходит к той же основе, что о орнаментика издания Скорины, определяемая, напр., *А. Некрасовым* как типично — немецкий вариант форм эпохи итальянского Возрождения (Орнаментъ славянскихъ печатныхъ изданій XV—XVI вв., Древности, Труды слав. комисіи, V, 1911, протоколы, 53—54).

своего подлинника, приблизили язык текста еще более к народной малорусской речи. Исследовавший этот памятник И. И. Огіенко — без особой, правда, уверенности — усматривает в нем следы чешского воздействия, но оно, как и «інші впливи» пишет этот исследователь, «більш відбілися на формі Евангелія, ніж на самому перекладі, так по чеському впливові перед кожним Евангелистом дано короткий зміст його Евангелія, а перед кожною главою — зміст її, при чому цій останій береться в рямці»; чешскому образцу следует эта рукопись и в помещении пояснительных глосс, имеющих, правда, и в Пересопницкой рукописи³⁴⁵).

Из сказанного только что видно, что южно-русские переводы и списки Евангельских чтений, относящиеся к XVI веку, вернее ко второй его половине, имели известное отношение к чешским текстам Евангелия, хотя сколько-нибудь точного установления сущности и формы этого отношения специальное историко-литературное и филологическое исследование еще не дало, поскольку не закончено изучение основного в этой области текста, данного пересопницкой рукописью.

в) *Послание ап. Павла к Лаодикийцам в галицко-русской рукописи XVI в.*

Недавно был открыт в составе переводного с польского языка рукописного Апостола (вт. иол. XVI в.³⁴⁶) библиотеки Креховского монастыря в Галиции первый и пока единственный в кирилловской славянской письменности список апокрифического послания апостола Павла к Лаодикийцам³⁴⁷). В славянской литературе до сих пор известен был текст этого памятника только в чешском (с лат.) переводе или переводах, этот текст имеется уже в рукописной чешской Библии 1432—1435 гг.³⁴⁸), а затем и в ряде (но не всех!) печатных изданий чешской Библии XV и последующих столетий³⁴⁹). Кроме того хорошо известен издревле этот небольшой

³⁴⁵) Огіенко, Житомирська Евангелія, стр. 9, 11; но со. его же замечание в прим. 5 на стр. 13 в брошюре о Пересопницком Евангелии; см. также Огіенко, Укр. мова, 78 — здесь и об Евангелии Летковском 1595 г., восходящем к Пересопницкому и имеющему также глоссы.

³⁴⁶) Оригинал — польская, т. н. Радзивилловская Библия 1563 г., Огіенко, Укр. мова, 159 и сл.

³⁴⁷) Указание на этот текст см. еще Боцли, Стара Украина, VI, Львов, 1925, 110—111; Hališčynsky, 310. По Я. Янову (Przyczynek, 120 пр.) листы с Ласдик. посланием, вставленные в законченную ранее рукопись (Огіенко, op. cit., 200) и написанные иным, чем вся рукопись, почерком — не старше конца XVI в. — Этот памятник не надлежит, конечно, смешивать с переводным мистическим «лаодикийским посланием», принадлежащим к литературе жиждовствующих и нередко встречающимся в русских (моск.) списках.

³⁴⁸) Dobrovský, Geschichte, 222—223 (Spisy a projevy, VII, Praha, 1936, 324); Matějček, A., Bible Filipa z Padeřova, hejtmana Táboorského. Sbornik Žižkův. 1424—1924. uspořádal R. Urbánek, 151; Tobolka, Slovník.

³⁴⁹) Sýkora, Apokryfní knihy novozakonní, 289—290; он-же ČSB., I, 517 (s. v. Apo. kryfy); Tobolka, Knihopis, I, 32, № 26, 23—25, №№ 2, 3; Tobolka, Slovník, 16 (18), 42 51, 61, 65.

памятник в рукописной латинской традиции, а также в старинных английском (еще до середины XV в.) и немецком переводах, — последний был выполнен уже не позднее XIV в. и в печати известен задолго до Лютера, а далее — в альбигийском южнофранцузском тексте, на голландском языке, в рукописях XII века появляется и арабский перевод с латинского³⁵⁰). Греческий текст остается неизвестным, но может быть оригинал написан был на латинском языке — не позже конца II в., может быть кем-либо из учеников Маркиона, как думает А. Гарнак³⁵¹).

И. Огиенко высказал предположение, что русский перевод послания «міг повстати найскоріше з якогось тексту чеського», — однако сравнение с чешской Библией 1557 г. его убедило, что не это издание было использовано переводчиком³⁵²). Нужно сказать, что эта догадка о чешском оригинале вполне естественна в виду наличия в славянской письменности еще только чешского текста послания к Лаодикиянам, — а использование чешских пособий в XVI веке было и естественно и более или менее обычно. Мы попытались в печатных чешских Библиях XVI в. (просмотрены издания 1506, Северина 1529, 1537, 1557, 1577, 1613 гг.³⁵³), отыскать совпадающий с русским текст послания, но это не привело к сколько нибудь отчетливому подтверждению предположения И. Огиенки.

Нужно иметь в виду, что Послание ап. Павла к Лаодикиянам имеется в печати в двух чешских текстах, — разница между ними не чрезмерно велика, но все же имеется. Разница эта выражается и в составе текста, — так в изданиях 1529, 1537, 1545 (Нов. Завет), 1549, 1577, 1613 и др. гг. имеется особая вступительная заметка о канонической сомнительности послания, такой заметки нету, например, в издании венецианском 1506 г., — и в самом тексте. Русский текст не имеет этой вступительной заметки и в этом смысле приближается к Библии 1506 г. Но в целом ряде особенностей перевода этот русский текст решительно отходит и от Библии 1506 г. Более или менее близкими являются в сущности лишь первые два параграфа (в чешских изданиях деления на параграфы нету, в русском тексте их 15). Вот параллельный текст чешский и русский (титлы раскрыты).

1. Pawel Aposstol . ne od lidi; ani skrze čloweka: ale skrze (1506, в иных od) Gežysse Krista: bratržijm, kterij gsú v Laodyczij:

2. Milost wám a pokoju od Boha otce nasseho: a od pána Gežisse Krysta.

а. Павел посланыи не от людеи ани от челоуѣка але черезъ Исуса помазанца брата который суг в Лаодикій.

к. Ласка и покои нехай будет вам от Бога Отца и от пана Исуса помазанца.

³⁵⁰) См. справки R. Knopf-G. Krüger в издании E. Hennecke, Neutestamentliche Apokryphen, 2-e Aufl., Tübingen, 1924, 150; Harnack, Der Apokryphe Brief, 235 и сл.

³⁵¹) Harnack, op. cit., 239—245; но ср. W. Bauer, Die Religion in Geschichte und Gegenwart, III, Tübingen, 1929, 1488.

³⁵²) Огиенко, Українська мова, 203, 478 пр. 1; см. *он-же*, Крехівський Апостол, 191.

³⁵³) В Кралниковой Библии послания нету.

Но начиная с 3-ьяго стиха отступления разительные.

3. Dekugi (1506 — dijky čynijm) Bohu na každe modlitbie swé: že trwáte w niem: a stogijte w skutecych gehu (1506 dobrých),	г. дякую Богу моему убо всѣх молитвах моих же бы мощне утверждени зоставае в нем и во всѣх справах его.
4. cžekagijcze záslijbenij do dne soudného.	д. ожидаючи обѣтници его на ден суду.
5. Hled'tež at' wás neprzewrátije marné mluwenije niekterých kteryž (1506 gessto) mluwije: aby wás odwrátili odprawdy čtenije: (1506 и др. Ewangelium) které se kaže odemne.	е. и не давантеса зводити тым который порождне мовет а стараются жебы вас отвели от евангелій которую есми я вам оповедал.
9. Neb mnie žijwu býti gest żywot w Krystu, a umrzijeti zysk. A on w wás wčzynij miłosrdnstvije své, aby tež miłowánije mjeli abyste (1506 a) byli gednomyslnij.	Бо мают тую волю и радос у Христѣ умерети тую нехан вам через милосердые свое дает туюж милость абы есте тогож умыслу были.

Едва ли есть надобность продолжать сравнение, — чешские тексты существенно иначе редактированы, нежели русский, при некоторых близких оборотах большая часть Послания передана иначе. В русском тексте мы не нашли места, соответствующего чешским словам: »У wy cziňte bez rozpaczenije (to) cožkoli czynijte, a czož gest neylepssyho,« — ему надо находиться между 10 и 11 §-ми. Полагаем, что разъяснение происхождения русского перевода Послания к Лаодикиянам следует искать или в латинском или в немецком текстах или же возводить этот текст к возможному, но неизвестному ныне польскому оригиналу, — во всяком случае явных чехизмов в языке послания не имеется³⁵⁴).

с) *«Песнь песней» в украинском переводе XV века.*

В составе одного из рукописных сборников Московской Синодальной Библиотеки (№ 558'437, лл. 38 и сл.), разные части которого писаны различными почерками, имеется текст Песни Песней³⁵⁵), сквозь белорусско-малорусский его язык явственно проступают чешские элементы. Этот интересный памятник был в 1861 году полностью издан Костомаровым³⁵⁶), правда, весьма неудовлетворительно³⁵⁷), что крайне затрудняет серьезное исследование текста, в частности и со стороны его особенностей, могущих быть объясняемыми чешским языковым влиянием. К «Песни

³⁵⁴) Ср. В. Лев, рецензия на книгу *Огіенка*, ЗЧСВВ., IV, 1—2, 1932, 351—2.

³⁵⁵) *Горскій — Невоструевъ*, Описание, отд. II, 3, стр. 763—5.

³⁵⁶) *Костомаровъ*, Пѣснь пѣсней, 49—64.

³⁵⁷) Ср. замечания *Владимірова*, Скорина, 238, прим. 1, — на стр. 340—2 здесь напечатаны точно по рукописи первая и вторая главы Пѣсни пѣсней: см. и *Соболевскій*, Матеріалы, 202—203.

песней» в этом списке присоединены перед текстом и более длинные после текста особые рассуждения о любви.

Чехизмы в языке памятника бросаются в глаза при первом же внимательном его прочтении, но, кажется, еще никто не подверг язык памятника законченному и полному филологическому анализу³⁵⁸). Не беря на себя такой работы, требующей подготовки специалиста-филолога, мы ограничимся приведением лишь некоторого числа примеров для иллюстрации действительно заметного чешского элемента в языке и тексте занимающего нас памятника.

Чешский элемент этот может быть усмотрен и в словаре и в грамматических формах нашей «Песни Песней»³⁵⁹). Так к чешскому слову можно возводить форму «боіговали суть» при чешском *bojowáli sú* (так в Библии 1506 г.), где *g* может восходить к чешскому обозначению йота буквой *g* (но ср. польское *bojować*); чешское влияние очень вероятно для слова *вечерядло* в смысле столовой, комнаты для еды, — при чешск. *večeřadlo*, — в Шарошпатацкой Библии тоже имеется это слово *wieczerzadło* скорее всего под чешским влиянием, ибо оно более нигде в польских текстах не встречается³⁶⁰); ср. далее *винници* в смысле виноградник при чешск. *vinice*, *vinpice* (но и польск. *winnica*)³⁶¹). Чешскую форму имеет слово *квитъ*, *квѣтіе* при чешск. *květ*, *kvietie* (польск. *kwiat*), ср. — *квитнуть* (ч. *kvitnuti*, польск. *kwitnąć*), *милость* в смысле *любовь* (ч. *milost*, п. *miłość*), отсюда *милостный* (ч. *milostný*, п. *miłośny*), *погорки* (ч. *rohorky*, *rahorky*)³⁶²); *преваль* — сильный дождь, это слово несомненно взято из чешского, где *přival*, *převal* (польское *przewał* скорее всего из чешского)³⁶³); слово *рыбник* (садок для рыбы) имеет аналогии и в чешском и в польском языках; *смѣда*³⁶⁴) — ч. *směda* при польск. *smiada*; *тварь* в смысле *лицо* имеется и в чешск. (*tvář*) и в польск. (*twarz*), как и *тварность* (*tvářnost'*, *twarżność*). Рядом с этими и подобными особенностями словаря, могущими быть объясненными и чешским влиянием, обращает на себя внимание постоянное (но тоже не исключительно чешское³⁶⁵) отделение *ся* от возвратного глагола и постановка *ся* (часто не непосредственно) перед ним. Ср. напр. *ся тулять*, *докоуль ся день не наклонить*, *души по*

³⁵⁸) Такую работу, как мы слышали, предпринял проф. Н. Н. Дурново, но результаты его исследования еще в печати не появлялись. Указания на чехизмы см. у Головацкого, Несколько словъ, 235 прим.; Первольфъ, ЧР., VII, 63—64; он-же, Слав. взаимность, 255; Владиміровъ, Скорина, 238—239.

³⁵⁹) Некоторые примеры были указаны в свое время Первольфом, ЧР., VII, 63—64; он-же, Poláci a Rusini, 815; он-же, Слав. вз., 215.

³⁶⁰) Ср. Małeckі, Biblia, 347; Karłowicz, Słownik, s. v.

³⁶¹) Повѣсть о волхвахъ XV в., изд. Перетцъ, 54, 102, 103 и др.; *винница* — виноград, КА., 17, так и *Берыноа*, Лексиконъ, дѣ.

³⁶²) Но ср. *Берыноа*, Лексиконъ, сѣ — «Гаваафъ — Пагорокъ або келикъ або высокое мѣсто» или «Габаонъ — Пагорокъ».

³⁶³) Ср. Bruckner, Słownik, 443—4.

³⁶⁴) Это слово см. и в Повѣсти о волхвахъ XV в., изд. Перетца, 29, 61.

³⁶⁵) Ср. КА., 127; но ср. выше на стр. 182 о Скорине указание Владимірова.

Христе ся пытаются, але сонъ ся оуже быль оухилиль, съ нимъ ся вѣче миловати, ср. и такие случаи — распали жь ся оуже къ нему, оудиви же ся и оумъ мой. Очень часто употребленіе сложных глагольных форм в роде таких: бо мя есть промѣнило, коли есть быль царь оу ѣдлѣ, камь есть оухилиль, абы есте не будили и т. и.

Но эти особенности словаря и форм, напоминающие чешские, могут говорить о близкой связи нашего текста с чешской языковой и литературной традицией в особенности потому, что имеются многочисленные *текстуальные* совпадения русской «Песни Песней» с чешскими ее переводами. «Песнь Песней» на чешский язык переведена была довольно рано, может быть еще в XIII веке³⁶⁶), — этот старый текст, правда, уже с подновлениями, опубликовал полностью по рукописной традиции Йиречек в 1864 году³⁶⁷). Мы привлекаем его к сравнению с нашим русским текстом³⁶⁸), который сопоставляем также и с чтением «Песни» в знакомой уже нам венецианской Библии 1506 года. Параллельное чтение предлагаемых примеров дает отчетливый материал для утверждения о зависимости русского текста от чешского перевода³⁶⁹).

I, 5. смѣда есмь, бо мя есть солнце на бѣрвѣ промѣнило.

Žet' jsem smědá (smiedá), neboť mě gest slunce u barvě proměnilo (1506 — ohorzala gsem od slunce).

I, 7. Рка же ми, егоже милуеть душа моя, гдѣ пасѣшь, гдѣ отпочиваешь о полудне? Ать ся тулять не почноу по стадахъ товаришовъ твоихъ.

Ukaž mi toho, jehož miluje duše má, kde sie paseš, kde léháš u poledne, ať sie nepočnu túlati po stádech tvých tovarišův (1506 — ať se tulati nepočnu po stádech towarzysuow twých).

I, 9. Ёздьцомъ моимъ оу возехъ фараоновыхъ прировнала есмь тобѣ.

Jezdcjem mým a vozóm pharaonským (1506 v wozyech Faraonowých) přirovnal sem tě.

II, 1. Квѣтъ полный а лилия оудольняя.

Květ polský (1506 — polnij), lilium leský (1505 — v dolnije).

II, 5. *Отыкайте мя кветіемъ.*

Otýkajte mě kviétim (1506 kwe-tijm).

II, 7. (ср. VIII, 4) Абысте не боудили, ани прочютити казали.

Abyšte nebudily ani kázali procititi (1506 proczytiti kazali).

II, 11. оуже зима поминоула, преваль лютости отшоль и отступилъ.

Již gest zima přešla, přieval přieběhl i otšel (1506 gižt' ge zenia pomínula..

II, 14. въ дирахъ скальныхъ.

v děrách (1506 rossedlinách) skalných.

³⁶⁶) Ср. Jireček, Rozbor překladu, 378, 379.

³⁶⁷) Ibid., 293—299.

³⁶⁸) Сопоставления первых стихов I главы см. *Соболевский Материалы*, 202—203.

³⁶⁹) Выписки из издания *Йиречка* мы даем без особых оговорок или иногда обозначаем его так — *рукоп.*; 1506 перед текстом означает издание 1506 года.

II, 14. оукаж ми тварь твою, тварь твоя красна.

Ukaž mi tvú tvář (1506 obliczey). a tvój obličej krásný (1506 — twarz twá krásná).

III, 2. Встану а обоиду мѣсто по рынцѣхъ а по оулицехъ искати буду его, егоже милоуеть душа моя.

1506 wstanú a obegdú město po rynciech a po uliczech, hledati budu gehož miluge dusse má (рук. vstanu i vztočím sie po městě, po třídách i po uliciích и т. д.).

III, 4. Анижь его пушоу.

A nepustich jeho (1506 — aniž se ho spoustim).

III, 5. Которая есть то тая, жь то оуступаеть чересь пустыню.

1506 která gest tato kteráž wstupuge (рук. vchází) przez pússt'.

III, 6. какъ бы столпъ домнынъ зъ добровонныхъ рѣчей мирры а ливана а всякого порохоу мирноположного апатекарева.

1506 jako slup' dymný z wonných wieczij mirzy a kadidla y wsselikého prachu apotekarzowa složeného“ (рук. všeho drahého prachu.)

III, 8. *единого кождого мечъ на бедрахъ его про страхи ночныи.*

Každého meč u jeho bedry pro strach noční (1506 gednoho každého meč na geho bedrách pro strach nočníj).

IV, 7. Вся красна, милая моя, а поскверны нѣтъ на тобѣ.

Všiecká jsi krásna... a poškrvny nenié při tobě (1506 na tobie).

IV, 8. Подь отъ Ливана, подь а будешь корунована:

Pod' z Libana, pod', budeš korunována.

IV, 10. Красны... надъ вино, надъ вси добровонныи рѣчи.

Krásné... nežli (1506 nad) vino, nade všiecky vóné drahé (1506 wonné wieczy).

IV, 13. Выпуканія твоя раи зернятыхъ яблокъ со овощомъ яблоннымъ, квиروه... съ всими первыми мастями.

Vypusti (1506 wyplywanije) tvoji — ráj jablek zrnatých s ovotcem jablečným (1506 jablonnowymi owocemi), cypryš... se všiemi prvnými mastmi.

V, 1. Пожалъ есми мирру мою зъ добровонныма рѣчами моими.

Požal sem svú myrru a jiné věci vonné (1506 požal gsem mirru s wonnými wieczmi mými).

V, 3. Сволокла есми съ себѣ сукни мою, какъ ся въ нее оболочу.

Svlekl sem s sebe svú sukni, kterak sie v ni obleku?

V, 6. он³⁷⁰) ся оуже былъ оухилилъ.

On otchýlil sie (1506 vchýlil se byl).

V, 10. Милый мой бѣлыи а червенныи, выборныи нсъ тысячей.

1506 Mily muoy (рук. всегда — zmi-lelec) bijllý a cžyewený wybrany z tisyczuow.

V, 11—13. Голова его золота, налѣпшее чело его, черны яко гав-

Hlava geho zlato najlepšie, črná jako havran, oči jeho jako dvě hoľubice

³⁷⁰) У Костомарова ошибочно «сонъ», в рук. он.

- рань, очи его яко голуѣицы надъ потоки водными, ...ягодки лица его яко заградки добровонныхъ рѣчей, посажены отъ апатекаревъ.
- V, 14. Руцѣ его оуглажены златы, полныя цинткови.
- VI, 1. Камъ есть отшоль, камъ ся есть оухилиль, будемъ его глядати.
- VI, 4. Красна си, витяжна³⁷¹⁾ яко Иерусалимъ.
- VI, 9. Голубка моя, доконалая моя.
- VII, 3. Поупокъ твой яко рѣпичка оуглаженная.
- VII, 4—5. Яко рыбникъ оу Зеволе. Которыйжъ то соуть оу браны дчерь множества.
- VII, 6. а волосы головы твои якъ багоръ златьтканыи царевъ, причиненыи къ жолобамъ».
- VII, 7. Коль красна и витяжна на-миленшая оу роскошахъ³⁷²⁾.
- VII, 8. Постава твоя приподобана есть палмѣ, а сесца персеи твоихъ грезнови винному³⁷³⁾.
- VII, 9. Горко милому купити (sic!), а оустомъ и зуобомъ къ пережюванію.
- VII, 14. Мандрагоры дали чуть во-ню свою, оу бронахъ нашихъ вся яблока новая, и ветхая... сховала есмь тобѣ.
- nad potoky vodnými (1506 wod), ja-hódky v jeho líci (1506 lijcze geho) jako zahrádky drahých (1506 aby) vonných věcí, napložené (1506 na sa-zené) od apotekářův.
- Rucě uhlazené (1506 hladké, zlaté) a jako zlatíci plně jacinktově (1506 yaczynktuow).
- 1506 Kam ge odssel, kam se gest vchýlil, a hledati ho budem (рук. pohledámy)
- Krasná jsi, výtečná jako Jeruzalem.
- Holubička ma, svrchovaná má (1506 — holubiczká ma, dokonalá má).
- Pupek tvój jako řepicie hladká.
- Jako rybníci (1506 w Ezebon) ezebonští, ještě gsú u (1506 w) bráně dcery mnozství.
- 1506 włosy (рук. kadeřie) hlavy své jako zlatohlav královský wložený do žlabow k wypranij (рук. ciévkami zetkaný).
1506. Kterak krasná gsy, a kterak velmi wýtečná naymileyssye w rozkossech.
- Postavá (1506 Zrost) tvá podobna jest k palmě, prsí své k hroznóm.
1506. Hodné (рук. dostoyné) milemu ku pitij (рук. kupiti i jeho rtóm, ké žvání jeho zubóm) a rtuom y zubem geko k przeživwanij.
- 1506 Mandrahory w dały (рук. dały) sú wuoni swú w branách nassých (рук. vratech). Wsseczka jablka stará y nowá gsem tobie zachowala (рук. schowala).

³⁷¹⁾ Ср. Grückner, Visio, 202, 211 — витяжный = gytířský.

³⁷²⁾ Ср. *Беринда*, Лексиконъ, смѣ, роскоши = удовольствия; рмд — сласть = роскошь, сластолюбие — коханеса в роскошахъ.

³⁷³⁾ *Беринда*, Лексиконъ, ла — грезно, грезно — грезно винное

VIII, 1. А оуже мною тогда ни жа-
динь не погордить.

...aby (1506 a giž) mniú ižádný ne-
pohrdat

VIII, 6. Силна яко смерть милость.

1506 nebo sylnát' gest jako smrt mi-
lost (рук. другой порядок слов).

Приведение подобных примеров можно было бы еще и еще продолжить, ибо едва не каждая строка нашей «Песни Песней» дает материал для показательных сопоставлений русского текста с текстом чешским. Порою под русским чтением чувствуется совершенно переработанная формула чешского перевода, определяющая собою и словесный состав того или иного стиха, и его грамматическую форму. Мы пока ограничиваемся этим общим констатированием, не имея возможности войти в систематическое изучение чешских текстов «Песни Песней» в целях найти среди них непосредственный оригинал русского перевода. Ни старый рукописный текст, изданный Йиречком, ни текст 1506 года не могут быть признаны непосредственным пособием, бывшим в руках у составителя русского текста. В нем имеется все же — хотя и небольшое — количество и не только словесных особенностей, которые не могут найти себе объяснение в указанных чешских текстах. А вместе с тем русский текст в разных местах приближается то к тексту Йиречка, то — чаще — к тексту 1506 года. Это дает основание предполагать, что в чешской традиции мог существовать некоторый промежуточный текст, ибо думать об использовании русским переводчиком одновременно двух чешских чтений нет никакой возможности. К сожалению, литературная история «Песни Песней» на чешской почве еще не написана.

Нужно особо оговорить, что в Библии 1506 года имеются отдельные заголовки к разным частям и группам стихов «Песни», чего нету в тексте XIII века, но что имеется в русском переводе. Однако, заголовки здесь не совпадают с чешскими 1506 года, чешские очень коротки, русские же значительно более многословны, в седьмой и восьмой песнях чуть не превышая в целом своим размером основной текст «Песни». Эта особенность может быть отчасти связана и с тем обстоятельством, что русская «Песнь» сохранилась в особой литературной обработке, с вступительными строками и длинными дополнениями после текста, т. е. вставлена в особую рамку, которой соответствует и самая редакционная обработка текста в смысле его разделения заголовками и толкованиями³⁷⁴).

Естественно спросить, являются ли эти дополнительные рассуждения органической частью интересующего нас перевода «Песни Песней», т. е. возникли ли они одновременно с основным русским текстом самой библейской книги, или же перед нами соединение двух литературных элементов разного времени и различного пера? В научной литературе

³⁷⁴) Перед «Песнью» в Библии 1506 г. имеется несколько вступительных строк, по смыслу своему совпадающих с несколькими фразами русского рассуждения (см. стр. 33, 58), поскольку и там и тут подчеркивается необходимость духовного понимания «Песни».

повторяются обычно первое заключение, обычно наш памятник признается «переводомъ изъ какого-либо чешскаго сочиненія со всѣми прибавленіями и дополненіями»³⁷⁵). Это мнение оспаривается Соболевским, который констатирует различие в языке самого текста «Песни» и обрамляющих его рассуждений и считает, поэтому, эти две части нашего памятника переведенными независимо друг от друга и соединенными уже на русской почве³⁷⁶). Нужно признать, что эти наблюдения Соболевского, хотя они и формулированы совершенно голословно, имеют прочное основание, ибо явно бросается в глаза известная чистота языка и большая свобода выражений в размышлениях по сравнению с самой ветхозаветной книгой, в размышлениях нельзя не почувствовать и явного церковно-славянского элемента. В частности же в тексте «Песни» самый способ передачи библейских выражений поражает неправильностью, напряженностью и путаницей, обнаруживающими известную беспомощность переводчика, чего совсем нету в дополнительных рассуждениях. К тому же в заголовках и в дополнениях не чувствуется чешская языковая стихия, которая так выступает в самой «Песни». Первольф признал в свое время³⁷⁷) богемизмом один из заголовков ко второй песне — «гласъ церкви святой противъ кацеромъ а еретикомъ», ср. в Библии 1506 г. «hlas proti kaczuersstwam», но в слове «кацеромъ» нету ничего чисто и исключительно чешского³⁷⁸). Если же в заголовках, а в особенности в рассуждениях и имеются слова и обороты (напр. отделение ся), которые сближают язык и этой части нашего текста с чешским³⁷⁹), то ему можно найти объяснение и в другом предположении, которое высказал тот же Первольф. Он высказался в том смысле, что чехизмы в языке памятника могут объясняться и тем, что переводчиком или редактором его был природный чех или словак³⁸⁰). Это мнение не получило распространения и даже не было надлежащим образом зарегистрировано в специальной литературе, но это не препятствует признавать его имеющим несомненный интерес и требующим вдумчивого к себе отношения. Во всяком случае текст «Песни» и рассуждения различаются существенно в словарном и стилистическом смысле и едва ли

³⁷⁵) *Владиміровъ*, Скорина, 238, 239; *Возняк*, Історія укр. літератури, II, 11; *он-же*, Укр. письменство, 216; *Карскій*, Бѣлорусы, III, 2, 30 — перевод относит к памятникам западно-русского наречия; *Евстѣвъ*, Очерки, декабрь, 1372 — в основе Библия 1506 г. или «вѣрнѣе какое-либо чешское издание Пѣсни Пѣсней съ прибавленіями церковно-установаго характера»; *Ластоускі*, Гісторія, 398.

³⁷⁶) *Соболевскій*, Матеріалы, 198.

³⁷⁷) *Первольфъ*, ЧР., VII, 64; *он-же*, Слав. вз., 255.

³⁷⁸) Ср. Повѣсть о Волхвахъ XV в., изд. *Перстца*, 57, 68, 71, 75, 82 и др.; *КА*, 51; польское *kasercz* м. б. от чешского, см. *Bruckner*, *Slownik* 211; *Беринда*, *Лексиконъ*, смѣв — еретикъ = кацеръ.

³⁷⁹) Ср. милостные книжки, оудячно Богу (ч. *vděčné*), воли досыть оучиненіе (ср. ч. *dosti učinenie*, но и п. *dosyć uczynienie*, ср. и старо-русское (у *Срезневского*) досыть вчинить), слюбити могу, же тебѣ выслушаеть (*slibiti*), но ср. и старо-русское слюбити, *Срезневскій*, 744, ангели оуникнули (*uniknouti*) и т. п.

³⁸⁰) *Первольфъ*, ЧР., VII, 64; *он-же*, Слав. взаимность, 255.

могли быть одновременно, одним лицом переведены с единого и цельного оригинала на чешском языке; для «Песни» чешский оригинал несомненен, для рассуждений это пока не дано и самый их состав и язык такого предположения не требует, особенно если предположить, что по русскому тексту прошла рука природного чеха или словака, могшего оставить на языке известный след своей родной речи.

Чех или словак? Только пристальное изучение языка «Пѣсни» с точки зрения диалектических особенностей его чехизмов может дать ответ на этот вопрос, поставленный таким — может быть и лишь мимолетным — альтернативным указанием Первольфа. В иных наших работах читатель найдет немало конкретных указаний на таких чехов, которые уже и в XV и в XVI веках обитали и находились в пределах южной и западной Руси и могли оказаться и в роли переводчиков «Пѣсни песней» на местный язык. В этом случае в особенности останавливает на себе внимание галицко-русский перевод Вислицкого Статута, исполненный по всей вероятности чехом, оставившим в языке своего произведения обильные следы чешской своей речи. Этот перевод относится к середине XV века.

В отношении малорусской «Песни песней» остается доныне неразрешенным в окончательной форме и столь важный в общем смысле вопрос о времени возникновения этого произведения. Сбивчива самая датировка рукописи. Горский и Невоструев отнесли ее к XVI или началу XVII века³⁸¹⁾! однако, правильнее, — видимо, датировка более ранняя, данная Костомаровым, потом Соболевским, и недавно подтвержденная Перетцем, отнесшим список «Песни» к концу XV века, в крайнем случае к началу XVI³⁸²⁾. И самый перевод относится разными авторами к разному времени, то к половине XV века, то к рубежу XVI и XVII столетий! Наиболее раннюю датировку предложил Соболевский, найдя потом поддержку в М. Грушевськом. Соболевский связывал нашу «Пѣснь Пѣсней» с тем временем, когда был осуществлен польский перевод Библии, сохранившийся в Шарошпатацком кодексе, и готов был видеть в этом тексте фрагмент большой работы по переводу Библии на русский язык, которая, по мысли Соболевского, могла быть предпринята по указанию четвертой жены Ягайлы королевы Софии, — ей обязан своим возникновением, как известно, и названный польский кодекс³⁸³⁾. Королева София, родом из семьи князей Гольшанских, была православной³⁸⁴⁾, почему она могла позаботить-

³⁸¹⁾ Горский — Невоструевъ, Описание, III, 3, 703—5; В. Владиміровъ, Скорина, 238 пр. 1; Архангельскій, Очерки, 96 стр. 146; Евсѣевъ, Очерки, 1912, дек., 1372.

³⁸²⁾ Костомаровъ, Пѣснь Пѣсней, 49; Соболевскій, Матеріалы, 198; Перетць, В. И., Археографічна подорожь до Москви у травні 1928 р., Записки іст.-філол. відд. Укр. Акад. Наук, XXI, 1929, 227—8; Яворскій, Библейскія сказанія, 6; Грушевський, ІУЛ., V, 118, и др.: Первольфъ, ЧР., VII, 63; он-же, Слав. взаимность, 255.

³⁸³⁾ В нем нету «Песни Песней».

³⁸⁴⁾ Ср. о сем заметку С. Т. Турновского на переплете указанного кодекса, — см. в издании Maleckiego, VIII—IX, XX; ее иногда считают чехофильской, но ср. о ее политической ориентации — Maleczyńska, Rola, passim, не идеолог а полит. интерес Чехии.

ся и о русских обывателях Польши в смысле предоставления им библейских книг на родном их языке³⁸⁵). Этот ряд предположений нуждается, конечно, в серьезном обосновании со стороны фактической для того, чтобы он мог быть принят, как достоверное объяснение происхождения малорусской «Пѣсни». Но еще более предположительным является и приурочение этого текста (а рукопись XV в.!) к концу XVI века, какое предложил Евсеев³⁸⁶). Он связывает перевод с эпохой берестейской церковной Унии 1596 г., с эпохой католического давления на православных, да и в самом переводчике он усматривает католика или униата, вопреки, заметим, Соболевскому, который не видит в «Песни Песней» католических следов, перевод ему кажется совершенно православным.

Нельзя не сказать, что такая неясность в основных вопросах относительно происхождения и судьбы памятника весьма расхолаживает интересующегося им читателя, не имеющего притом возможности обратиться непосредственно к рукописи и независимо от литературных толкований и предположений составить себе полное и ясное представление о памятнике. Его текст стоит вне связи с переводом «Пѣсни Пѣсней» у Скорины. Это аргумент позволяет предполагать, что наш памятник возник ранее пражского издания «Песни песней» (9 января 1518 г.)³⁸⁷), ибо после выпуска в свет в печатном виде «Песни Песней» естественно ожидать влияния этого издания на позднейшего переводчика или редактора, — если, конечно, последний не работал в условиях неведения о выходе в печати занимавшего его текста. С другой стороны нету данных для того, чтобы считать малорусский перевод «Пѣсни» лишь фрагментом большой работы по переводу всех библейских книг. Самое дополнение «Пѣсни» рассуждениями о любви позволяет предполагать, что переводчика интересовал этот библейский текст сам по себе, своим содержанием, как своего рода трактат и поэма о любви небесной, и именно в контексте старорусской литературы на эту тему скорее всего следует представлять себе и понимать и происхождение этого памятника. Его датировка зависит, конечно, от анализа — не сохранившей текст рукописи, но языка самого текста. По общей совокупности наших впечатлений и соображений — мы имеем перед собою памятник скорее XV-го, нежели конца XVI века, т. е. скорее всего продукт литературной работы второй половины XV, и еще до — Скорининского времени. Заслуживает внимания тот факт, что в это же время был сделан и другой перевод «Песни Песней» — в Западной Руси, непосредственно с еврейского языка, — этот текст, обращающий на себя внимание особой чистотой своей белорусской речи³⁸⁸) входит в состав сборника ветхозаветных книг Виленской Публичной Библи-

³⁸⁵) Соболевский, Материалы, 198—203; ср. Грушевский, ИУЛ., V, 118; он-же. Впливи, 9; Огіенко, Укр. мова, 478.

³⁸⁶) Евсеев, Очерки, декабрь, 1912, 1372.

³⁸⁷) Каратаев, 37, № 5.

³⁸⁸) Карский, Къ исторіи звуковъ, 32 и сл.

лиотеки³⁸⁹). Но представляет особый интерес то обстоятельство, что кроме Псалтыри, известной ныне в двух переводах с еврейского до издания ее в Праге Скориною, только «Песнь песней», насколько рукописная наличность позволяет заключать, привлекала к себе такое же внимание и до Скорины подверглась дважды переводу — один раз с еврейского, другой раз (это наш текст) с неизвестного чешского подлинника³⁹⁰).

Наши суждения об украинском тексте «Песни Песней» по необходимости уклончивы и неопределенны. Этот памятник требует еще углубленного исследования по подлиннику со стороны как текстуальной, так и языковой. Но одно относительно него ясно: это живое свидетельство о чешско-русском сотрудничестве в области письменности в XV—XVI вв., взаимодействии, которое может быть ярко иллюстрировано еще рядом примеров и фактов, касающихся памятников повествовательной литературы. Данный пример стоит в рамках истории национализации на русской почве текстов Священного Писания. Но нельзя не видеть в нем известных черт переходного, так сказать, характера, поскольку сюжет «Пѣсни Пѣсней» может и мог интересоваться не только со стороны усматриваемой в нем известной церковно-религиозной проблемы, союза Бога с церковью, но и со стороны земных понятий о любви. Послесловие о любви выводит наш текст из контекста Библии и вводит его в круг поучительной и нравоучительной литературы, к которой принадлежат и такие повествования, как о Тоудале рыцаре или о Сивиллах, русской письменной традицией усвоенные непосредственно из чешской традиции.

Небезынтересно отметить, что в том-же рукописном сборнике, где находится список «Песни песней», имеется текст (западно-русский или южно-русский) чина католической обедни в честь Богородицы (лл. 55 и сл.)³⁹¹). Этот памятник не нашел еще для себя сосредоточенного исследователя, хотя то, что высказал о нем А. И. Соболевский, и подсказывает интерес к нему. Соболевский считает, что этот текст есть перевод, осуществленный русскими католиками, и что «судя по всему, оригиналь чина былъ на чешскомъ языкѣ и довольно древній — старше XIV вѣка»³⁹²). Соболевский не дал никакого обоснования этого своего допущения, лишь приведя несколько отрывков обедни и подчеркнув, что число полонизмов в его языке — незначительно. Этот памятник относится, по видимому, к XV веку, поскольку его список датируется XV—XVI столетием. Но вопрос о его происхождении остается все же неразрешенным. Нужно прежде всего констатировать, что ныне не известен чин обедни в честь Бого-

³⁸⁹) *Карскій*, Бѣлорусы, III, 2, 19—20; *Грушевський*, ІУЛ., V, 114; начало «Песни песней» отсюда издано у *Владимірова*, Скорина, 342—344.

³⁹⁰) Ср. перевод в Геннад. Библии — с немецкого; *Горскій* — *Невострюевъ*, Описание, I, 6, 74.

³⁹¹) *Горскій* — *Невострюевъ*, Описание, II, 3, 763—5; *Перетц*, Археографічна подорож, Зап. іст.-філ. від. Укр. Акад. Наук, XXIII, 227.

³⁹²) *Соболевскій*, Матеріалы, 195 и сл., 144—152 — отрывки из «чина» (м. пр. «Символ веры»).

матери на чешском языке. С другой стороны в языке русского текста нету разительных впечатков именно чешской речи. Много раз повторяющееся слово «каплан» (но не раз и попъ) известно было и в старом северорусском употреблении³⁹³); «поклѣкнетъ» — тоже встречается и в северных и в южных русских текстах³⁹⁴); не являются безспорным чехизмом и слова «рачь», «оуживати» (ср. п. *užuwać*), «подѣковати» и т. п.; интересно присутствие в тексте слова «овдѣ» (несколько раз)³⁹⁵), известного в старорусской письменности в смысле кое-где³⁹⁶), но незнакомаго языку чешскому, — при том, что его знают и поляки (*owdzie*³⁹⁷) и, конечно, югославы. В связи с этим остается не исключенной возможность, что эти особенности языка восходят не к оригиналу перевода, а к самому переводчику, который мог иметь перед собою латинский подлинник мессы³⁹⁸).

IX. ЧЕШСКАЯ БИБЛИЯ, КАК ПОСОБИЕ ПРИ ИЗДАНИИ ОСТРОЖСКОЙ И ЕЛИСАВЕТИНСКОЙ БИБЛИЙ.

Рядом с фактами использования чешской Библии как пособия при изготовлении русских переводов Библии и ее частей в XVI веке, нужно поставить весьма любопытные факты обращения к чешским библейским текстам со стороны редакторов церковно-славянских изданий Библии. В данном случае не может идти речь об интересе этих редакторов к самому чешскому тексту (языку) Священного Писания, — те примеры, которые мы имеем в виду, касаются состава чешской и церковно-славянской Библии, но факт остается фактом: чешская Библия и в этом случае играла известную роль пособия и вспомогательной или справочной книги.

Конкретно дело касается III-ей книги Маккавеев, являющейся памятником апокрифическим³⁹⁹). Нужно иметь в виду, что книги Маккавейские не были переведены на славянский язык в эпоху деятельности свв. Кирилла и Мефодия. Когда в 1499 г. был осуществлен на Руси большой труд по составлению полного свода славянской Библии новгородским архиепископом Геннадием, то этот пробел в составе Библии был восполнен тем, что первые две книги Маккавеев были переведены с латинского языка по Вульгате, при участии «родомъ словѣнина, а вѣрою латиняна» доминиканца Вениамина. Когда-то А. И. Соболевский высказал предположение, что этот Вениамин был одним из преемников тех хорватов-глаголяшей, которые при Карле IV начали действовать в Праге в Эммау-

³⁹³) Срезневский, Материалы, 1194.

³⁹⁴) Ibid., II, 1110; КА., 94.

³⁹⁵) Соболевский, Материалы, 200, строка 10, 19.

³⁹⁶) Срезневский, Материалы, II, 595.

³⁹⁷) Karłowicz, III, 917.

³⁹⁸) Ср. Буслаевъ, Лекции, 133 и сл. — белор. текст XVI, перевод с лат., местами просто транскрипция.

³⁹⁹) Ср. Schürer, Realencyklopädie, I, 649—650; Baumgartner, Religion in Geschichte und Gegenwart, III, 1929, 1869—1870; Kautsch, I, 119—135.

ском монастыре, и что он мог потом из Праги попасть в Краков и далее «могъ рѣшиться попытать счастья въ мало кому тогда извѣстной Руси»⁴⁰⁰). Если бы это предположение подтвердилось — это был бы весьма важный и ценный для истории русско-чешских отношений факт, — но пока приходится считать мысль А. Соболевского лишь ученой догадкой, а не достоверностью, — во всяком случае в переводах Вениамина, как отметил Евсеев, имеются элементы югославянские, но нету ни полонизмов, ни чехизмов⁴⁰¹). Но как бы ни обстояло дело с этим Вениамином, — и в Геннадиевской Библии книги Маккавеев оказались представленными не полно, — там нету ни третьей, ни четвертой книги, отсутствующих и в Вульгате⁴⁰²) и в канон вообще не вошедших.

Редакторы Острожской Библии 1580 года положили в основу своего труда список Библии Геннадия 1499 года, но в то же время они сличали ее и с другими сводами Библии на других языках. При этой работе эти редакторы обнаружили отсутствие у Геннадия III-ей книги Маккавеев, которая оказалась только в чешской и в греческой Библиях. «Сїя третїя книги маккавейскїи въпрочїихъ библіахъ необрѣтаются ниже всамою тою словеньскою (т. е. Геннадиевскою), инивлатиньскихъ»⁴⁰³), анивлятскихъ⁴⁰⁴), точїю въгреческой и вчешкой но ими их неоставихомъ», — такую помету находим в Острожской Библии после текста этой III-ей книги Маккавейской⁴⁰⁵).

Приведенная оговорка и ссылка на чешскую Библию не является лишь констатированием факта, — чешская Библия была в руках редакторов церковно-славянского текста в Острожской Библии и, повидимому, послужила им в какой-то степени и прямым пособием и образцом при выработке самого словесного состава их текста. На это уже давно обратил внимание Добровский, который остановился на чтении 25-го стиха сорокшестой главы пророка Иереми: «се азъ посѣщу нагъ лукъ Александрийскїи анафараона анаегупеть», чему в латинском тексте соответствуют слова: «esse, ego visitabo super tumultum Alexandrie» и т. д. Объяснение этого места Добровский увидел в тексте чешской Библии, где читается: «ау (Северин 1529 — hle) уа павsstijewijm на hluk (у Северина 1529, 1537

⁴⁰⁰) Соболевскій, Отрывки, 25—26; он-же, Переводная литература, стр. 258.

⁴⁰¹) Евсеевъ, Очерки, ноябрь, 1275 и след.; см. его-же, Рукописное предание, 656 и след.; он-же, Геннадіевская Библия, 13; Седельников, К изучению «Слова кратка», 222 и след.; ср. Попов, Н., Афанасьевскій извод повести о Варлааме и Иосафате, ИОРЯнСл., XXXI, 1926, 189—230; Розовъ, В., Католическое вліяніе в Моск. Руси в XV—XVI вв., III congrès inter. des slavistes, Саопштења и реферати, Београд, 1939, 141-2.

⁴⁰²) Горскій—Невоструевъ, Описание, I, 3, 129—130; Макарий, ИРЦ., VII², 170 и след.

⁴⁰³) В лат. помещалось только с 1532 г.

⁴⁰⁴) Нету и в изд. 1577 г., где специально оговорено непомещение этой книги.

⁴⁰⁵) Экземпляр (дефектный!) Библии 1581 г. — в Славянской Библиотеке в Праге; ср. Горскій — Невоструевъ, Описание, отд. I, 129—130; Владиміровъ, Скорина, 212; Елеонскій, Библия въ Россїи, 501; Перволюфъ, ЧР., VII, 65 и он-же, Славяне, III, I, 223 пр.

nahluk) Alexandrynskij: a na Faraona u na Egípt«, иначе говоря, слова »нагъ лукъ« в действительности должны читаться »на hluk«, что было якобы непонято русскими редакторами, поскольку слово »hluk« — «*Vo hemi soli pogunt*»⁴⁰⁶). Последнее указание неверно, слово »hluk«, »глукъ« восходит, в действительности, к старославянской основе⁴⁰⁷), которая в форме »гълка — голка — гълка« хорошо была знакома старым русским книжникам, могшим указанное место в старославянской Библии читать в таком виде: »се азъ посѣщу на гълку Александрейску«⁴⁰⁸). Этот текст мог дать в своем искажении форму »нагъ лукъ«. Конечно, если придавать особое значение тому, что слова »нагъ лукъ« предполагают мужскую форму — »глукъ«, то возведение их к чешской формуле »на hluk« может иметь некоторое основание. Может быть вопрос и о том, восприняли ли острожские редакторы такую ошибку из Геннадиевского свода или она вкралась уже в издание книги пророка Иеремии в 1580—1581 г. Первое очень мало вероятно, ибо предполагает усвоение Острожской Библией непонятного и явно ошибочного чтения из ее пособия без критики и проверки, а к тому же заставляет думать, что архиеп. Геннадий и его сотрудники как раз в этом одном случае оказались под влиянием чешской Библии! Но с другой стороны трудно думать, чтобы редакторы Библии 1580—1581 года, имевшие книгу пророка Иеремии в геннадиевском своде, т. е. в церковнославянской редакции, признали полезным и нужным проверить и сопоставить ее с чешской Библией и взять из нее один из ее оборотов, далеко не счастливо усвоив его фонетическую, но не смысловую сторону!

Иначе могло обстоять дело с III-ьей книгой Маккавеевъ, которую предстояло вновь перевести на церковно-славянский язык. Трудно сомневаться, что православные русские книжники, участвовавшие в работе по приготовлению к изданию Острожской Библии, взяли за основу греческий подлинник. Но они имели в руках и чешский текст этой книги, о котором прямо и упоминают в своей заметке, как о втором из двух известных им чтений III книги Маккавеев. Известный специалист по истории славянского текста Библии И. Е. Евсеев утверждал, что оригиналом Острожского текста была чешская Библия в издании 1579—1580 гг.⁴⁰⁹), т. е. знаменитая Кралицкая Библия⁴¹⁰). Это указание вызывает, однако, недоумение, — V-ый том Кралицкой Библии, где издана интересующая нас книга Маккавеев, вышел в свет уже после издания Острожской Библии — именно в 1588 году⁴¹¹). К тому же и по существу едва-ли это издание

⁴⁰⁶) Dobrovský, Institutiones, I, 199—200; см. и Чистовичъ, Исправление текста, 43 стр. *он-же*, История перевода Библии, 13 и прим. 1.

⁴⁰⁷) Ср. Gebauer, Slovník, I, 432—3, 431 («*hlučný*»)

⁴⁰⁸) Срезневский, Материалы, I, 611—612.

⁴⁰⁹) Евсеев, Очерки, 1913, март, 364—5.

⁴¹⁰) III книга Маккавеев встречается в чешской Библии впервые в пражском издании Мелантриха 1549 года, — это особо здесь оговорено в предисловии.

⁴¹¹) Ср. Hřejsa, F., Bible a český národ, Brno, 1935, 25; ČBS., III, 336; Vonka, R. J. Tiskařské dílo Jednoty bratrské, XIX. Ročenka čsl. knihtiskárů, 1936, 52 и сл.

могло быть принято за образец и источник для редакторов Острожской Библии, — их различает явственным и решительным образом хотя бы уже то, что в Кралицкой Библии III-ья книга Маккавеев поставлена на первое место, так что здесь на третьем месте стоит вторая книга; такое расположение книг Маккавейских особо оговорено и в заглавии их и в оглавлении пятого тома издания.

Какое бы, однако, чешское издание Библии ни имели в руках редакторы Библии 1580—1581 гг., факт этот представляет свой немалый интерес. И это тем более, что много позднее, уже в XVIII столетии при правке текста Библии для нового издания, задуманного и начатого еще при Петре Великом, но осуществленного только при его дочери Императрице Елисавете Петровне, работавшие над этим в 1747—48 гг. киевские ученые монахи Варлаам Лашевский, Яков Блоницкий и др.⁴¹²⁾ «для некоторых книгъ (3 Маккавеевъ) (исправители) имѣли въ виду польскіе переводы и чешскую Библию», как отмечено в рукописном каталоге бумаг, относящихся к этому изданию и хранящихся в Московской Типографской Библиотеке (№ 52)⁴¹³⁾. К сожалению, доступный нам печатный материал не дает возможности конкретизировать это общее указание, которое — в части, касающейся польской Библии, относится, очевидно, к факту обращения одного из участников редакционной работы (в 40 годах) архимандрита Воскресенского монастыря Илариона Григоровича (тоже из южан) к помощи польской Библии в виду незнания им греческого языка⁴¹⁴⁾. Мы знаем только, что эти редакторы Елисаветинской Библии не удовлетворились текстом III-ей книги Маккавеев (как и ряда других — Товия, Эзра (III), Юдифь) в Острожской Библии (и в моск. переиздании ее 1663 г.) и правкою его еще при Петре I-ом в 1718 г.⁴¹⁵⁾, как переведенным с Вульгаты в виду отсутствия в греческом тексте семидесяти толковников⁴¹⁶⁾. Во исполнение общего предписания Синода сверить весь текст полной Библии с этим греческим подлинником редакторы поставлены были в очень трудное положение и старались выйти из него путем использования и иных, негреческих источников, находя их в разных Библиях — полиглоттах⁴¹⁷⁾, а в частности иногда обращаясь, видимо, и к чешской и к польской Библии⁴¹⁸⁾.

⁴¹²⁾ Об их работе см. *Елеонскій*, Библия въ Россіи, 518 и сл.

⁴¹³⁾ Выписку эту сообщил Мигко, *Zur Literaturgeschichte*, 253 пр.; *он-же*, *Prvi početki romana*, 154 (*Rozpravy*, 506).

⁴¹⁴⁾ *Описание документовъ Св. Синода*, III, 76 и пр. 1.

⁴¹⁵⁾ *Горскій — Невоструевъ*, *Описание*, отд. 1, 167.

⁴¹⁶⁾ *Описание документовъ Синода*, III, стб. 49, 54, 58, приложенія, стб. XLI—XLII.

⁴¹⁷⁾ См. указания на пособия редакторов у *Елеонскаго*, Библия въ Россіи, 519—523; *он-же*, По поводу; в этих работах *Елеонскаго* нету никаких указаний на чешскую Библию, как пособие.

⁴¹⁸⁾ Чешская Библия и Новый Завет были в XVIII в. в библиотеке Киевской Духовной Академии, «*Biblia sacra Bohemica*» в пражском (католическом) издании 1715 г. (2 тома), «*Novum Testamentum*» в издании 1768 г., *Pragae. Петровъ*, *Акты и документы*, II, 5 303, 360.

При такой постановке работы по подготовке текста Библии 1751 года было бы неблагодарным, да едва-ли во всем объеме доступным трудом обнаружить следы чешского влияния в русской Библии извода XVIII века⁴¹⁹). Что касается в частности III-ьей книги Маккавеев, то Библия 1751 г. не дает никаких указаний на прямую и сколько-нибудь существенную зависимость этого извода от чешского текста. Чтения Библии 1751 г. имеют в своей основе текст Острожской Библии, чтения их обеих весьма близки друг к другу, отличия часто более редакционного, нежели существенного характера, но имеются и отступления по существу, как результат новой правки и всего текста. В частности редакторы XVIII века обращали внимание на смысловые добавления, внесенные прямо в текст в Острожской Библии, и обозначали их в своем тексте в скобках, не находя им прямого соответствия в греческом оригинале⁴²⁰). При этом едва-ли можно возводить соответствующие чтения и в Острожской Библии прямо к чешскому тексту, как к их источнику и оригиналу. Чешское пособие в обоих случаях никак не связывало редакторов, в отличие от работы Скорины, переводчика «Песни Песней» и др.

* * *

Мы начали свою речь о значении чешской Библии в истории русской литературы с фактов использования чешских текстов в качестве пособия для передачи библейских чтений на народном, живом языке западно-русском (белорусском) или южнорусском (украинском) — и закончили указаниями на пользование чешской Библией на Руси и при выправке и дополнении Библии церковно-славянской, традиционной. И та и другая группа фактов одинаково красноречиво свидетельствуют, что достижение чешских переводчиков, чешских деятелей по национализации Библии оказалось чрезвычайно важным и значительным примером и для других славянских народов. И поляки и русские (какой бы вероисповедной ориентации они ни были) видели в чешской Библии образец, живой пример и необходимое пособие или руководство. В этом смысле чешская Библия в своем значении и влиянии перешагнула границы земель, где чешский язык был живым, и оказалась способною и в силах значительно содействовать многосложному по своим началам и протечению процессу национализации Библии у поляков и у русских. И если составители предисловия к чешской Библии 1506 года выражали пожелание, чтобы Священное Писание, «Законъ Божій» «wssudy ginde mohlo se rozssyrzowati», то здесь не только повторяется общая формула каждого христианина, желающего успеха истинной вере и вероучению, но и как бы предвидится та роль, какая выпадет на долю именно этой Библии 1506 года: она

⁴¹⁹) Подробные записки редакторов с обоснованием избрания того или иного чтения могли бы дать кое-что, но они неизданы и не разработаны (ср. *Елеонский*, Библия въ Россіи, 521).

⁴²⁰) Ср. общие соображения о сем и образцы (не из книги Маккавеев) — *Описаніе документова Синода*, III, прил.-стб. IX и след.

оплодотворила труд Скорины и некоторых продолжателей его дела, а — заметим кстати — издание Скорины в свою очередь оказалось одним из образцов и пособий и для югославянских протестантских изданий: пражским изданиям Скорины подражают в 60 гг. XVI в. тюбингенские издания (по хорватски) Примуса Трубера⁴²¹).

Česká bible v dějinách ruské kultury a písemnictví.

(*Fr. Skoryna a pokračovatelé jeho díla.*)

Mezi Slovary západní katolické orientace byli Čechové první, kdo začali překládat svaté Písmo do svého jazyka. Vliv tohoto díla Čechů nezůstal omezen jen na prostředí české. Česká bible překročila velmi brzo hranice vlastní české země a působila daleko mimo ni. Poláci byli v této věci žáky a pokračovateli Čechů. Avšak český příklad působil také mimo západoslovanské oblasti. Česká bible uplatnila svůj vliv také mezi východními Slovany, mezi Rusy, jako jedna z důležitých a vážných příruček při redigování biblických textů pro potřeby ruských, pravoslavných čtenářů. Tento důležitý zjev v dějinách vlivu české bible mezi východními Slovany je předmětem dalšího výkladu. České biblické texty měly jistý význam při obnovení staroslověnské jazykové tradice ruské bible. Není však třeba přeháněti tento vliv a pokládati výhradně jej za rozhodující v otázce o vzniku bible v živém jazyku ve východoslovanském prostředí. Avšak tak významný zjev v dějinách východoslovanské kultury, jako je *Fr. Skoryna a jeho „Ruská Bible“*, vydaná v Praze, nás nutí, abychom zvláštní pozornost věnovali všem stránkám vlivu české bible na východoslovanské půdě.

V dalším svém výkladu se autor zastavuje především u otázky, jak vznikla na Rusi bible v živém národním jazyku, přihlížeje přitom k významu, jež mohl v této věci mít český příklad (kap. I.). Autor se domnívá, že tento vliv nebyl rozhodujícím a že zároveň s ním byl vznik ruské bible v XV.—XVI. století určován také jinými okolnostmi v životě východoslovanské kultury a písemnictví, ačkoli český příklad, tak rozhodující ve vývoji bible polské, mohl mít svůj ohlas také v prostředí východoslovanském, zvláště běloruském. V kapitole druhé spisovatel uvádí konkrétní vědomosti o pronikání české bible do ruského prostředí v XVI. a XVII. století — především na území spojeného státu polskolitevského, a potom i na území Moskvy. V kapitole III. se spisovatel obrací k přehledu dat o vlivu české bible (zvláště vydání benátského z r. 1506) na text bible, vydané v Praze dr. Fr. Skorynou

⁴²¹) *Владиміровъ*, Скорина, 202; ср. Murko, M., *Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven*, Prag-Heidelberg, 1927 (из «Slavia»), 13 и пр. 3. *Зленко* недавно высказал еще нуждающееся, конечно, в подробном обосновании, предположение о возможном влиянии техники Скорининых пражских изданий на позднейших чешских типографов, в частности на Библии Северина и Мелантриха. Празькі видання, 19; ср. *он-же*, Чеські переклади, 240.

z Polocka. Tento vliv, který přesvědčivě zjistil hlavně Vladimirov, autor sice uznává, avšak kritický přehled pozorování Vladimirovových poněkud omezuje jeho tvrzení, aniž otrásá jeho základními thesemi. Autor přitom upozorňuje také na možné vlivy české grafiky na vydání Skorynovo, opíraje se o novou práci Ščakacichinovu. Při ověřování pozorování Vladimirovových upozorňuje autor na nedostatek předběžné analýsy běloruského jazyka doby Skorynovy (počátek XVI. st.) a na to, že je možno vysvětlovati některé „bohemismy“ u jevů a slov, jež uvádí Vladimirov, také jinak. V kapitole IV. podává autor přehled zpráv a hypotéz o pobytu Skorynově v Praze v letech 1517—1519, kdy vydal svou „Bibli“. Spisovatel připouští, že Skoryna v této době mohl býti spojen služebně s dvorem českého krále z dynastie jagellonské. Materiál nyní přístupný nevysvětluje vůbec, s jakým prostředím v Praze byl ve vztazích Fr. Skoryna, avšak je jasné, že zde našel skvělé technické možnosti. Ve zvláštní kapitole V. uvádí autor přehledně dohady o husitských vlivech v činnosti Skorynově. Spisovatel stojí v této věci na stanovisku, že domněnka o protestantské orientaci činnosti Skorynovy není dostatečně odůvodněna a že není nijak možno pokládati Skorynu za tlumočnicka nějakých propagačních tendencí protestantských, husitských, českobratrských atd. Skoryna byl podle mínění autorova člověk své doby, bez určitých konfesijních předsudků a výlučnosti, a v jeho činnosti se zrcadlil tento duch humanismu a předreformace, tak všeobecný pro lidi západní kultury a školy. Sám Skoryna byl odchovancem universit v Krakově a v Padově. Kapitola VI. je věnována zprávám o druhém pobytu Fr. Skoryny v Čechách, když v letech 1534 a násl. byl „zahradníkem“ (snad botanikem) krále Ferdinanda v Praze. V souvislosti s tím autor upozorňuje na řadu zajímavých zpráv o pobytu Rusů, zejména z rodného města Skorynova — z Polocka —, v Čechách ve službách různých jihočeských magnátů. V kap. VII. je podán přehled zpráv o vlivu pražského vydání bible Skorynovy v XVI. až XVII. století. S těmito zprávami souvisí otázka o rozsahu materiálu, jež připravil Skoryna k vydání, a závislost jeho na bibli české. Autor upozorňuje také na to, že známost pražských vydání Skorynových neomezovala se jen na území Polska a Litvy, nýbrž zasahovala také do Moskvy. Přehledu jiných památek východoslovanských, vzniklých — skutečně nebo domněle — na základě české bible, je věnována kapitola VIII. V ní se jedná o Peregopnickém evangeliu z let 1556-1561, dále o překladu Epištoly apoštola Pavla k Laodikijcům XVI. st., jež před nedávnem našel prof. Ohijenko — podle autora vznikly tyto texty mimo přímý vliv český, nikoli pod jeho vlivem, jak se domnívali dříve. Přímým ohlasem českého textu jest ukrajinský překlad „Pisné pisni“ z konce XV. století, vydaný kdysi Kostomarovem. V kapitole poslední (IX.) autor mluví o české Bibli jako o pomůcce při vydání Ostrožské bible z r. 1580—1 a bible t. zv. Elizavetinské, vydané v Rusku r. 1751. V tom případě i v jiném redaktoři bezpochyby srovnávali své texty také s textem bible české jako jedné z důležitých pomůcek při ustálení toho neb onoho tčení. Ostrožská bible se při knize III. Makkabejské přímo o tom zmiňuje.

Литература. — Сокращения.

А.

- АВ = Акты, издаваемые Виленскою Археографическою Комиссією, тт. VI, IX, XIII, XXXII, XXXIII, Вильна, 1872—1912.
- АоЗР = Акты, относящеіеся къ исторіи Зап. Россіи, т. I, СПБ., 1846.
- Архангельскій, А. С., Очерки изъ исторіи зап.-русской литературы XIV—XVII вв. Борьба съ католичествомъ и зап.-русская литература конца XVI — перв. пол. XVII в., I—II, Москва, 1888 (Чтенія).
- Арх. Сборникъ = Археографическій Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-зап. Руси, т. IX, Вильна, 1892.
- АЮЗР = Архивъ Юго-Западной Россіи, часть I, тт. 8, 12, Кіевъ, 1908, 1914.
- Безсоновъ, П. Б., Католическій священникъ сербъ (хорватъ) Юрій Крижаничъ, Неблужскій, Явканца, ревнитель воссоединенія церкви и всего славянства, Москва, 1870 (из Правосл. Обозрѣнія).
- Беларускі Архіў, I—II, Менск, 1927, 1928.
- Бендасюкъ, С. Ю., Общерусскій первопечатникъ Иванъ Федоровъ, Львовъ, 1935.
- Берында, Памва, Лексиконъ славянороссійскій. Именъ толькованіе, Кутенскій Монастырь, 1653.
- Брик, И., Добровський і українознавство, Зап. Наук. тов. ім. Шевченка, CXII—PI, Львів, 1925.
- Брик, И., Матеріали до історії українсько-чеськихъ взаєминъ в I пол. XIX ст. Львів, 1921 (Українсько-Руській Архив, XV).
- Будиловичъ, А. С., Общеславянскій языкъ, въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы, I—II, Варшава, 1892.
- Будиловичъ, А. С., Сочиненія проф. П. В. Владимірова: ...Б. Докторъ Фр. Скорина ...Отчетъ о 32 присужденіи наградъ графа Уварова, Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. LXIX, № 3, Спб., 1892.
- Буслаевъ, Ф. И., Историческая хрестоматія церковно-слав. и древне-русскаго языковъ, М. 1861.
- Буслаевъ, Ф. И., Лекціи Е. И. В. Наслѣднику Цес. Николаю Александровичу (1859—1860). Старина и Новизна, кн. 12, М., 1907.
- Бѣлокуровъ, С. А., О библиотекѣ моск. государей въ XVI столѣтіи, М. 1898 (= Сборникъ Моск. Гл. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, вып. 6, М. 1899).
- Бѣлоруссъ, Судьбы русскаго языка въ костелахъ сѣверо-зап. края, Русскій Вѣстникъ, 1868, т. 77.
- Васильевскій, В. Т., Очеркъ исторіи г. Вильны. Памятники русскаго стариннаго, изд. П. Батюшкова, V—VI, Спб., 1873-4.
- Викторовъ, А., Замѣчательное открытіе въ древне-русскомъ книжномъ мірѣ. «Бесѣды Общества Любителей Россійской Словесности, I, М. 1867 и отд.
- Витебская Старина, составилъ и издалъ А. Сапуновъ, т. I, Витебскъ, 1883.
- Владиміровъ, П. В., Научное изученіе бѣлорусскаго нарѣчія за послѣднія десять лѣтъ (1886—1896), Унив. Извѣстія, 1898, Кіевъ, май.
- Владиміровъ, П. В., Начало славянскаго книгопечатанія въ XV и XVI в. Чтенія въ истор. общ. Нестора Лѣтописца, VIII, Кіевъ, 1894.

- Владиміровъ, П. В., Обзоръ южно-русскихъ и зап.-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст., Кіевъ, 1890 (изъ Чтеній Нестора Лѣт., IV, 1890).
- Владиміровъ, П. В., Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ, СПб. 1888 (Пам. Др. Письм., XC).
- Возняк, М., Історія української літератури, II—III, Львів, 1921, 1924.
- Возняк, М., Старе українське письменство, Львів, 1922.
- Востоковъ, А. Х., Описаніе рус. и слав. рукописей Румянц. Музея. СПб., 1842.
- Воўк-Левановіч, Я., Мова выданьняў Францішка Скарыны, ЧБД., 262—283.
- Гарэцкі, М., Гісторыя беларускае літаратуры. вид. 4. Менск, 1926.
- Гильтебрандтъ (Рязанскій), П., Справочный и объяснительный словарь къ Псалтири, СПб., 1898.
- Головацкій, Я. Ф., Нѣсколько словъ о Библии Скорины и о рукописной русской Библии изъ XVI ст., сбрѣтающейся въ библіотецѣ монастыря св. Онуфрія во Львовѣ, Науковий Сборникъ, I, 1865, Львовъ, 225—256.
- Головацкій, Я. Ф., Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ по актамъ XVI ст. Вильна, 1888.
- Голубевъ, С. П., Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники, I—II, Кіевъ, 1883, 1898.
- Голубинскій, Е. Е., Історія русской церкви, II, 1, М. 1900.
- Горскій-Новоструевъ, Описаніе славянскихъ рукописей Моск. Синод. Библіотеки, отд. I, М. 1855 и сл.
- Грузинскій, А. С., Отчетъ о занятіяхъ въ Полтавѣ — въ отчетѣ В. Н. Перетца объ экскурсіи семинарія рус. филол. въ Полтаву и Екатеринославъ I—9. VI. 1910—Кіевъ, 1910.
- Грузинскій, А., Палеографическія и критическія замѣтки о Пересопницкомъ Евангеліи, ЖМНПр., 1912, апр. и іюнь.
- Грузинскій, А. С., Пересопницкое Евангеліе, какъ памятникъ искусства эпохи Возрожденія въ южной Россіи въ XVI вѣкѣ. — Искусство. Живопись. Графика. Художественная печать. Кіевъ, 1911, № 1.
- Грушевський, М. С., Впливи чеського національного руху XIV—XV вв. в українській життю і творчості, яко проблема дослїду. ЗНТШ., СХLI—III, 1925.
- Грушевський, М., Історія української літератури, V, Київ, 1925.
- Даўгяла, З., Ролосіае тоеніа. Гістарычна-топографічны нарис полацкіх умацаваньняў. Запіскі аддзелу гуманітарных навук Інстытута Беларускае культуры, кн. 3. Працы клясы гісторыі, т. II, Менск, 1928.
- Дварчанін, І., Аб годзе нараджэння Фр. Скарыны. «Родныя Гоні», кн. I, Вильня, 1927, 20—22.
- Добрянскій, Ф., Описаніе рукописей Виленской Публ. Библіотеки церк.-слав. и русскихъ, Вильно, 1882.
- Евсѣевъ, И. Е., Геннадіевская Библия 1499 года. Труды XV Археол. Съѣзда, II, Москва, 1916.
- Евсѣевъ, И. Е., Очерки по исторіи славянскаго перевода Библии. Черты бытовой исторіи славянской Библии съ конца XV до XVIII вѣка. Христіанское Чтеніе, 1912 (ч. XCII), XI—XII, 1913 (г. XCIII), II, III.
- Евсѣевъ, И. Е., Рукописное преданіе Славянской Библии, Христіанское Чтеніе, т. CCXXV, 1911, янв.
- Егораў, З., Падуанскі Унівэрсытэт у XV—XVI сталецьцях, ЧБД.
- Елеонскій, Ф., Библия въ Россіи. Правсл. Богосл. Энциклопедія, II, 1903 (2ое изд.), 490—544 стб.
- Елеонскій, Ф., По поводу 150-лѣтія Елизаветинской Библии. О новомъ пересмотрѣ славянскаго перевода Библии. СПб. 1902.
- Житецкій, П. И., О Пересопницкой рукописи. Труды III Археол. Союза, II, Кіевъ. 1878, 221—230.

- Житецкий, П. И., Очеркъ литерат. исторіи малор. нарѣчія въ XVII в., Кіевъ 1889.
- Житецкий, П. И., Текстъ Евангелія Луки изъ Пересопн. рукописи, Труды III Арх. Съѣзда, II, 1878, прилож.
- Зленко, П., Празькі видання Скорины. Книголюб, вид. українськ. товар. прихилників книги, № 2, Прага, 1927.
- Зленко, П., Чеські та словацькі переклади з українського красного письменства. Наша культура, 1935, липень, № 4, Варшава.
- КА — Крехівський Апостол, Огієнко, Укр. мова.
- Калайдовичъ К. — Строевъ, П., Обстоят. описаніе славяно-россійск. рукописей въ бібліотекѣ гр. Ф. А. Толстого, М. 1825.
- Карамзинъ, Н. М., Исторія Государства Россійскаго, I^я, Спб., 1819.
- Каратаевъ, И., Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, I — съ 1491 по 1652 гг., Спб., 1883 (Сборникъ Отд. рус. яз. и слов., XXXIV, № 2).
- Карскій, Е. Ф., Бѣлорусы, I—III (1—2), Вильно—Варшава—Спб., 1904—1921.
- Карскій, Е. Ф., Западно-русскіе переводы Псалтыри въ XV—XVII вв., Варшава, 1896.
- Карскій, Е. Ф., Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Рус. Филол. Вѣстникъ, XXVII, 1892.
- Карскій, Е. Ф., О языкѣ такъ назыв. литовскихъ лѣтописей, Варш. Унив. Извѣстія, 1894, II.
- Кашпровскій, Е. И., Борьба Василя III Ивановича съ Сигизмундомъ I Казимировичемъ изъ-за обладанія Смоленскомъ (1507—1522). Сборникъ ист.-фил. общ-ва при инст. им. Безбородко въ Нѣжинѣ, II, Нѣжинъ, 1899, 173—344.
- Костомаровъ, Н. И., Старинный южнорусскій переводъ Пѣсни пѣсней съ послѣсловіями о любви. Основа, 1861, ноябрь-дек., 49—64.
- Кочубинскій, А. А., Замѣтки о малор. нарѣчій въ памятникахъ нашей литерат. старины (рецензія на книгу Житецкаго Очеркъ лит. исторіи), Отчетъ о 32 присужд. наградъ гр. Уварова, Зап. Акад. Наукъ, LXIX, № 3, Спб., 1892, 222—318.
- КП = Карскій, Псалтырь.
- Крипякевич, І., Каталог бібліотеки Льв. Ставропігії з 1619 р., Українська книга, 1937, VII—VIII, Львів.
- Круповичъ, М., Собраніе госуд. и частныхъ актовъ, касающихся исторіи Литвы и соедин. съ нею владѣній (от 1387 до 1710 гг.), I, Вильно, 1858.
- Купаловъ, А., Скорина. Русскій Біограф. Словарь, т. Сабанѣевъ — Смысловъ, Спб., 1904, 600—603.
- Лаппо, И. И., Литовскій Статутъ 1588 г., I, ч. 1—2, Каунас, 1934, 1936.
- Ластоўскі, В., Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Сироба паясьніцельнай кнігонісі ад канца X да начатку XIX стагодзьдзя, Коўна, 1926.
- Ластоўскі, В., Доктар Франціш Скарына (1525—1925), «Крывіч», Коўна, 1924, № 2 (8).
- Макаренко, М., Орнаментація української книжки XVI—XVII ст. — Українська книга XVI, XVII, XVIII ст. Київ, 1926 (= Труды Укр. Науков. Инст. Книгознанства, т. I).
- Мальшевскій, И. И., Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность, I, Спб., 1895.
- Миловидовъ, А. И., Новые документы, относящіеся къ біографіи Франциска Скорины, Изв. отд. рус. яз. и слов., XXII, 2, 1917, 221—226.
- Миловидовъ, А. И., Судьба русской книги въ сѣверо-зап. краѣ въ связи съ его культурной исторіей. Христ. Чтеніе, 1903, сент. и окт.
- Новосадскій, И. В., Возникновение печатной книги в Россіи в XVI в. в сборнике «Иван Федоровъ», 27—69.

- Огієнко, Ів., Друкарська Трійця. Фіоль, Скорина и Хведорович. (Історичний нарис із світанку українського друкарства). Літопис політики, письменства і мистецтва, Берлін, р. 1, 1924, №№ 11—16.
- Огієнко, Ів., Українська Житомирська Євангелія 1571 року, Тернів, 1922.
- Огієнко, Ів., Історія українського друку, 1, Львів, 1925.
- Огієнко, І., Крехівський Апостол 1560-х років. — Sbornik práce I. sjezdu Slov. filologů v Praze, 1929, Praha, 1932.
- Огієнко, Пересопницька Євангелія 1556—1561, «Путь Правды», 1930, № 1, оттиск. Варшава, 1930.
- Огієнко, Ів., Українська літературна мова XVI-го ст. і Крехівський Апостол 1560-х р. I—II, Варшава, 1930 (Студії до укр. граматики, кн. VII—VIII).
- Оглоблінъ, Н., О гоненіи на «Литовскія» книги въ Москвѣ, Библиографъ, Спб., 1889.
- Оляничин, Д., Пам'ятки із минулого українського духовно-культурного життя в Кенігсберзі. — Науковий Збірник проф. Ів. Огієнкові, Варшава, 1937.
- Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Прав. Синода, тт. III, Спб., 1878.
- Орлов, А. С., К вопросу о начале печатания в Москве, сборник «Иван Федоров», 9—26.
- Павлуцкій, Г. Г., Орнаментъ Пересопницкаго Євангелія. — Искусствъ. Живопись. Графика. Худож. печать, Кієвъ, 1911, № 1, 83—92.
- Пекарскій, П. П., Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, 1—2, Спб., 1862.
- Первольфъ, І., Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка, Спб. 1874 (из ЖМНПр., 1874).
- Первольфъ, І., Славяне и ихъ взаимныя отношенія. 1—3 (1—2), Варшава, 1886—1893.
- Первольфъ, І., Чехи и русскіе, Бесѣда, тт. V и VII, 1872.
- Перетцъ, В. Н., Новые труды о «жидовствующихъ» XV в. и ихъ литературѣ. Унив. Изв., Кієвъ, 1908, 10 (окт.).
- Перетцъ, Повѣсть о трехъ короляхъ-волхвахъ въ зап.-рус. спискѣ XV в., Пам. др. письм., № CL, Спб., 1903.
- Петровъ, Н. И., Акты и документы, относящ. къ исторіи Кіевск. Акад., отд. II, т. 5, Кієвъ, 1908.
- Письма къ М. П. Погодину изъ слав. земель, I, М. 1879.
- Піотуховіч, М., Францішак Скарына і яго літературная дзейнасць, ЧБД., 157—179.
- Пічэта, У., Беларускае Адраджэньне ў XVI стагоддзі, ЧБД., 132—156.
- Пічэта, У., Друк на Беларусі ў XVI і XVII стагоддзях. ЧБД., 228—261.
- Пічэта, У., Полацкая зямля у пачатку XVI стагоддзя, ЧБД., 76—113.
- Пічэта, У., Skoginia (1776—1926), ЧБД., 284—327.
- Покровскій, А. А., Древнее Псковско-Новгородское письменное наследіе. Труды XV Арх. съѣзда въ Новгородѣ, II М. 1916.
- Поповъ, А. И., Изборникъ слав. и рус. сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы Русской редакціи, М. 1869.
- Попов, П., Початки друкарства у слов'ян. Библиологічні вісти, Кіїв, 1—3, 1924.
- ПСРЛ = Полное собраніе русскихъ лѣтописей. изд. Археогр. Комиссіи, т. XXII, I (Хронографъ), Спб., 1911.
- Пташицкій, Ст., Библиотека Великаго князя Литовскаго въ Вильнѣ въ 1510 г., Библиографъ, 1888, № 1 (и отд.).
- РБС., = Русскій Биографическій Словарь, С, III, Спб., 1905, 1911.
- РИБ = Русская Историч. Библиотека, изд. Археогр. Комиссіи, тт. III, VIII, IV.
- Саладух, А., Францішак Скарына на грунці університетскаго жищя у Падуі, «Калосьсе», 1937, I (10), 37—43.

- Сборникъ П. Муханова, 2 изд., СПб., 1866.
- Свенцицкий, І., Опис рукописів Нар. Дому з колекції Ант. Петрушевича, ч. 3, Львів, 1911 (Укр.-руський Архив, VII).
- Соболевскій, А. И., Матеріали и изслѣдованія въ области слав. филологіи и археології, СПб., 1910.
- Соболевскій, А. И., Гдѣ написаны Кіевскіе глагол. отрывки. Вѣстникъ Археології и Исторіи. X, СПб., 1898.
- Соболевскій, А. И., Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Библиографическіе матеріали, СПб., 1903 (= СОРЯСл., т. 74).
- Сопиковъ, В. С., Опытъ російской библиографіи, переизданіе ред. В. И. Рогожина, I, СПб., 1904.
- Сперанскій, М. Н., Исторія древней русской литературы. Моск. период. изд. 3, М., 1921.
- Срезневскій, В. И., Отчетъ отд. Рус. яз. и сл. Ак. Н. о поѣздкѣ въ Олон., Волог. и Пермск. губерніи въ 1902 г., ИОРЯС., IX 3, 1906.
- Срезневскій, И. И., Матеріали для словаря древнерусскаго языка, 1—3, СПб., 1902—1904.
- Сочиненія Гр. А. Скибинскаго, изд. А. Соболевскаго, Чтенія общ. ист. п др., 1914 2 кн. 249, М. 1913.
- СРИО = Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, XXXV, СПб., 1882.
- Станкевич, Ад., Доктар Францішак Скарына, першы друкар Беларускі 1525—1925. Вільня, 1925 (есть и изданіе латиницей).
- Станкевич, Ад., Доктар Франціш Скарына і яго культурная праца. З нагоды 450-лецыя яго нараджэння (1486—1936), «Калосьсе», 1936, кн. 2, 97—100, 155—165.
- Степовичъ, А., рец. на книгу Владимірова о Скориніе, Кіевская Старина, 1889, февр.
- Талочка, Ул., Да справы веравызнаньця Фр. Скарыны (з нагоды працы кс. др. К. Кантака). «Калосьсе», кн. 3, Вільня, 1935, 169—170.
- Тиховскій, Ю. И., Южно-руссійскій библейскій кодексъ Луки изъ Тернополя (1569) и его отношеніе къ трудамъ Скорины и южно-русскому библейскому кодексу 1575—77 гг., Труды XII Арх. съѣзда, III, М. 1905, 337 (тезисы).
- Тітов, Хв., Матеріали для історіі книжної справи на Україні в XVI—XVIII вв. Всезбірка передмов итд., Київ, 1924.
- Тупиковъ, Н. М., Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ, СПб., 1903.
- Ундольскій, В. М., Сильвестръ Медвѣдевъ, отецъ славяно-русской библиографіи. Въ приложеніи — «Оглавленіе книгъ». Чтенія Общ. Ист. и др., 1846.
- Флоровскій, А. В., Первый русскій врач в Прагѣ. Русскій Врач в ЧСР., III, 9 сент. 1936, 380—382.
- Франко, Ів., Іван Вишенскій і его твори, Львів 1895.
- Францевъ, В. А. Письма къ В. Ганкѣ, изд. В. Францевъ. Варш., 1905.
- Харламповичъ, К., Зап.-русскія православныя школы XVI и начала XVII в., Казань, 1898.
- Харэвіч, А., Ф. Скарына і яго эпоха. «Полымя», 1925, № 7, 138—153.
- ЧБД. — Чатырохсоцьлецыя Беларускага Друку, Сборник, Менск, 1925.
- Чернобаевъ, В. Г., Начало книгопечатанія в Чехии и Польше, сборникъ «Іван Федоровъ», 131—155.
- Чистовичъ, И., Исправленіе текста славянскоі Библии передъ изданіемъ 1751 г. «Православное Обозрѣніе», т. II, 1860, Москва, май.
- Чистовичъ, И. Я., Исторія перевода Библии на русскій языкъ, 2ое изд., СПб., 1899 (1-ое — 1873).
- Чистовичъ, И. Я., Очеркъ исторіи зап.-рус. церкви, ч. I—2, СПб., 1882-84.
- Шахматовъ, А. А., Къ вопросу о происхожденіи Хронографа, СОРЯСл., LXVI, № 8, СПб. 1899.

- Шляпкинъ, И. А., Къ биографіи Франциска Скорины. ЖМНПр., 1892, апр., 382—385.
 Шляпкинъ, И. А., Св. Димитрій Ростовскій и его время (1654—1709), СПб., 1891.
 Шчакаціхін, М., Гравюры і книжныя аздобы ў выданьнях Фр. Скарыны, ЧБД., 180—227.
 Шчакаціхін, М., Увагі да ілюстрацый, ЧБД., 329—340.
 Шчакаціхін, М., Калі радзіўся Фр. Скарана. »Польмя«, 1925, № 5, 148—151.
 Щелкунов, История, техника, искусство книгопечатания, М.—Л. 1926 г.
 Яворскій, Ю. А., Ветхозавѣтныя библейскія сказанія въ карпаторусской церковно-учительной обработкѣ конца XVII-го в. Ужгородъ—Прага, 1927 («Науковий Зборникъ» тов. Просвита, V).
 Яремченко, Ол., Др. Франціск — Георгіи Скорина. Літературно-науковий Вістник, 1923, XI, Львів.
 Ясинскій, А. И., З культурнае гісторыі Чэхіі пачатку XVI-го сталяцця. ЧБД., 39—58.

B.

- Acta Alexandra*, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego a t. d. (1501—1506), wydal Fr. Papée, Cracoviae, 1927 = Mon. Medii Aevi, XIX.
 Adámek, K. V., Bible Pražská z roku 1480 a jiné prvotisky pražské knihtiskare Jana Bilého od Čapu. Věstník České akad. věd, XXXVII/3, 1928.
 Agiz = Akta grodzkie i ziemskie, t. X, Lwów, 1889.
 Bataban, M., Drukarstwo Żydowskie w Polsce w XVI. w. Pamiętnik Zjazdu naukowego im. J. Kochanowskiego w Krakowie 8—9 czerwca 1930, Kraków, 1931, 102—116.
 Bataban, M., Historia Żydów w Krakowie i na Kazimierzu 1304—1868, I^o, Kraków, 1931.
 Bartoš, F. M., Počátky národní Bible v Čechách, Bratislava, 1933, VI/3, 169—177.
 Beckovský, J., Poselkyně starých příběhů českých, III, red. A. Rezek, Praha, 1879.
 Brückner, A., Dzieje kultury polskiej, I—II, Kraków, 1930.
 — — Skorina, Zfsl. Ph., IV, 1927, 19—20.
 — — Słownik etymologiczny języka polskiego, Kr., 1927.
 — — Średniowieczna proza polska, Kraków, 1923.
 — — Wo promowirte Skorina, Afsl. Ph., XIV, 1892, 468.
 — — Z zaránia księgi czesko-polsko-ruskiej. Przewodnik Bibliograficzny, S. II. t. VII, N 6. 1926, 227.
 Březan, V., Život Viléma z Rosenberka, Praha, 1847.
 Chmiel, Ad., Album Studiosorum Universitatis Cracoviensis, t. II, ed. A. Chmiel, Cracoviae, 1892.
 Co daly naše země Evropě a lidstvu. (Сборник), Praha, 1939; 2. vyd 1940.
 ČSB = Český slovník bohovědný I—V.
 Dobrovský, J., Anfang von der Skorinischen Bibel-Uebersetzung. Slovanka, I, 1814, 153 и сл.
 Dobrovský, J., Geschichte d. böhmischen Sprache, Prag, 1818, новое издание — Spisy a projevy, VII, Praha, 1936.
 — — Institutiones linguae slavicae dialecti veteris, Vindobonae, I, 1822.
 — — Jeremias Klaglieder, von Franz Skorina ins Russische übersetzt, Slovanka, II, 1815, 149 и сл.
 — — Litterarische Nachrichten von einer Reise nach Schweden und Russland, Prag, 1796.
 — — Korrespondence, d. I. Dopisy J. D. a F. Duricha z let 1778—1800, vyd. A. Patera, Praha, 1895.
 Dolenský, A., Výzdoba českých bibli ve století XV. a XVI. Przewodnik Bibliograficzny, S. II, t. VII, N 6, 1926.
 Dvorský, Fr., Příspěvky k dějinám slovanským. Slovanský sborník, red. E. Jelinek, IV, Praha, 1885.
 Fechner, A. W., Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau, I—2, Moskau, 1876.

- Fiedler, J.**, Ein Versuch der Vereinigung der russischen mit der römischen Kirche im XVI. Jahrhunderte, Wien, 1862 (Sitzungsberichte d. Akad. d. Wiss., hist.-phil. Klasse, XL).
- Fijałek, J., ks.**, Początki censury przewencyjnej w kościele Rzymsko-Katolickiem i w Polsce. Studja staropolskie. Księga ku czci A. Brücknera, Kraków, 1928.
- — Uchrzescijanienie Litwy przez Polskę = Polska i Litwa w dziejowym stosunku, Kraków, 1914.
- Florovský, A.**, Fr. Skorina et son activité parmi les Slaves. Bulletin d'information des Sciences historiques en Europe Orientale, IX, 1—2, Varsovie, 1939.
- — Die Anfänge des Buchdruckes bei den Ostslaven. Slavische Rundschau, 1940, H. 1—2, Prag, 66—90.
- — Nové zprávy o pobytu Fr. Skoryny v Praze, Časopis Nár. Musea, XLVIII, 1938.
- — Vliv staré české literatury v oblasti ruské в сборнике „Co daly atd.“ Praha, 1939.
- Franko, J.**, K dějinám česko-rusinské vzájemnosti, Slovanský přehled, III, 1901.
- Gebauer, J.**, Slovník staročeský, 1—2, Praha, 1903—16.
- Gellner, G.**, Jan Černý a jini lékaři čeští do konce doby jagellonské. Věstník Kr. č. spol. nauk, třída filos.-hist., r. 1934, Praha, 1935.
- Hájek z Libočan, V.**, O nesťastnie przihodie kteraž gse stala skrze ohen w Menssim Miestie Pražském a na Hradie Swatého Wacslawa y na Hradczanech etc. Leta MDXXXXI, изд. B. Netholický, переизд. 1614 у Велеславина; переп. Миковцем в Lumír, 1852, II.
- Haluščynskyj, Th. T.**, De Ucrainis S. Scripturae versionibus, Богословія, III, 3—4, Львів, 1925.
- Hanka, V.**, České prvotisky, ČČM., 1852
- Harnack, A.**, Der apokryphe Brief des Apostols Paulus an die Laodicener, eine Marcionitische Fälschung aus der 2. Hälfte der 2. Jahrhundert. Sitzungsberichte d. preus. Akad. d. Wiss., phil.-hist. Klasse, Jahrgang 1923, Berlin, 1923, 235—245.
- Hrejsa, J.**, Bible a český národ, Brno, 1935.
- Hryniewiecki, Br.**, Precis de l'histoire de la Botanique en Pologne. Histoire sommaire des Sciences en Pologne, publiée à l'occasion du VIIe congrès intern. des Sciences historiques Cracovie, 1933.
- Hryb, T.**, Šlacham Skaryny. — Iskry Skaryny. N 4, travieň, 1934, Praha, 1—10.
- Jakubec, J.**, Dějiny literatury české, 1—2, Praha, 1929 a 1934.
- Janów, J.**, Czeska Biblija Żablackiego i Biblija Królowej Żofji, Przegląd Bibliograficzny, S. II, t. VII, № 6, 1926, 250—256.
- — Przyczynek do źródeł Ewangeljarza popa Andrzeja z Jaroslawia. Prace Filologiczne, XV, 2, 1931.
- — Źródła Ewangelji Peresopnickiej, Slavia, r. V, z. 3, 1927.
- Jireček, J.**, Rozbor prvotního českého překladu Starého zákona. Čas. Českého mus., XXXVIII, 1864.
- — Rukověť k dějinám literatury české do konce XVIII. věku, I, Praha, 1875.
- Kantak, K.**, Bernardyny Polscy, I, 1453—1533, Lwów, 1933.
- Karbowiak, A.**, Dzieje wychowania i szkół w Polsce, III, Lwów-W.-Kr., 1923.
- Karskij, E.**, Geschichte der weissrussischen Volksdichtung und Literatur, Berlin, 1926 (Grundriss d. Slav. Philologie, hrg. v. Vasmer, II).
- Koczy, L.**, Handel Poznania do połowy wieka XVI. Poznań, 1930.
- Kolář, J.**, O české bibli z XV. věku v Moskvě. Sitzungsberichte d. K. böhm. Gesellsch. d. Wiss., J. 1867, Sitzung 4. III. 1867.
- Kopitar, B.**, Hesychii glossographi discipulus et epiglossistes russus, Vindobonae, 1839 (1840).
- Kozmograffia Česká:** to gest wyspánij o položenij krajín neb zemij . . . , vyd. J. a Z. z Puchowa, Praha, 1554.
- Kraszewski, J.**, Wilno od początków jego do roku 1750, IV, Wilno, 1842.
- Kubka, Fr.**, Dobrovský a Rusko. Počátky vztahů česko-ruských a názory J. Dobrovského na Rusko, Praha, 1926.

- Kuglin, W.**, Świętopelk Fieol z Krakowa i jego druki w Rosji, Muzeum Polskie, Kijów, MCMXVIII, 131—137.
- Kvaczala, J.**, Kurzer Bericht über meine Forschungsreisen. Acta et comment. Imp. Univ. Dorp. (Уч. Зап. Дерптск. Унив.), 1895, 2.
- Lachs, G.**, Alcune notizie sugli allievi polacchi presso la scuola di medicina di Padova. Omaggio dell' Accademia Polacca di science all' Università di Padova nel settimo centenario della sua fondazione, Cracovia, 1922, 275—323.
- Lieben, S. H.**, Der hebräische Buchdruck in Prag im 16. Jahrhundert. — Die Juden in Prag, Prag, 1927.
- Łoś, J.**, Początki piśmienictwa polskiego (Przegląd zabytków językowych), 2 изд. Lw., 1922.
- Lowmiański, H.**, o Скорине в рецензии — Atheneum Wileńskie, III, Wilno, 1926.
- Maiwald, V.**, Geschichte der Botanik in Böhmen, Wien-Lpz., 1904.
- Małecki, J.**, Biblija królowej Zofji, введение — Wiadomośc, 1871.
- Martel, A.**, La langue polonaise dans les pays ruthènes, Lille, 1938.
- Muczowski, J.**, Statuta nec non liber promotiorum philosophorum ordinis Universitatis Jagellonicae, 1402—1849, Cracoviae, 1849.
- Murko, M.**, Prvi početki ruskega romana. Ljublanski Zvon, XVII, 1897; нем. — Die ersten Schritten des russischen Romanes, Wiener Zeitung, 1897, 9—10 янв. и отд., Wien, 1897; чешск. перевод — Murko, Rozprawy z oboru slov. filologie, Praha, 1937, 503—513.
- Murko, M.**, Zur russischen Literaturgeschichte, Afs. Ph., XII, 1890.
- Nehring, W.**, Iter Florianense. Poznań, 1871.
- Němec, B.**, Botanika v Čechách do bitvy bělohorské. ČČM., XCVI, 1922, 1—18.
— — Botanika v Čechách. В сѳорнике Vývoj české přírodovědy, vyd. L. Vinikláf, Praha 1931.
- Oljančyn, D.**, Aus dem Kultur- und Geistesleben der Ukraine, „Kyrios“, Königsberg, I, 2; II, 1—3, 1936—1937.
- Perwolf, J.**, Poláci a Rusini. Osvěta, r. XI, 1881.
- Prostov, E. V.**, Origins of Russian Printing, The Library Quarterly, I, 1931, Chicago, 255—277.
- PSB = Polski Słownik Biograficzny**, I—IV, Kraków, 1936—1939.
- Ptaśnik, J.**, Cracovia impressorum XV et XVI saeculorum, Leopold. MCMXXII (Monumenta Poloniae Typographica XV et XVI saec., I).
- Pułaski, J.**, Opis 815 rękopisów, Warszawa, 1923.
- Rostafinski, G.**, Dioscoride in Polonia. — Omaggio atd., ср. Lachs., 329—341.
- Rybarski, R.**, Handel i polityka handlowa Polski w XVI stuleciu, I—II, Poznań, 1928—9.
- Spina, Fr.**, Tschechischer Buchdruck in Nurnberg am Anfang des 16. Jahrhunderts. Prager Deutsche Studien, H. IX; peu. Zibrta, ČČM., LXXXII, 1908.
- Stang, Chr. S.**, Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen, Oslo, 1935 (= Skrifter utgitt av Det Norske Videns-Kaps-Akademi i Oslo, II, Hist.-Filos. Klasse, 1935, N 2).
- Svátek, J.**, Královská zahrada na Hradčanech, в сѳорнике „Ze staré Prahy. Obrazy děje a mistopisné.“ Praha, s. a. (1899), 126—154.
- Sýkora, J. L.**, Apokryfni knihy novozákonní, Čas. kat. duch., XLV (LXX), 1904, Praha.
- Szykowski, M.**, Styky česko-polské v dějinách a písemnictví. Sborník prací, věnovaných prof. dr. J. Máchalovi, Praha, 1925.
- Šafařík, K.**, Korespondence, vyd. V. Francev, I, 1—2, Praha, 1920—1929.
- Teplý, Fr.**, Dějiny města Jindřichova Hradce, I, 1—4, II, 1—3, Jindřichův Hradec, 1927—1936.
- Thevet, A.**, Cosmographie Moscovite, publiée par le prince Augustin Galitzin, Paris, MDCCCLVIII.
- Tobolka, Zd.**, Knihopis čsl. tisků od doby nejstarší až do konce XVIII. st. D. I. Prvotisky. Praha, 1925.

- — Český slovník bibliografický, Praha, 1910 (Sbirka pramenů ku poznání liter. života v Čechách, sk. III, č. 71).
- Vašica, J., Staročeský překlad bible. Bible a český národ. — Chudým dětem, XLVII, Brno, 1935.
- Volf, J., Dějiny českého knihtisku do roku 1848, Praha, 1926.
- Völker, K., Kirchengeschichte Polens, Berlin-Lpz., 1930 (Grundriss d. Slav. Philologie u. Kultur-Geschichte, hrg. v. Trautmann u. Vasmer).
- Weingart, M., Dobrovského Institutiones, I, Bratislava, 1923.
- — O politických a sociálních složkách v starších dějinách spisovných jazyků slovanských, zvláště cirk.-slov. Sborník Bidlův, 1928.
- — Slovanská vzájemnost, Bratislava, 1926.
- Wharton, L. C., Une histoire de l'Imprimerie dans l'Est et le Sud-est de l'Europe. Conference des historiens des états de l'Europe Orientale et du Monde Slave, II, Varsovie, 1928, 281—285.
- Wierzbowski, Th., Matricularum Regni Poloniae Summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensis asservantur, IV/2, Varsoviae, MCMXII.
- Windakiewicz, Materyaly do historyj polaków w Padwie. Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce, VII, Kraków, 1892.
- Winter, Z., Remeslnictvo a živnosti XVI. věku v Čechách (1526—1620), Praha, 1909.
- Wiszniewski, M., Historya literatury polskiej, VIII, Kraków, 1854.
- Wojciechowska, M., — новые данные о Скорине в рец. Kwart Historyczny, XL, 1926.
- Wotschke, Th., Aus dem Briefwechsel des Stettiner Pfarrers Kogler. Archiv für Reformationsgeschichte, XXI Jahrg., N 83—84, 1924.
- — Geschichte der Reformation in Polen, Leipzig, 1911 (= Studien zur Kultur und Geschichte der Reformation, B. I).
- Zibrť, Č., Zobrazení Trojice skupinou tří hlav za středověku i v lidovém umění nynějším. Věstník Král. č. spol. nauk, rok 1894, Praha, 1895, N 7, 1—14.

Дополнения.

Настоящая работа была закончена набором в 1940 г., но по обстоятельствам военного времени выходит из печати только в 1946 г. За эти годы у автора накопились некоторые дополнительные данные по затронутым в работе вопросам.

- Стр. 156, прим. 6. — S. Urbańczyk. Z dawnych związków językowych polsko-czeskich. Cz. I.: Biblia królowej Zofii a staroczeskie przekłady Pisma Świętego. Sprawozdania Pol. Akad. Umiej. XLVI, 1945, nr. 1—5, 37—42.
- Стр. 158, прим. 12. — Ср. и А. А. Назаревский, Языкъ Евангелія 1581 г. въ переводѣ В. Негалевскаго, Универс. Извѣстія, 1911.
- Стр. 193, пр. 170. — О Шв. Фиоле см. еще Z. Kuziela, Der Deutsche Schweitpold Fiol, als Begründer der ukrainischen Buchdruckerkunst (1491), Gutenberg-Jahrbuch, 1936, Mainz, 73—81; С. Сірополко, В. Січинський и Е. Пеленський в журнале „Українська Книга“, V, Краков, 1943, 5, 11—19, 20—22, 103—106; I. P., Чи мог бути друкар Фиол в Грушеве і ту печатати книги? Подкарпатская Русь, I, 1924, ч. 3, 93 и сл.; ср. Szykowski, Slavische Rundschau 1940, 1—2.
- Стр. 201. — Проф. прот. Г. Флоровский, Д. Д., обратил наше внимание на возможность истолкования слов Курбского в том смысле, что он имел в виду связь книг Скорины с Вульгатой, восходившей к еврейской (Мазоретской) версии Ветхого Завета, не к принятой для слав. Библии греческой версии семидесяти толковников, с точки зрения Курбского единственно правоверной.
- Стр. 202, пр. 202. — О ней см. и Z. Tobolka, Knihopis českých a slovanských tisků, II, 2, Praha, 1941, 56—61, sv. 1097.

Стр. 205. — К кенигсбергскому эпизоду см. и замечания К. Forstreutera, *Preussen und Russland im Mittelalter*, Königsberg-Berlin, 1938, 222, Скорина на службе у Альбрехта скорее всего как врач в связи с эпидемией.

Стр. 222, пр. 306. — Список „Апостола“ Скорины 1568 г. — в Государственном Музее в Киеве, Перетц, *Известия Академии Наук*, 1924, 625.

Стр. 223 и сл. — Известность изданий Скорины в Москве и Моск. Руси иллюстрируется с полной ясностью еще и следующими фактами: в Сольвычегодской библиотеке Строгановых уже в XVII в. имелось несколько пражских изданий с русскими приписками XVI и XVII вв. (А. Введенский, *Библиотека и архив у Строгановых в XVI—XVII вв.*, „Север“, кн. 3—4, Вологда, 1923, 83—84); при обработке московского издания Псалтыри в 1619 г. поп Никола взял ряд поправок текста из Скорины (В. Погорѣлов, *О редакциях слав. перевода Псалтыри*. Библиотека Моск. Синод. Типографии, 1/3, Псалтыри. Москва, 1901, XXXVIII стр.); в рукоп. сборнике XVI в. в Софийской библиотеке (Новгород Вел.) имелась копия Иова по изданию Скорины (Д. Абрамович, *Софийская библиотека, Описание рукописей* СПб. Дух. Академии, III, СПб., 1910, 313, N 1473).

Стр. 245. — В 1723 г. в Галле была издана чешская библия при участии М. Беля и Д. Крмана. Один из учеников школы в Галле, живший после 1721 г. в Нарве, пастор Н. Родде предполагал обратить на это издание внимание Феофана Прокоповича в связи с делом правки текста библии. Осуществил ли он этот план, неизвестно, но самая мысль эта представляет значительный интерес. Родде писал: „es können dieselben, in Sonderheit die Bibel, grossen Nutzen schaffen, wenn man die Slavonische Bibel corrigiren solte, als welche an einigen Orten sehr unverständliche dem gemeinen Manne, hierin aber finde ich oft Wörter, die hier im Lande gantz gemein und bekannt sind, ich will auch zu diesem Ende mit dm. Bischoff Theophan correspondiren, und ihm von dieser Bibel melden, und weil er polnisch perfect verstehet, wird er auch wohl Böhmisch lesen können.“ Tschizewsky, D., *Der Kreis A. H. Franckes in Halle und seine slavistischen Studien*, *Zeitschrift für slavische Philologie* XVI, 1939, 48.

Peter Kosta

**Probleme der Švejk-Übersetzungen
in den west- und südslavischen
Sprachen**

**Linguistische Studien
zur Translation literarischer Texte**

689 S.

Supplementband 13

DM 152.-

Wolfgang Eismann

**Von der Volkskunst
zur proletarischen
Kunst**

**Theorien zur Sprache der Literatur
in Rußland und der Sowjetunion**

359 S.

Supplementband 20

DM 90.-

SPECIMINA PHILOGIAE

SLAVICAE

SPECIMINA PHILCOLOGIAE SLAVICAE

Herausgegeben von O. Horbatsch, G. Freidhof
und P. Kosta

- Supplementband 9: W. Lehfeldt, Sprjaženie
ukrainskogo glagola. München 1985, 150 S., DM 40.-
- Supplementband 13: P. Kosta, Probleme der
Švejk-Übersetzungen in den
west- und südslavischen
Sprachen. München 1986,
689 S., DM 152.-
- Supplementband 18: T. Schmitt, Kasusgramma-
tik - Konstruktive Logik -
Temporaler Ausdruck. Mün-
chen 1986, 237 S., DM 56.-
- Supplementband 19: G. Hentschel, Vokalperzep-
tion und Natürliche Phono-
logie. Eine kontrastive
Untersuchung zum Deutschen
und Polnischen. München
1986, 348 S., DM 80.-
- Supplementband 20: W. Eismann, Von der Volks-
kunst zur proletarischen
Kunst. Theorien zur Sprache
der Literatur in Rußland
und der Sowjetunion. Mün-
chen 1986, 359 S., DM 90.-
- Supplementband 21: H. Spraul, Untersuchungen
zur Satzsemantik russischer
Sätze mit freien Adverbia-
len. München 1986, 290 S.,
DM 68.-

Specimina philologiae Slavicae

Herausg. von O. Horbatsch, G. Freidhof und
P. Kosta

- Supplementband 13: P. Kosta, Probleme der
Švejk-Übersetzungen in
den west- und südslav.
Sprachen. München 1986,
689 S., DM 152.-
- Supplementband 17: J. Marvan, České stup-
ňování. Degrees of com-
parison in Czech. Mün-
chen 1986, 232 S.,
DM 56.-
- Supplementband 18: T. Schmitt, Kasusgram-
matik - Konstruktive
Logik - Temporaler Aus-
druck. München 1986,
237 S., DM 56.-
- Supplementband 19: G. Hentschel, Vokalper-
zeption und Natürliche
Phonologie. Eine kon-
trastive Untersuchung
zum Deutschen und Pol-
nischen. München 1986,
348 S., DM 80.-
- Supplementband 23: Sprach- und Kulturkon-
takte im Polnischen.
Festschrift A. de Vin-
cenz. München 1987,
XXV+621 S., DM 156.-

